

Гурджиев Георгий

Эссе и размышления о Человеке и его Учении

Георгий Иванович Гурджиев

Эссе и размышления о Человеке и его Учении

СОДЕРЖАНИЕ

> Предисловие переводчика

> Жанна де Зальцманн Пробуждение мысли

> Жанна де Зальцманн Первое посвящение

> Г.И. Гурджиев Вопросы и ответы

> Рене Домаль Первый шаг

ГУРДЖИЕВ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

> Басараб Николеску Гурджиевская философия природы

> Чарлз Т. Тарт Динамика сна наяву

ГУРДЖИЕВ, ТЕАТР И МУЗЫКА

> Питер Брук Тайное измерение

> Дэвид Хайкс Поиск пробужденного слушания

ВОСПОМИНАНИЯ

> Уильям Дж. Уэлш Воспоминания

> Соланж Клостре Десерт

ОБ АВТОРАХ

(С) Общество Друзей Абсолюта, составление

(С) Андрей Степанов, перевод, 2002

(С) Андрей Степанов, редакция, 2002

=====

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Статьи в этом сборнике написаны людьми, принадлежащим к совершенно различным областям познания: здесь и теоретическая физика и театр, музыка и психология, высказывания самого Гурджиева и воспоминания о нем. Эти статьи не только раскрывают учение Гурджиева совершенно с разных сторон, но и доказывают, что в нем действительно содержится полное и всеобъемлющее знание -- от космологии Вселенной до ролей, которые мы играем в жизни. Важно, что кроме теоретических описаний, в них даются (часто между строк) и практические способы воплощения в жизнь тех или иных идей.

На этих страницах постоянно встречаются три понятия -- "Абсолют", "пробуждение" и "состояние присутствия". Попробуем соединить их вместе.

Пробужден ли Абсолют? Находится ли он в состоянии присутствия? Что произойдет, если он, не дай Бог, заснет? Над последним вопросом даже не хочется особо задумываться, а на первые два не будет грехом ответить утвердительно. Прибегнув к помощи одного из семи первоверховных законов -закону аналогии, можно утверждать, что и в человеческом микрокосме также есть свой маленький Абсолют -- искра большого Абсолюта. Но где же его найти? Вряд ли можно сказать, что он заснул, скорее, это мы удалились от него слишком далеко, забыв закон иерархий и превратив свой внутренний мир из строго упорядоченного места проявлений нашего Абсолюта в полнейший хаос, окутав свой разум пеленой образов, перестав управлять чувствами, не в силах выбиться из наезженной колеи механических движений. Это драма как всего нашего Космоса, так и каждого из нас.

Что же делать? "Прежде чем начать что-либо делать, - не раз повторял Гурджиев, - вы должны осознать свое ничтожество. После этого можно начинать". И здесь его мнение полностью совпадает с мнением мудрейшего из мудрейших, незабвенного Ходжи Насреддина, говаривавшего, что даже Абсолют, перед тем как стать Абсолютом, долгое время был Ничем.

Основой данного сборника послужила книга "Gurdjieff: Essays and Reflections on Man and His Teaching", edited by J. Needleman and G. Baker.

Цитаты из книги Г.И. Гурджиева "Рассказы Баалзебуба своему внуку" в основном приводятся в классическом переводе Ф. Веревина, А. и Г. Беляевых, Л. Морозовой. Цитаты из книги П.Д. Успенского "В поисках чудесного" в основном приводятся в классическом переводе Н.В.фон Бока.

Ваши Вопросы и замечания, отзывы и пожелания направляйте по адресу gurdjieff@pise.net.
. Смотри также <http://gurdjieff.pise.net>.

Информацию о проводимых в России семинарах, посвященных психологии возможной эволюции человека и внутренней алхимии, можно получить по адресу: egory@mailbox.riga.lv.

Андрей Степанов

май 2002 Р.Х.

=====

ЖАННА ДЕ ЗАЛЬЦМАНН

(1889 -- 1990)

Жанна де Зальцманн, дочь знаменитого швейцарского архитектора Жюля Аллемана, изучала музыку (фортепиано, композицию и оркестровое дирижирование) в Женевской консерватории. Как танцовщица, преподаватель ритмических движений и ученица Эмиля Далькрозе, она с самого начала участвовала в работе авангардного Института Искусств, открытым Далькрозе в 1912 году в Геллерау, Германия. Там она повстречалась с художником и театральным дизайнером Александром де Зальцманн, за которого вышла замуж в 1917 году. Во время русской революции вместе с мужем Жанна де Зальцманн жила в Тифлисе, где открыла школу танцев и музыки. В 1919 году композитор Томас де Гартманн представил молодую пару Гурджиеву. Встреча оказалась судьбоносной. Со временем Жанна де Зальцманн стала самым доверенным помощником Гурджиева. В конце своей жизни он доверил ей продолжать свою Работу. Кроме этого, она руководила переводом и публикацией письменных трудов Гурджиева.

Более сорока лет Жанна де Зальцманн неустанно трудилась вместе со своими учениками, сохраняя и передавая упражнения и танцы, данные Гурджиевым. Свидетельством ее работы является выдающаяся серия документальных фильмов под названием "Священные танцы".

Жанна де Зальцманн

ПРОБУЖДЕНИЕ МЫСЛИ

Объективная мысль -- это взор свыше. Этот взор свободен, он способен видеть. Без этого взора свыше, видящего меня, моя жизнь -- это жизнь слепого человека, который идет по пути, ведомый лишь импульсом и не знающий куда и зачем он идет. Без этого взора свыше я не могу знать, что я существую.

Во мне есть сила, способная поднять меня над самой собой, дабы увидеть себя свободно -- со стороны. Моя мысль может быть свободной. Но для того, чтобы быть свободной, она должна освободить себя от всех ассоциаций, что держат ее в плену и делают пассивной. Мысль должна разорвать все нити, что связывают ее с миром образов и форм; она должна высвободить себя из-под постоянного давления эмоций. Мысль должна чувствовать свою силу противостоять этому давлению, свою объективную способность постепенно поднимаясь, наблюдать свыше за тем, что тянет ее вниз. Именно через это движение она становится активной. Она становится активной через самоочищение. Тогда раскрывается ее истинная цель, уникальное

предназначение -- осознать самого себя, проникнуть в эту мистерию.

Иначе наши мысли -- лишь иллюзии, которые поработают нас, в силках которых наши реальные мысли теряют свою объективную силу и намерение. В путях слов, образов, форм мысль теряет свою силу распознавать. Она теряет ощущение Я. Организм человека начинает плыть по течению, лишенный внутреннего разума. Без этого внутреннего видения я могу только впасть обратно в автоматизм, будучи предоставленной лишь воле случая.

Этот взор свыше делает меня одновременно и более свободной и более ответственной. В наиболее яркие моменты самоосознавания я достигаю состояния, когда чувствую благословение этого взора свыше, который спускается вниз, чтобы дотронуться до меня. В его свете я становлюсь прозрачной.

Каждый раз первым шагом является ощущение, что чего-то не хватает. Я чувствую потребность в реальной мысли. Стремление к свободной мысли делает меня способной реально осознавать собственное существование. Настоящей целью и единственной задачей активной мысли является открытие себя заново.

Итак, предметом моей борьбы является пассивность моего обычного мышления. Без этой борьбы не может родиться более высокое сознание. С помощью этой борьбы я могу оставить позади иллюзии по поводу своего собственного "Я", в которых я живу и достичь более реального видения. В недрах этой борьбы из хаоса рождается порядок. Устанавливается иерархия: два уровня, два мира. Пока существует только один уровень, нет места более глубокому видению. Распознавание другого уровня восприятия есть пробуждение мысли.

Без такого рода усилий мысль снова впадает в сон, наполненный словами, образами, предвзятыми представлениями, приблизительным знанием, мечтами и этот процесс бесконечен. Это мысль человека без глубинного осмысления. Для человека порой страшно осознать, что он не был способен жить своим собственным независимым мышлением, без того, что видит реальность, без связи с высшим миром.

Глубоко в моей сущности лежит возможность воссоединения с тем, кто видит. Здесь я соприкасаюсь с источником чего-то уникального и стабильного, неизменного.

Примечание: Этот текст, датированный 23 июля 1950 года, взят из дневника Жанны де Зальцманн. Публикуется с разрешения Мишеля де Зальцманн.

ПЕРВОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Вы можете видеть, что в жизни вы получаете взамен точно то, что вы отдаете. Ваша жизнь -- ваше зеркало. Это ваше отражение. Вы пассивны, слепы, требовательны. Вы берете от жизни все, принимаете все без каких-либо обязательств. Ваше отношение к миру и к жизни -- это привычка человека, имеющего право требовать и брать, но не способного зарабатывать и платить по счетам. Вы воспринимаете все вещи как должное только потому, что вы -- это вы! И в этом ваша слепота. Ничто не задевает ваше внимание. И именно это отделяет один мир от другого.

Вы не имеете меры для измерения себя. Вы живете лишь согласно категориям "Я люблю" или "Я не люблю", у вас нет другой оценки, кроме своей собственной. Вы не распознаете ничего, что лежит выше вас -- ни теоретически, ни логически. Именно поэтому вы продолжаете требовать и верить в то, что все очень дешево и у вас в кармане достаточно, чтобы получить все, что вы пожелаете. Вы не распознаете ничего из того, что выше вас, равно как и то, что вне вас или внутри вас. Именно поэтому я повторяю, вы не имеете внутренней шкалы измерения и живете пассивно, лишь согласно своим симпатиям и антипатиям.

Вас ослепляет ваша "оценка самих себя". Это самое большое препятствие на пути к новой жизни. Вы должны быть способны преодолеть это препятствие, этот порог прежде, чем идти дальше. Этот порог делит людей на две категории: "зерна" и "плевелы".

Не имеет значения, насколько умен или даровит человек; если он не способен к переоценке самого себя -- нет надежды на внутреннее развитие, на работу в ключе внутреннего самопознания, реального бытия. Человек остается таким, каким он был всю свою жизнь. Первым требованием, первым условием, первым проверочным тестом для того, кто хочет работать над самим собой, является способность к переоценке самого себя. Человек должен не просто воображать, верить или думать, но увидеть в себе некие вещи, которые он никогда прежде не видел, увидеть их в реальном свете. Понимание человеком самого себя не может измениться, если он по-прежнему ничего не видит в себе самом. А для того, чтобы видеть, он должен научиться видеть; это первое посвящение человека на пути к познанию самого себя.

Прежде всего человек должен понять, за чем он должен наблюдать. Когда он знает это, он способен делать усилия, удерживать свое внимание и наблюдать с постоянной настойчивостью. Только постоянно поддерживая свое внимание и не забывая наблюдать, возможно, однажды человек будет способен видеть. Если он увидел однажды, он может увидеть второй раз, и если так будет продолжаться -- он не сможет больше не видеть. Это и есть состояние, к которому мы стремимся, цель нашего самонаблюдения; из этого состояния рождаются наши истинные желания и мы из холодных превращаемся в теплых, вибрирующих; к нам прикасается наша собственная реальность.

На сегодняшний день мы не имеем ничего, кроме иллюзий по поводу себя. Мы оцениваем себя слишком высоко. Мы не уважаем себя. Для того, чтобы уважать себя, необходимо выделить в себе часть, которая выше других и которая будет свидетелем уважения к себе. Тогда мы учимся уважать себя, и в отношениях с другими людьми мы будем руководствоваться тем же уважением.

Вы должны понять, что все другие мерки -- талант, образование, культура, одаренность -- являются очень частными и изменчивыми. Единственной точной и неизменной, объективно истинной меркой является внутреннее видение. Я вижу -- я вижу себя самого, и это реальная оценка. Выделив свою высшую реальную часть, вы способны оценить свои низшие части, которые также являются реальными. И эта высшая оценка, определяющая роль каждой части, приведет к уважению самого себя.

Но вы увидите, что это нелегко. И не дешево. Вы должны платить ежедневно. Платить за тех, кто не платит, за ленивых людей, за паразитов, за безнадёжность. Вы должны платить, платить много и сразу, платить авансом. Платить самим собой. Искренне, сознательно, бескорыстно. Платить больше, чем способен заплатить, без тени экономии, надувательства или какой-либо фальсификации, платить больше, чем ожидаешь получить. И только тогда вы познакомитесь со своей собственной природой.

Вы разглядите все трюки, все уловки, к которым прибегает ваша природа, чтобы не платить "наличными". Потому что вы должны поплатиться вашими заготовленными теориями, закоренелыми убеждениями, предрассудками, симпатиями и антипатиями. Не торгуясь, честно, без претензий. Искренне попробуйте увидеть, что вы расплачиваетесь с собой фальшивыми деньгами.

Попробуйте хотя бы на один момент воспринять идею о том, что вы не являетесь тем, за кого себя выдаете, вы переоцениваете себя, лжете самому себе. Лжете каждый миг, каждый день, всю свою жизнь. И эта ложь настолько захватила вас, что вы не способны ее больше контролировать. Вы находитесь в плену лжи. Вы лжете всегда и везде. Ваши взаимоотношения с другими людьми - ложь. Ваши социальные условности -- ваше воспитание и обучение -- ложь. Равно как и все ваши теории и искусство. Ваша социальная жизнь и ваша семейная жизнь -- ложь. И то, что вы возомнили о самих себе - тоже ложь.

Но вы никогда не остановите себя в том, что вы говорите и делаете, до тех пор, пока вы верите в себя. Вы должны остановиться внутри себя и пронаблюдать. Пронаблюдать за собой

непредвзято, восприняв хоть на миг эту идею лжи. И если вы будете наблюдать за собой таким образом, без сожаления затрачивая себя, отдавая все свое надуманное богатство за миг реальности, возможно, внезапно вы откроете в себе нечто такое, что никогда прежде не видели. Вы увидите, что отличаетесь от того, кем себя представляли. Вы увидите, что вас двое. Один из них реально не существует, но занимает место и играет роль за другого. А тот, кто существует реально -- настолько слаб и едва ощутим, что исчезает быстрее, чем успевает появиться. Он не способен выносить ложь. Малейшая ложь сражает его наповал. Он не способен сражаться, он не способен противостоять, он заранее поражен. Учитесь наблюдать, пока не разглядите в себе свою двойную природу, ложь и обман. Как только вы познаете двойственность своей природы, внутри вас родится истина.

Примечание: Эти строки -- вступительное слово Жанны де Зальцманн на встрече Гурджиева с учениками в сентябре 1941 года в Париже.

=====

Г. И. Гурджиев
ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Существует масса свидетельств о том, что Гурджиев обладал необычайной способностью использовать все задаваемые ему вопросы, чтобы передать невыразимое, обезоружить вопрошающего, лишить его возможности прибегнуть к привычным способам мышления, создавая необходимые условия для прямой передачи знания Бытия. Этот аспект Гурджиевского метода работы с людьми Успенский описал в "Поисках чудесного"; еще более яркие примеры можно отыскать на страницах книги "Взгляды из реального мира". Приводимые записи сделаны в сороковые годы, в завершающий период жизни Гурджиева, и публикуются впервые. В них мы слышим голос учителя, который не просто направляет нас к "идеям", но и сопереживает задающему вопрос. Материал того времени, сохраненный с разрешения Гурджиева, был воссоздан с наивозможной точностью. Читатель должен учитывать, что Гурджиев создал специальный язык для своего учения, и определенные ключевые слова обладают особым смыслом и весомостью.

Г.: Летописец, вы хотите что-то записать?

Е.: Сэр, я записываю все, все, что в состоянии понять.

Г.: Итак, если вы хотите что-то записать, задайте вопрос и запишите его как упражнение.

Е.: Сэр, сегодня у меня нет вопроса.

Г.: Все равно, задайте вопрос для практики, чтобы поупражняться.

Е.: Сэр, проблема, стоящая сейчас передо мной, связана с моей работой в течение дня. У меня никак не получается работать и выполнять задачу, выбранную мной. Если я один, я могу работать, но Вы говорили, что даже корова способна на это.

Г.: Я не сказал "корова", я сказал "осел". Корова -- паразит, она только дает молоко. Осел же действительно трудится. Итак?

Е.: Задание, которое я себе поставил -- помнить себя, когда я нахожусь среди людей. С близкими мне людьми я могу помнить себя. Раз за разом я терплю неудачу, но в конце концов я могу вспомнить. Однако в присутствии человека, которого я выбрал у себя в офисе, я не могу вспомнить, что для меня важно изменить мои с ним взаимоотношения, что только благодаря ему я могу работать. Конечно, я наказываю себя, но недостаточно строго. И мне так и не удалось осознать, насколько это для меня важно. Недавно кое-что произошло; я понял нечто новое, но еще не смог осуществить это на практике.

Г.: Таким образом вы не добьетесь того, чего хотите. Я советую вам установить связь между тем, что вы пытаетесь сделать, и какой-либо привычкой. Например, курением. Начните убеждать себя. Завтра утром, если вы помните себя, вы заслужите того, чтобы покурить. Если вы

не помните себя, вы не курите. Вы можете курить только, если этого заработаете, только если вы вспомните себя. До сих пор вы никогда не составляли план. Сделайте это искренне, сделайте это своим заданием и с честью его выполните. Если вы помните, вы курите; в противном случае -- нет. Можете это сделать?

Е.: Конечно.

Г.: Не курите до следующей встречи. Если вы снова забудете, опять не курите до следующей встречи, и так далее. Тем временем вы должны учитывать, что от этого зависит ваше будущее; если вы сами помните себя, вы сможете изменить свое будущее. Это большое дело; это крупное решение, связанное с вашей целью. Вы курите, так что для вас это большая жертва. Если это не так, выберите еще что-нибудь. Это должна быть подлинная жертва. Вы можете курить, пока не встретитесь с этим человеком. Когда у вас начинается день? В десять утра?

Е.: Примерно в семь, в половине восьмого.

Г.: Когда вы встречаете его?

Е.: Примерно в половине десятого.

Г.: Тогда вы можете курить до половины десятого, до вашей встречи. Если вы забудете себя, увидев этого человека, тогда не курите до конца дня. То же самое на следующий день. Я не могу вам посоветовать ничего другого. Это просто. Хотя я понимаю, что сделать это очень сложно.

Я вижу, вы серьезно к этому относитесь. И я серьезно отвечаю вам. Раз, другой вы забудете. Это не имеет значения. Но таким образом вы поймете множество вещей. Вы будете вынуждены осознать, что курить хочет ваше тело. Все происходит от этого; все начинается здесь. Вы полностью в своем теле. У вас нет реального "Я". Ваш центр тяжести находится в теле. Когда вы здесь, вы думаете, что кем-то являетесь. Вот вы сидите, хорошо поев, вы говорите, что вы существуете, но когда вы уходите отсюда, все меняется, и вы уподобляетесь животному.

Это упражнение начнет показывать вам, почему необходимо жить реальным "Я", реальной индивидуальностью. Вы не знаете, что такое реальное "Я". Вы даже не знаете его вкус. Вы говорите об этом, философствуете, но не знаете, что это такое. Здесь вы говорите об этом и верите, что все говорится об этом, но как только вы возвращаетесь в жизнь, все исчезает. Ваш центр тяжести находится в теле. Вы возвращаетесь к привычному центру тяжести. Используйте эту задачу для того, чтобы понять, что представляет собой реальная работа.

То, что я предлагаю ему, столь же необходимо остальным. Можно выбрать не курение, а что-то другое. Необходима реальная жертва.

Так, вы не хотели задавать вопрос, но в то же время вопрос-то у вас был. Почему же вы его не задали?

Е.: У меня был очень личный вопрос; не каждому это интересно.

Л.: Я хочу рассказать о том, что пробудилось во мне после сегодняшнего чтения, где говорилось насчет драматургов, рассматривающих других, но ни разу не взглянувших на самих себя. Думаю, раньше я несколько раз видела себя, но с какого-то времени я не могу видеть себя. И еще: я также вижу ошибки других, но мне бы хотелось видеть мои собственные. Мне хотелось бы видеть себя такой, какая я есть. Я привыкла к тому, что могу помнить себя, но сейчас я неспособна на это.

Г.: Соотносится ли с вашей проблемой ответ на предыдущий вопрос?

Л.: Да.

Г.: Тогда делайте то же самое. Если вы не курите, выберите что-нибудь еще. Пробуйте! Это станет для вас хорошим эталоном. Делайте то же самое, боритесь с собой. Например, свяжите это с вечерней трапезой. Поставьте себе задачу: помнить. Если вы помните себя, съешьте обед. Если вы забываете выполнить свою задачу, накажите себя, не обедайте. Наутро можете позавтракать -- это и будет ваш обед. Вечером, если вы не помните себя, не обедайте. Не

обедайте, пока не будете помнить. Вы узнаете о себе много нового. Вы сможете увидеть в себе новые породы собак. Вот смотрите: вы все принимаете, готовы все делать, но в жизни не делаете ничего. Необходимо делать в жизни. Пока что никто из присутствующих здесь ничего не сделал в жизни. Здесь, по четвергам, среди друзей, вы разговариваете, философствуете, но все впустую. Все, что я говорю, служит лишь тому, чтобы прояснить жизненные обстоятельства. То, что вы делаете, важно делать в жизни, и только в жизни учитывается.

Д-р Б.: Я хотел бы задать вопрос о связи работы и усталости. Мне кажется, есть разница между рабочими усилиями и автоматическими усилиями. Внешняя работа отнимает энергию. Внутренняя работа, напротив, должна накапливать энергию. Если она выполняется правильно, она даже дает отдых. Но для меня все наоборот. Считается, что в тот момент, когда я делаю усилие, ворота, через которые вытекает энергия, автоматически закрываются. Но все оказывается наоборот. Я очень устаю. Я теряю энергию.

Г.: С другой стороны, вы сохраняете ее. Мы сознательно питаемся электричеством, которое имеется в теле и преобразуем его. Это придает нам силу... В обычной жизни вы автоматически теряете ее. Здесь же все по-другому; это другой вид усталости. У этой другой усталости есть будущее. Это утомительно, но приводит к существенному результату. Заряжаются ваши аккумуляторы. Если вы будете продолжать, ваши аккумуляторы наполнятся определенной субстанцией. В данный момент, чем больше вы утомляете себя, тем больше этой субстанции производится вашим организмом.

Д-р Б.: Благоприятствует ли усталость усилию сосредоточения?

Г.: Если это обычная усталость, то нет смысла пытаться совершить усилие; в таком состоянии вы не можете делать даже обычные вещи. Вы потеряете последние остатки сил. Работа зависит от другого аккумулятора. Для этого другого вида усталости существует закон: чем больше вы отдаете, тем больше получаете.

Д-р А.: Могу ли я задать вопрос из чистого любопытства? Можно ли спать сознательно?

Г.: Вы хотите сказать, когда вы буквально спите, или не засыпая?

Д-р А.: Я хочу сохранять сознание во время сна.

Г.: Да, в принципе это возможно, но не для вас в данный момент. Возможно, в будущем, но не сейчас. Возможно даже заводить себя, как часы. Можно повторять себе нечто определенное таким образом, что оно автоматически, посредством самовнушения, становится частью человека. Человек может даже внушать себе что-то во время сна. Но вам я не советую этим заниматься. До того, как сознательно спать, необходимо обрести иное качество сна. Есть уровни. Есть четыре вида сна. Можно спать на одну шестую, одну четверть, наполовину, или полностью. Это зависит, помимо других факторов, от того, как вы провели день. Если вам снятся сны, вы спите наполовину. В этом случае необходимо спать, ну, скажем, семь с половиной часов. Если вы не видите снов, достаточно четырех с половиной часов. Есть даже такое качество сна, когда достаточно одного часа. Важно не количество, а качество. Допустим, чтобы расслабиться, вам нужно два часа -- не сознательно, а автоматически. На это нужно время. Вы можете начать сегодня сознательно расслабляться до тех пор, пока не заснете. С одной стороны, подобное расслабление улучшит качество сна; с другой стороны, вы начнете таким образом устанавливать дисциплину, которая сделает возможным связь, контакт между вашим осознанием и телом.

Д-р А.: Мне нужны способы не для того, чтобы заснуть; скорее, чтобы проснуться.

Г.: Я говорил о том, что нужно, чтобы спать хорошо и функционировать хорошо. Делайте то же самое утром. Сразу же установите этот контакт, эту связь между вашим осознанием и телом. Составьте план, думайте о том, как вы собираетесь провести день. Делайте ту же обычную работу, которую вы делаете, чтобы расслабиться. Ваша жизненная энергия удвоится. Вам нужно

много времени, чтобы проснуться?

Д-р А.: Если я не заставляю себя, то долго нахожусь в полусне.

Г.: Тогда помните себя и составьте план. Не фантазию, а настоящий план. Делайте это утром и вечером, проснувшись и перед сном. Будьте хорошим доктором своему осознанию.

Д-р А.: Но если я составляю план заранее, он исчезает в тот момент, когда я просыпаюсь.

Г.: Конечно! Необходимо создать новые привычки. Это можно делать лишь мало-помалу.

Ничто не дается сразу.

С.: Можно ли впредь избежать сновидений в качестве упражнения?

Г.: Серьезно подумайте о вашей цели. У вас есть серьезная цель?

С.: Я говорю о сновидениях во время сна.

Г.: Оставим это в стороне. Что вы можете сделать? Не это нужно менять. Измените качество сна -- вот лекарство. Растирайтесь холодной водой перед сном. Сделайте это привычкой. Позже, лежа в постели, молитесь за умерших близких людей. И то, и другое -- хорошая подготовка ко сну. Иначе будут продолжаться грезы о минувшем вечере, фантазии о минувшем вечере. Хороший сон будет хорошей подготовкой к завтрашнему дню. Если вы сделаете то, о чем я только что говорил, вы будете спать без сновидений.

Д.: Как-то я задал общий вопрос о непривязанности. Как можно ее достичь?

Г.: Мы только об этом и говорим. Необходимо иметь идеал. Создайте в себе идеал. Это освободит вас от автоматических привязанностей. Сознательно -- а также автоматически -- думайте об этом. По мере роста у вас сформируется новый центр тяжести.

Д.: Легче отрешиться от материальных вещей или от чувств?

Г.: Это одно и то же. Все имеет одинаковую ценность. Вы привязаны к одному или другому центру. Необходимо взглянуть на это, не философствуя. У вас нет ни идеала, ни серьезной цели. Вы -- сложная машина. Вам нужно установить реальный контакт с чем-то. У вас ни с чем нет связи; вещи связаны с вами. Вы -- их раб. Понимаете? Не вы относитесь к вещам, а они к вам, они командуют вами.

Не очень-то весело, правда? Простите меня. Невозможно всегда быть вежливым. Абсолютно невозможно. Если вы хотите говорить правду, вы не можете всегда быть вежливы. Это раздражает художников, и не только их. Я объяснял это в "Баалзебубе".

А.: Сэр, однажды вы говорили о разделении дня на две части: одна часть -- для работы, другая -- для жизни. Так вот, я заметил, что моя жизнь мешает работе; а с другой стороны, работа мешает моей жизни. Скажем, накапливаются ассоциации, связанные с работой которые не только не помогают в жизни, но мешают ей. Больше того, эти ассоциации портят все, что я получаю. То, что я понимаю, помогает на день-два, но затем вмешиваются ассоциации и я не в состоянии делать что-либо. Как это можно изменить?

Г.: Во-первых, я не говорил о том, чтобы разделить день напополам; я не говорил о двух половинах.

А.: Я сказал "две части". Я не имел в виду две равные части.

Г.: Хорошо. Я имел в виду, что необходимо выработать привычку подготавливать себя к работе. В течение дня определенное время должно быть посвящено работе. Ничего другого вы не делаете. Ради этого вы жертвуете всем остальным. В начале, пока вы неспособны работать, вы не пытаетесь сделать что-то особенное, вы не работаете. Но вы думаете о работе. Или читаете что-нибудь о работе. Вы читаете, разговариваете и думаете об этом. Например, вы выбрали время между одиннадцатью и полуднем. Вы позволяете течь ассоциациям о Работе. Это еще не работа, но вы подготавливаете почву. Вы принимаете идею, что определенный период времени должен быть посвящен работе. И если вам дается работа, или если вы даете себе работу, вы будете выполнять ее в течение того времени, которое вы подготовили для этого. Будет создано

место. Человек понимает, делая, и вы измерите полученный результат. Вы говорите, что работаете. Вы так думаете. Но пока что здесь никто не работает; все это лишь детские игры. Чуть лучше "щекотки". Новый вид щекотки. При настоящей работе пот льет градом со лба и пяток.

Б.: Когда я встречаю людей, проявляющих какой-то интерес к этим вопросам, или задумывающихся над ними, я делюсь своим немногим опытом и всем, чему я научился здесь. Но потом я сожалею об этом и чувствую себя опустошенным.

Г.: Вы уже замечали, что опустошаете себя, говоря с кем-либо о том, что глубоко вас интересует? Поэтому необходимо экономить. Нужно научиться быть начеку, научиться сохранять в себе свежие, непереваренные идеи. Однажды, в жизни, вы сможете использовать идеи как инструмент, без отождествления. Сейчас вы вкладываете в беседу слишком много самого себя. Вместе со словами вы теряете все остальное. Вы отдаете не только слова, вы теряете себя. Вы отождествляетесь с собой.

Б.: Я полагаю, меня подталкивает чувство собственного превосходства. Из-за этого я разговариваю подобным образом.

Г.: У вас есть слабость, которую должен разрушить каждый человек, работающий со мной: Вы верите. Вы ни во что не должны верить. Вы должны все подвергать сомнению. Вы должны отбирать для себя лишь то, что в состоянии доказать математически -- как дважды два четыре. Вы не должны ни во что верить, потому что вера ничего не стоит. Вы верите, вы отождествляетесь с собой, вам бы хотелось передать свою веру с помощью эманаций. Вы отождествляетесь с собой и отдаете всю свою энергию. Если вы не верите, если вы остаетесь абсолютно беспристрастным, желая передать что-то кому-то, это будет услугой, а вы будете слугой.

(Обращаясь к доктору А.) Вы это понимаете? Вы это ощущаете?

Д-р А.: Я заметил, что человек теряет все, если изливается кому-то.

Б.: Я заметил, что не могу не использовать силу, приобретенную благодаря работе, чтобы доказать людям, что я выше их.

Г.: Вы -- человек маленький. В вас выросла только одна сторона. Шесть других сторон также нуждаются в росте. Впоследствии вы сможете представить себе, что вы и другие -- это не одно и то же. Вы не должны забывать, что первое, что вы должны узнать -- свое ничтожество. У вас богатое воображение. Если бы вы знали о своем ничтожестве, у вас бы исчез импульс демонстрировать свое превосходство другим.

Б.: Если я нахожусь в одиночестве, или с так называемыми "хорошими" людьми, я вижу свое ничтожество. С заурядными людьми забываю.

Г.: Поставьте такую задачу: думайте о своем ничтожестве, когда вы общаетесь с другими. Считайте, что теперь у вас есть задача. Работайте над ней. Признайте свою слабость и работайте.

М-м Д.: В чем ценность молитвы? Когда я чувствую себя слабой и беспомощной, когда я не могу делать то, что должна делать, я не могу удержать себя от молитвы. Но это автоматическая, ничего не стоящая молитва. Тем не менее, я часто обращаюсь к ней, поскольку я нахожу в ней помощь.

Г.: Это способ успокоить себя. Что вы хотите спросить?

М-м Д.: У меня такое впечатление, что это нестоящая молитва, потому что на самом деле это и не молитва вовсе, это плач, призыв о помощи. Могу я позволить себе продолжать?

Г.: Не нужно использовать для этого молитву. Весь мир этим занимается -- человек помолится и вот он прощен. Все прекрасно. Он уже кандидат в рай.

М-м Д.: Я даже еще не подошла к концу. Я не спросила о том, какое понятие я имею о Боге.

Я не знаю, кому адресован этот зов.

Г.: Возможно, вы молитесь автоматически, возможно, вы утешаете себя автоматически. И то, и другое бесполезно для будущего. Для вашего будущего это даже преступление. Ваша молитва не должна быть автоматической. Вы должны молиться, молиться по-настоящему, как христианка. Вы должны молиться всем своим присутствием, сосредоточив все свои три центра на одном предмете. Вы должны молиться головой, чувствами, ощущением. Примите это как задачу. Не молитесь, чтобы утешиться. Эта, другая молитва, не утешит вас, она вас утомит. Но позже вы достигнете успеха, делая то, что необходимо для вас.

Христианин молится всем своим присутствием. Человек, как правило, молится только своими мыслями. Возможно, существует и более великий закон. Человеку никогда не говорили, как молиться, и ему никогда не приходит на ум, что состояние чувства и присутствия должно соотноситься с движением молитвы. Если Вам привычно молиться автоматически, я советую вам с этого момента молиться так, как пожелаете, но не так, как вы делали это прежде.

Д.: Мистер Гурджиев, на этой неделе я сделал одно наблюдение. Несколько мальчиков, оказавшихся передо мной, вызвали во мне жалость, поскольку они были бедные и голодные. Я не знал, как вести себя перед ними. Я не знал, что думать. Сперва это была жалость, но я видел, что не могу ничего сделать, и вскоре...

Г.: Извините, но вы могли бы кое-что сделать. Вы могли бы дать им что-то, чтобы напитать их. Не буквально, но вы могли бы позаботиться, чтобы у них было хоть что-нибудь поесть. Если, объективно, вы их любили; если, объективно, вы хотели, чтобы у них было что-то поесть, этого было бы достаточно. Они бы ушли и, автоматически, нашли бы кого-то, кто дал бы им чего-нибудь поесть.

Д.: Я действительно видел свою слабость, и моя жалость превратилась в ненависть.

Г.: Нужно попробовать по-другому. Возможно, вы думали об этом всего лишь поверхностно. Подумайте по-человечески, подумайте о помощи своему ближнему всем своим сердцем, с подлинной жалостью. Вы хотите, чтобы он хорошо питался? Прежде всего, убедите себя, соберитесь внутри себя и молитесь:

"Я ЕСМЬ, Я ХОЧУ БЫТЬ, РАДИ НЕГО"

И, поверьте мне, выйдя из школы, не сделав и десяти шагов по улице, он встретит кого-нибудь, кто даст ему поесть. Это закон. Или, может быть, спустя неделю он выиграет в национальную лотерею. Такова сила чувства жалости, пожелания, любви всем своим присутствием. Впоследствии вы будете говорить по-другому, вы сможете помогать кому-то, не дарами денег или еды -это дешево -- но вы сможете помочь ему реальным желанием, реальным отношением, всей силой вашего Я ЕСМЬ. Не головой, не автоматически, но всем своим присутствием вы сможете помочь.

[Человек, обычно записывающий беседы, задает длинный вопрос. Все это время кто-то другой записывает вместо него, затем возвращает ему бумагу и карандаш.]

Г.: Между прочим, я хотел бы узнать, когда ваш друг помогает вам делать вашу работу, платите ли вы ему той же монетой?

Дж.: Нет.

Г.: Это нужно учесть. Платить нужно всегда. Деньгами или чем-то еще. Вы должны платить за его помощь.

Л.: (Прерывая) Это я у него в долгу. В определенные моменты он показал себя настоящим другом.

Г.: (Обращаясь к Дж.) Тогда вы должны платить оба, и вот каким образом. Если вы видите Л. десять минут, вы выполняете упражнение в течение десяти минут -- держите руки по швам. Если вы видите его пятнадцать минут, тогда держите руки по швам пятнадцать минут. Если

полчаса, час, тогда таким образом полчаса или час! Таким способом вы платите, так как он тоже уже заплатил. Если вы оба счастливы, значит, вы сполна заплатили ему за его помощь, и он тоже сможет почувствовать ее реальную ценность.

С.: Когда я пытаюсь наблюдать свою мысль, я замечаю другую мысль, отделяющую себя от первой. Но когда я нахожусь посередине, я не знаю, до какого предела субъективно мое переживание двух этих вещей.

Г.: (После разговора на русском с мадам де З.) Извините, так в чем ваш вопрос? Что вы не знаете?

С.: Я не знаю, что происходит, потому что, когда я начинаю думать, я становлюсь ученым. Мне хотелось бы более точно понять то, что я обнаружил.

Г.: Это просто. Обычно вы думаете головой, мозгами. Когда вы думаете головой, ваша мысль отделена от вас, вы не более чем человек в мысли.

Иногда участие принимает ваше чувство, а это уже другое. Получаются два человека вместе, теперь думает не один человек, но два. Если вы уже сумели жить таким образом, попробуйте снова к этому вернуться. Когда в этом принимает участие ваше чувство, это новое состояние для вас. Эта новизна желательна. Делайте это упражнение часто. Когда вы думаете, прочувствуйте, что вы думаете. Когда вы привыкнете соединять эти два состояния, вы сможете прибавить ощущения. Тогда вы сможете думать тремя вашими центрами. Это есть мысль реального человека.

Одной головой бесполезно. С добавкой чувства, это уже что-то, но если на этом остановиться, то есть риск уподобиться истеричной бабе. Необходимо стабилизировать чувство, тогда приходит к участию третий источник. Тогда вы сможете сказать: "Я думаю, как человек, а не как кошка или собака, я думаю, как человек". Тогда вы сможете говорить о мысли. Попытайтесь вспомнить, что вы чувствовали; попытайтесь прийти к этой другой мысли, этому новому качеству. Не только головой, но пытаюсь почувствовать то, что вы думаете. Сделайте это упражнением. Это не вся работа, но это даст вам возможность двигаться дальше. Я счастлив, что вы это увидели. Вы уже многого достигли. (Обращаясь к другим) Он уже наполовину человек.

Р.: Делая упражнение, данное мне мадам де Зальцманн, я понял, что никогда не присутствовал, что я всегда был в будущем или в прошлом, но в действительности не присутствовал никогда. Это дало мне новое ощущение и новое желание -- быть присутствующим. Фраза "быть присутствующим" обрела для меня новый смысл. Однако самостоятельно я не мог вновь отыскать это ощущение, это желание быть присутствующим. Я хотел бы получить упражнение, которое бы помогло мне обрести это ощущение, это желание помнить себя.

Г.: У вас есть это ощущение?

Р.: Да, я чувствую, что понятие "быть присутствующим" имеет для меня новое значение. До этого я никогда не рассматривал его в подобном ключе.

Г.: Помимо всего прочего, это напоминает мне слова некоего персидского философа о прошлом, настоящем и будущем. Они высечены на памятнике неподалеку от одной персидской деревни: "НАСТОЯЩЕЕ СУЩЕСТВУЕТ, ЧТОБЫ ИСПРАВИТЬ ПРОШЛОЕ И ПОДГОТОВИТЬ БУДУЩЕЕ". Ничего себе памятник, а? И в то же время как грандиозно. Вот что вам нужно. Ведь настоящим вы можете исправить прошлое и подготовить будущее. Без настоящего прошлое и будущее не существуют. Настоящее существует для того, чтобы исправить все наши ошибки и подготовить будущее, так сказать, другую жизнь, желанную для вас. Для вас очень важно чувствовать настоящее. Вы должны делать все, чтобы иметь настоящее. Это относится к каждому, но особенно к вам. Необходимо иметь настоящее. Прошлое -- это прошлое; вчерашний

день закончился; он не вернется никогда. Может наступить завтра, но завтра будет разным, в зависимости от присутствия сегодня. Это необходимо практиковать. Необходимо все делать сегодня. Забудьте вчера и забудьте завтра. Сегодняшним днем вы исправляете вчерашний день и даете завтрашнему возможность стать тем, чем ему должно быть.

Я собираюсь дать вам маленькое упражнение, очень маленькое. Выберите кого-нибудь, близкого вам, например компаньона, друга. Для этого упражнения взывайте к нему так, чтобы он об этом не знал. Это только для вашей внутренней жизни.

Думайте о нем. Это задача: никогда не забывать его. Думайте о его отношении к вам в прошлом и о том, как вы вели себя по отношению к нему. Это для прошлого. Что касается настоящего, сегодня у него то же отношение к вам, что было и в прошлом. Но сегодня вы хотите изменить это отношение, и вы ведете себя с ним совершенно иначе, чем вчера. Например, вы привыкли реагировать на его проявления совершенно автоматическим, внешним способом. Сегодня, в настоящем, у вас есть внутреннее взаимоотношение с ним. Он будет продолжать относиться к вам так же, но вы сознательно, внутри себя, измените свое отношение. Сегодня всем своим присутствием вы вспомните, каким вы были вчера и попытаетесь обрести новое отношение с вашим другом. Вы скажете себе, что, возможно, это он -- тот, кто даст вам возможность исправить ваше прискорбное прошлое, тот, кто автоматически поможет вам исправить то, что было плохим.

Позднее, внутри себя вы проверите результаты, и вы заметите, что его отношение к вам также изменилось. В то же время, он-то изменился без работы, ничего особенного не делая. И когда он вспомнит свои прежние взаимоотношения с вами, он будет думать о вас с благодарностью. Вы сможете наблюдать, что настоящим вы изменили то, что было в прошлом, и в будущем, он будет даже желать оказать вам помощь, потому что вы поняли его. Выберите для этого упражнения кого-нибудь, с кем у вас реальная связь, но не среди своей семьи.

В следующий раз, я надеюсь, у вас появятся новые наблюдения, так что я смогу более масштабно ответить на ваши вопросы. Если бы я сделал это сегодня, это выкристаллизовало бы в вас характерную человеческую тенденцию думать о больших вещах и никогда не делать маленьких.

[В записях учеников Гурджиева можно найти многочисленные яркие фрагменты, показывающие способ, которым Гурджиев раскрывал новые аспекты своего учения, посредством ответов на вопросы. Нижеприведенный фрагмент взят из книги Ч. С. Нотта "Учение Гурджиева: дневник ученика"*).]

Отвечая на вопрос о второй пище, воздухе, Гурджиев сказал:

Есть две части воздуха, эволюционирующая и инволюционирующая. Только инволюционирующая часть может оживить "Я". В настоящий момент это инволюционирующая часть служит только для общих космических целей. Только когда в вас появится сознательное желание, вы сможете усвоить эту, полезную для вас, часть воздуха, исходящую из первоисточника.

Чтобы быть в состоянии усваивать инволюционирующую часть воздуха, вам нужно постараться осознать свою собственную значимость и значимость тех, кто окружает вас. Вы смертны, и когда-нибудь вы умрете. Тот, на кого направлено ваше внимание -- ваш ближний; он тоже умрет. Вы оба -- ничтожества. Сейчас большая часть ваших страданий -- "тщетные страдания"; они возникают из-за чувства гнева, ревности и обиды на других людей. Если вы приобретете навык всегда осознавать неизбежность их смерти и своей собственной смерти, у вас появится чувство жалости к другим, и будьте справедливы к ним, поскольку их проявления неприятны вам только потому, что вы или кто-то наступил им на мозоль, или же потому, что чувствительны ваши собственные мозоли. В настоящий момент вы не можете этого видеть.

Попробуйте поставить себя на место других -- они столь же значимы, как и вы; они страдают, как и вы, и, как и вы, умрут. Только если вы всегда будете стараться ощутить эту значимость, до тех пор, пока это не превратится в привычку, куда бы ни было направлено ваше внимание, только тогда вы сможете усвоить полезную часть воздуха и обрести реальное "Я". У каждого человека есть хотения и желания, которые ему дороги и с которыми он не расстанется до самой смерти.

От осознания значимости своего ближнего, когда ваше внимание направлено на него, осознания того, что он умрет, в вас возникнет жалость и сострадание к нему, и в конце концов вы полюбите его; а также, если делать это постоянно, в некой вашей части возникнет реальная, сознательная вера, которая распространится на остальные части, и у вас появится возможность узнать реальное счастье, поскольку благодаря этой вере появится объективная надежда -- надежда на основу для продолжения.

* C.S.Nott, "Teachings of Gurdjieff: The Journal of a Pupil".

Рене Домаль

Первый шаг

В 1936 году Рене Домаль писал другу: "Я долгое время искал этот невербальный метод активного самопознания. Наконец я встретил того, с кем я работаю сейчас, того, кто посвятил этой проблеме всю свою жизнь, кто может помочь другим в поисках ее решения. Это вопрос работы с телом -инстинктами, чувствами, разумом, когда человек экспериментирует над собой и испытывает себя; слова приходят только после переживания".

Вы всегда ошибались. Вы, как и я, как любой другой человек, ищете легких путей, ведущих в никуда. Только во сне ваш разум движется к истине. Подумайте сегодня о том, что удерживает вас и мешает вам: ваши самые прекрасные теории упираются в бесплотную стену. Эта пелена окрашенных форм, образов, звуков, прикосновений, вроде бы иллюзорных, тем не менее оказывается непреодолимой. Отсюда вы начинаете свой путь, но ошибаетесь дверью. Правильнее, пожалуй, сказать, что вы полагаете, будто отправились куда-то; на самом деле вы засыпаете на пороге и видите во сне собственные мнения о мире и разуме.

Сегодня я подожду вас у порога. Попробуем вместе сделать наши первые шаги. Для начала я попрошу вас взглянуть, не мудрствуя лукаво, окинуть взглядом то, что окружает вас в данный момент. Что вам видится? Прежде всего, не начинайте размышлять о реальности этого мира: каким образом вы можете оценить его? Знаете ли вы, что такое абсолютная реальность? Отправляющийся в путешествие должен оторваться от привычных мест; не думайте, будто цель может быть достигнута благодаря точной и подробной карте; линия, прочерченная на карте, имеет смысл лишь тогда, когда возможно определить свое местонахождение. И точно так вы стремитесь к себе! Я хочу сказать: пробудить себя, найти себя. Место, где вы находите себя -- это истинное состояние сознания, взятое во всей его полноте. Это -- отправная точка. И все наши спекуляции -- не более, чем карта предполагаемого путешествия.

Все самодостаточные метафизические системы описывали тщету усилий человека, который тратит время на чтение путеводителей и изучение маршрутов, прокладывает на карте путь и полагает, что он путешествует. До сих пор философы едва ли занимались чем-либо другим; или, если кто-то из них на самом деле странствовал, то он не поведал нам об этом. Таким образом, любая философия, даже если она прожита своим создателем как подлинный опыт, остается бесплодной забавой, не несущей людям никакой пользы.

Попытка, которую я предлагаю нам совершить вместе, может быть выражена одним словом: бодрствуйте. Сперва я просил вас пробудиться, чтобы увидеть, насколько вы осознаете данный момент. Вы осознаете непрекращающиеся изменения. Но так или иначе, вы чувствуете

потребность стать тем, кем вы еще не являетесь; впрочем, возможно, что вы меня не понимаете и утверждаете, что не чувствуете ничего подобного. Даже в этом случае вы можете ощутить, что вы спите, пассивно принимая условия, навязанные вашему сознанию. Пробуждение -это не состояние; это действие. И люди пробуждаются гораздо реже, чем пытаются убедить в этом других.

Утром человек просыпается в постели. Едва поднявшись, он снова засыпает: полностью отдавшись своему автоматическому функционированию, благодаря которому его тело одевается, выходит на улицу, идет на работу, ест, болтает, читает газету -- ведь все эти вещи обычно выполняет тело. Все это время человек спит. Чтобы пробудиться, он должен подумать: "Вся эта суматоха находится снаружи меня". Необходим акт размышления. Но если этот акт и отделяет человека от дальнейшего автоматического функционирования, то вспоминая, рассуждая, разговаривая с самим собой, он будет делать вид, что по-прежнему мыслит, хотя на самом деле он снова заснул. И так он может проводить целые дни, не пробуждаясь ни на секунду. Только подумайте об этом, когда будете находиться в гуще людей, и вы увидите, что вас окружает толпа спящих. Человек проводит во сне не треть жизни, как считается, а почти всю жизнь, в этом реальном сне духа. Для этого сна, этой инерции сознания он -легкая добыча, потому что, будучи от природы практически неизлечимо ленив, он желает пробудиться... конечно... но, поскольку усилия ему делать противно, он желает (и по наивности верит, что такое возможно), чтобы однажды совершенное усилие привело его к постоянному, или, по крайней мере, долговременному бодрствующему состоянию. Желая бодрствовать, он засыпает. Так же, как невозможно желать спать -- ибо желание, каким бы оно ни было, всегда является пробуждением -- так же невозможно бодрствовать, не желая этого каждый момент.

Единственное немедленное действие, которое вы можете выполнить -пробудиться, начать сознавать себя. Только взгляните на все, что вы сделали за этот день: быть может, только сейчас вы впервые пробудились и только в этот момент сознаете, что выполняли все свои действия как автомат, не думая. В большинстве случаев люди так и не понимают, что спят. Теперь примите, если хотите, это лунатическое существование. Вы можете быть лентяем или тружеником, крестьянином, торговцем, дипломатом, художником, философом, ни разу не пробуждаясь, лишь время от времени наслаждаясь или мучаясь от способа вашего сна. Наверное, еще удобней -- чтобы уж совсем ничего не менять -- было бы вообще не просыпаться.

И, поскольку реальность духа -- это действие, в этом сне, в отсутствие действий и мыслей, ничего нет. Поистине, это духовная смерть.

Но если ваш выбор -- быть, тогда вы обрекли себя на тяжкую дорогу, на которой непрестанно, каждый момент приходится совершать усилие. Вы пробуждаетесь и сразу же должны пробудиться снова. Вы пробуждаетесь от пробуждения, и первое пробуждение тоже выглядит, как сон. На этом пути самоизучения сознание работает постоянно. Там, где большинство лишь просыпается, засыпает, просыпается и вновь засыпает, поднимаясь на одну ступень сознания только для того, чтобы тут же упасть, никогда не поднимаясь выше этой зигзагообразной линии, там вы найдете себя. Вы будете двигаться по неопределенному пути новых пробуждений, и, поскольку нет ничего лучше для постижения сознания, ваши размышления об этих бесконечных пробуждениях для обретения высочайшего сознания составят науку наук. Я называю ее метафизикой, но, хотя это -- наука наук, не забывайте, что она никогда не станет ничем, кроме как заранее нарисованным маршрутом -- да и то лишь в общих чертах -- подлинного путешествия. Если вы забудете об этом, если вы поверите, что достигли пробуждения, потому что заранее создали условия для постоянного бодрствования -- в тот самый момент вы засыпаете и, засыпая, умираете духовно.

=====

Басараб Николеску

Гурджиевская философия природы

Почти повсеместно стало очень модным находить параллели между современной наукой и тем или иным учением, той или иной философской системой, той или иной религией. Социальная подоплека подобной тенденции достаточно очевидна: современный всемогущий "бог" технонауки призывается в свидетели "серьезности" другой области знания.

Даже если намерения некоторых исследователей (и я включаю в их число тех, кто рассматривает соотношения между наукой и Гурджиевским учением) и не ограничены этой мотивацией, тем не менее налицо большое недоразумение. Методология и перспективы того или иного учения, системы философии, или религии чрезвычайно отличаются от методологии и целей современной науки. Сравнение результатов или идей, кажущихся сходными, может привести лишь к наихудшим заблуждениям, расплывчатым аналогиям, лишенным смысла и, в лучших случаях, к "поэтическим" сравнениям.

Тем не менее, поиск истинного соотношения между наукой и подобными сферами знания мог бы, по моему мнению, оказаться ценным. Такую связь можно проследить в вопросе философии природы, как он рассматривается тем или иным учением или религией.

Очевиден факт, что Гурджиевское учение рассматривает философию природы, и в данном труде я намереваюсь подробнее остановиться на этом. Гипотеза соотношения между человеком и природой была недвусмысленно сформулирована Гурджиевым:

"Невозможно изучать систему Вселенной, не изучая человека. В то же время, невозможно изучать человека, не изучая Вселенную. Человек -- это образ мира. Он был сотворен по тем же законам, по которым был сотворен весь мир. Зная и понимая себя, он узнает и поймет весь мир, все законы, которые создали мир и управляют миром. И в то же время, изучая мир и законы, им управляющие, он узнает и поймет законы, которые управляют им... Таким образом, изучение мира и изучение человека должны вестись параллельно"¹.

Сравнение между современной наукой и этим типом философии уходит далеко за пределы чисто интеллектуального упражнения. Во-первых, ряд великих научных открытий направлялся идеями философии природы. Например, хорошо известна роль, сыгранная немецкой натурфилософией в открытии Эрстедом электромагнетизма в 1820 году. Подобные случаи редки, но важно само их наличие, а не их число. Они доказывают наличие глубинной связи между природой и "реалистичной" философией природы.

Не менее важным выглядит и второй аспект. Характерной чертой нашей эпохи является отсутствие смысла, и прежде всего -- отсутствие системы ценностей, направляющих технонауку. В таком контексте мы и рассмотрим Гурджиевскую философию природы.

ПРИНЦИП ПРЕРЫВНОСТИ И КВАНТОВАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ

Одним из наиболее удивительных аспектов Гурджиевской философии природы является центральная роль, отводимая прерывности и ее прямая связь с современной физикой.

Действительно, за редкими исключениями, непрерывность -- константа человеческого мышления. Возможно, ее основой служат доказательства, получаемые нами при помощи органов чувств: непрерывность нашего тела, непрерывность окружающей обстановки, непрерывность памяти. Она относится к видимой области, области неизменных, устойчивых форм (или форм, развивающихся неизменным путем), области объектов. Смерть, естественные катаклизмы, мутации до недавнего времени считались проявлением случайности или непостижимой тайны. Для своего развития наука нуждается в математическом аппарате. Подобный инструмент, основанный на непрерывности, был открыт Ньютоном и Лейбницем: дифференциальное исчисление. Столетиями научная мысль питалась идеей непрерывности.

Гурджиев, однако, подчеркивал важнейшую роль прерывности, или дискретности, в

природе:

"Отметим, что согласно принятым на Западе взглядам, вибрации непрерывны. Это означает, что вибрации считают развивающимися беспрепятственно по восходящей или нисходящей линии, - пока продолжает действовать сила первоначального импульса, вызвавшего вибрацию и преодолевающего сопротивление среды, в которой эта вибрация происходит. Когда сила импульса иссякнет, а противодействие среды возьмет верх, вибрации естественно замирают и прекращаются. Но пока этот момент не достигнут, т.е. не началось естественное ослабевание, вибрации развиваются однообразно и постепенно, а при отсутствии противодействия могут длиться бесконечно. Одно из фундаментальных положений нашей физики - это непрерывность вибраций, хотя данное положение не было точно сформулировано, поскольку его никогда не ставили под сомнение. В некоторых новейших теориях это положение пошатнулось. Тем не менее, физика еще очень далека от правильных воззрений на природу вибраций или того, что соответствует нашим концепциям вибраций в реальном мире.

В этом случае точка зрения древнего знания противоречит точке зрения современной науки, ибо в основу понимания вибраций древнее знание полагает принцип отсутствия непрерывности вибраций.

Принцип отсутствия непрерывности вибраций выражает характерный признак всех вибраций в природе, возрастающих или нисходящих: они развиваются не однообразно, а с периодическими ускорениями и замедлениями"².

Эти положения были сформулированы Гурджиевым в 1915 году. Дата важна*.

Сам Гурджиев был в курсе этих научных исследований, как доказывают его слова "в некоторых новейших теориях это положение пошатнулось". Говоря о "современной науке" Гурджиев имел в виду то, что мы называем сегодня "классической наукой". Кроме этого, важно то, что Гурджиев видит эпистемологический и философский барьер современной ему науки.

В предисловии к своей работе, опубликованной в 1900 году, Макс Планк писал: "После нескольких недель самого напряженного труда в моей жизни передо мной забрезжил свет во тьме, и стали открываться неожиданные перспективы"³. Этот "свет во тьме" привел его к созданию концепции -элементарному кванту действия ("действие" - физическая величина, соответствующая энергии, умноженной на время) -- которая должна была совершить революцию в физике и серьезно изменить наше видение мира. Квант выражается универсальной константой ("постоянная Планка"), имеющей определенное значение.

Квант Планка представляет дискретную, прерывную структуру энергии. Планк полностью сознавал, что разрушением старых всемогущих концепций непрерывности ставятся под вопрос самые основы классического реализма: "Этот квант представляет собой нечто абсолютно новое, неожиданное, и совершает революцию в теоретической физике, основанной на непрерывности, присущей всем причинно-следственным отношениям с момента открытия дифференциального исчисления Лейбницем и Ньютоном"⁴.

Нужно иметь в виду, что "прерывность", или "дискретность", о которой мы говорим (в отношении квантовой теории или же в отношении к Гурджиевской космологии) -- это чистая и устойчивая прерывность, не имеющая ничего общего с популярным значением этого слова (например, развилка дороги). Чтобы попытаться уловить всю странность идеи прерывности, представьте себе птицу, прыгающую с одной ветки на другую без прохождения каких-либо промежуточных точек: как если бы птица внезапно материализовывалась на одной ветке, затем на другой. Несомненно, что перед такой возможностью наше привычное воображение пасует. Однако подобные ситуации можно точно описать математически.

Квантовая прерывность -- бесконечно менее богатая концепция, чем прерывность в том смысле, в каком она используется в Гурджиевской космологии. Там она представлена как

фундаментальный аспект одного или двух законов, управляющий всеми мирами (закон семи). Условием взаимопроникновения разных миров являются "непременные-аспекты-интервала-непрерывно-струящегося-целого⁵". Прерывность позволяет единству существовать в многообразии, а многообразию -- в единстве. Прерывность дает возможность эволюции и инволюции. Прерывность допускает сосуществование глобальной причинности и локальной причинности. И наконец, прерывность убеждает в высоком положении человека и придает смысл его жизни. Таким образом, мы находимся очень далеко от квантовой прерывности.

МАТЕРИЯ И СТЕПЕНИ МАТЕРИАЛЬНОСТИ

Гурджиев неоднократно подчеркивал материалистический характер своего учения: "Все во Вселенной материально: поэтому Великое Знание более материально, чем материализм⁶". Он добавлял: "Все во Вселенной может быть взвешено и измерено. Абсолют так же материален, так же взвешиваем и измерим, как луна, как человек⁷". Это заявление шокировало некоторых спиритуалистов и приверженцев Традиции, и умиротворяло некоторых ученых (забудем на время слово "Абсолют").

Это смелое утверждение, однако, полностью раскрывается только в тот момент, когда Гурджиев проводит различие между "материей" и "степенью материальности". Как и любой ученый, Гурджиев убежден, что "материя везде одна и та же⁸". Но он вводит понятие степени материальности, связанной с энергией: "Верно: материя везде одна и та же; но материальность различна. А разные степени материальности непосредственно зависят от свойств и качеств энергии, проявляющейся в данном пункте⁹".

Для физика девятнадцатого столетия идея "степеней материальности" мало бы что означала. Она приобретает реальную ценность с открытием квантового мира, чьи законы кардинально отличаются от законов макрофизического мира. Изучение бесконечно малого обнаруживает степень материальности, отличную от макрофизического мира.

Мы не будем обсуждать здесь законы квантовой физики. Но позвольте вкратце упомянуть о существенном факте.

Классическая физика признает два вида отличных друг от друга объектов: корпускулы* и волны. Классические корпускулы -- дискретные объекты, четко локализованные в пространстве и характеризующиеся, с динамической точки зрения, их энергией и инертной массой. Корпускулы можно легко представить в виде бильярдных шаров, постоянно путешествующих в пространстве и времени, описывающих очень точную траекторию. Что касается волн, их представляли занимающими все пространство, в континууме. Волновой феномен может быть описан как наложение периодических волн, характеризующийся пространственным периодом (длина волны) и временным периодом. Точно так же волна может характеризоваться "частотой вибраций" (величина, обратная периоду колебаний) и "пространственной частотой волны" (величина, обратно пропорциональная длине волны). Таким образом, волны легко визуализировать.

Квантовая механика полностью перевернула эту точку зрения. Квантовые частицы -- это корпускулы и волны в одно и то же время. Их динамические характеристики связаны с формулами Эйнштейна-Планка (1900-1905) и де Бройля (1924): энергия пропорциональна временной частоте (формула Эйнштейна-Планка), а инертная масса пропорциональна пространственной частоте волны (формула де Бройля). В обоих случаях коэффициентом пропорциональности служит постоянная Планка.

Это представление квантовой частицы противостоит всем попыткам представить ее в форме пространства и времени, поскольку очевидно, что невозможно представить в уме нечто, что являлось бы одновременно корпускулой и волной. В то же время энергия изменяется дискретным образом. Природой воссоединяются концепции непрерывности и прерывности.

Нужно хорошо понимать, что квантовая частица -- совершенно новый объект, который нельзя свести к классическим представлениям; квантовая частица -- это не простое сопоставление корпускулы и волны.

Квантовую частицу можно описать как единство противоположностей. Более правильным было бы заявить, что это частица не является ни корпускулой, ни волной. Единство противоположностей -- более, чем простая сумма его классических составляющих, совокупность которых противоречива (с классической точки зрения) и приближительна (с квантовой точки зрения).

Когда Гурджиев утверждает, что "мир состоит из вибраций и материи, или из материи в состоянии вибраций, из вибрирующей материи⁹", и когда мы вспоминаем роль, которую он придавал частоте вибраций, энергии, прерывности, заманчиво подумать о новых квантовых объектах. Позвольте внести ясность: я не утверждаю, будто квантовые частицы можно отождествить с "вибрациями", о которых говорил Гурджиев (что в любом случае было бы абсурдно), но они представляются их воплощением в квантовом мире. В то же время неоспорим тот факт, что открытие квантового мира дало рациональное научное объяснение понятию "степень материальности". Гурджиев связывал тонкость материи с частотой вибраций: "Выражение "плотность вибраций" соответствует частоте этих вибраций и употребляется в смысле, противоположном понятию "плотности материи", т.е. чем выше "плотность материи", тем ниже "плотность вибраций", и наоборот, чем выше "плотность вибраций", тем ниже "плотность материи". Наивысшей "плотностью вибраций" обладает самая тонкая, наиболее разреженная материя. А в материи с наибольшей возможной плотностью вибрации замедляются и почти прекращаются. Поэтому самая тонкая материя соответствует наивысшей "плотности вибраций"¹⁰".

Действительно, какую можно представить связь между стулом и нейтрино (частицей, не имеющей массы и электрического заряда, беспрепятственно проникающую сквозь нашу макрофизическую материю)? Ясно, что это вопрос двух разных миров -- двух разных уровней реальности, управляемых разными законами -- и что различие степени тонкости материи между одним и другим уровнем чрезвычайно значительно.

Сосуществование разных уровней материи позволяет нам увидеть, что существуют разные типы материи, определяемые именно их степенью материальности. Гурджиев -- не единственный современный мыслитель, убежденный в существовании нескольких типов материи. Стефан Люпаско* (1900-1988), в основе философии которого лежит квантовая физика, посредством своей логики энергетического антагонизма пришел к выводу о существовании трех типов материи-энергии.

Говоря о количестве типов материи, Гурджиев высказывал два взаимопротиворечащих утверждения. В сборнике его лекций, изданных под названием "Взгляды из реального мира", он говорит: "Единство состоит из трех материй"¹¹, в то время как в "Поисках чудесного" он утверждает, что существует "двенадцать категорий материи"¹². Фактически здесь нет противоречия. Когда Гурджиев, как и Люпаско, говорит о трех типах материи, он недвусмысленно ссылается на закон трех, дающий структуру всем феноменам реальности. В этом смысле число три, выдвинутое Гурджиевым и Люпаско, не является простым совпадением; вывод Люпаско, основанный на тернарной логике -- "включенном среднем" - явно соотносится с законом трех. Наконец, рассматривая идею материальности по отношению к структуре Вселенной, Гурджиев в своей космологии заключает, что должно непременно существовать двенадцать категорий материи. Это обеспечит ученых работой на несколько столетий.

Существование двух материй -- макрофизической материи и микрофизической материи -- пусть даже не единогласно принятое (или признанное таковым), не вызывает жесткого

противодействия. С другой стороны, одного упоминания "биологической материи" или "психической материи" довольно, чтобы заставить бурлить научный мир, в котором все еще господствует редукционизм. Точно так же не каждый готов принять утверждение Люпаско (идеи которого очень близки идеям Гурджиева), что каждая система включает в себя аспект, который одновременно является макрофизическим, биологическим и психическим.

По Гурджиеву, в природе нет ничего полностью инертного; все находится в движении: "скорость вибрации материи показывает степень разумности данного ее вида. Вы должны помнить, что в природе нет ничего мертвого и неодушевленного. Все по-своему живо и сознательно, все разумно. Только эта сознательность и разумность выражается по-разному на разных уровнях бытия, т.е. в разных масштабах. Но вам необходимо понять раз и навсегда, что в природе нет ничего мертвого и неодушевленного; просто существуют разные степени одушевленности и разные масштабы"¹³.

Это, на первый взгляд, удивляющее утверждение соответствует тому, что мы наблюдаем в микрофизических масштабах. "Инертная материя" - выражение классической науки, в наши дни полностью утратившее свой смысл. Микрофизическая материя является чем угодно, но уж ни в коем случае не "инертной материей". На микрофизическом уровне кипит деятельность, происходит бесконечное количество процессов, вечная трансформация энергии и материи, постоянное создание частиц и античастиц. Ошеломляющее количество информации и увеличивающаяся плотность энергии в квантовом мире доказывает, что практически невозможно провести границу между живым и неживым. Вполне вероятно, что квантовая частица обладает собственной индивидуальностью, собственным разумом, в совокупных отношениях вечного сотворения и аннигиляции всех других частиц.

Гурджиев часто возвращался к проблеме разумности материи: "Помимо своих космических качеств, каждое вещество также обладает психическими качествами, т.е. определенной степенью разумности"¹⁴. Это объясняет, почему определенные вещества способствуют эволюции человека, эволюции, которая является ядром Гурджиевского учения.

По Гурджиеву, между материями не существует разделения: "Тонкие материи пронизывают более плотные"¹⁵. Яркий пример -- микрофизическая материя, пронизывающая макрофизическую материю. Протоны, нейтроны, электроны, квантовый вакуум находятся в нас, пусть даже мы и не отождествляем себя с квантовым миром.

Гурджиев идет еще дальше, утверждая, что в человеке содержатся все материи Вселенной: "Вся окружающая нас мировая материя, пища, которую мы едим, вода, которую пьем, воздух, которым дышим, камни, из которых построены наши дома, наши собственные тела - все это пронизано разными видами материи, существующей во Вселенной. Нет необходимости изучать или исследовать Солнце, чтобы обнаружить материю солнечного мира: эта материя находится в нас самих, будучи результатом деления наших собственных атомов. Точно так же в нас пребывает материальная среда всех иных миров. Человек представляет собой "миниатюрную вселенную" в полном смысле этого слова: в нем наличествуют все виды материи, из которых состоит вселенная: действуют те же силы, те же законы, что управляют жизнью во вселенной; поэтому, изучая человека, мы можем изучить весь мир, а изучая мир, можем изучить человека"¹⁶.

Как можно увидеть, материализм Гурджиевского учения -- чрезвычайно комплексный, и мы лишь поверхностно коснулись его отношения к современной науке. Но несомненно одно: Гурджиевские "материи" обладают многочисленными аспектами, большинство из которых выходит за рамки методологии современной науки, поскольку они касаются внутренней алхимии человека.

ЗАКОН ТРЕХ И НЕОБХОДИМОСТЬ НОВОЙ ЛОГИКИ

Испокон веков в человеческой деятельности преобладало бинарное мышление: "да" или "нет". Длительное столетиями царствование Аристотелевской логики продолжается и по сей день. В некоторых традиционных учениях (особенно в христианской теологии) имеется возможность новой логики, но эта возможность остается в руках малого числа посвященных. К этой новой логике относится учение Гурджиева о законе трех, который проявляет себя также и в квантовой физике.

Согласно Гурджиеву, закон трех -- "фундаментальный закон, создающий все феномены во всем многообразии единства всех Вселенных".

"Это "закон трех", или закон трех принципов, трех сил. Он проявляется в том, что любое явление, в каком бы масштабе оно ни происходило, от молекулярных до космических, представляет собой результат сочетания или встречи трех различных и противоположных сил. Современная мысль принимает наличие двух сил и их необходимость для того, чтобы возник какой-нибудь феномен: сила и противодействие, положительный и отрицательный магнетизм, положительные и отрицательные электрические заряды, мужские и женские клетки и так далее, но она не всегда и не везде находит даже эти две силы. Относительно же третьей силы вопрос никогда и не ставился, а если кто-то его поднимал, остальные ничего не слышали.

Согласно истинному, точному знанию, одна или две силы не в состоянии произвести какое-либо явление. Необходимо присутствие третьей силы, ибо только с ее помощью первые две могут произвести в той или иной сфере то, что называется феноменом. Первую силу можно назвать активной, или позитивной; вторую -- пассивной, или негативной; третью -- нейтрализующей. Но это -- лишь названия, поскольку в реальности все три силы одинаково активны и проявляются как активная, пассивная и нейтрализующая лишь в точке их соприкосновения, так сказать, только по отношению друг к другу в данный момент"17.

Перед обсуждением особого характера третьего принципа позвольте коротко остановиться на характере противоположности (или, как это называет Люпаско, "антагонистическом противоречии") между тремя принципами, к которым постоянно возвращается Гурджиев. В "Рассказах Баалзебуа своему внуку" он описывает закон трех как "закон, который всегда переходит в следствие и становится причиной последующих следствий и всегда функционирует посредством трех скрытых в нем независимых и совершенно противоположных характерных проявлений, невидимо и неосязаемо"18. Стоит подчеркнуть этот аспект: скрытый, невидимый и неосязаемый характер трех принципов. Манифестация возможна только благодаря взаимодействию между законом трех и законом семи.

Противоположность между тремя принципами -- подлинное "противоречие" в философском смысле этого слова: нечто, далекое от саморазрушения, создает себя посредством антагонистической борьбы.

Сравнительно легко представить себе противоречие между двумя понятиями, но практически невозможно (исключая формальные математические построения) постичь противоречие между тремя понятиями. При включении третьего понятия два остальных теряют собственную идентичность. В этом смысле мы можем понять выражение "включенное среднее". Парадоксально, но в логике "включенного среднего" понятия "истинно" и "ложно", отнюдь не теряя свою ценность, значительно расширяются, охватывая большее количество явлений, чем позволяет бинарная логика.

Вышеперечисленные вопросы прекрасно иллюстрирует пример из квантовой физики.

В эксперименте, проводимом (что очевидно) в макрофизическом мире, квантовая частица проявляется как волна или корпускула, так сказать, как одна из двух противоположных и антагонистических объектов. Мы можем использовать выражение "антагонистическая комплементарность", поскольку качества волн и корпускул взаимоисключаемы. Теперь, с

надлежащего уровня реальности квантового мира как третье понятие появляется квантовая частица, не волна и не корпускула, но которая, с точки зрения макрофизического мира, может проявлять себя как волна и как корпускула. В этом смысле квант -примиряющая сила между волной и корпускулой. Но в то же время, не будучи ни волной, ни корпускулой и проявляясь на другом уровне реальности, квант безусловно находится в противоречии с волной или корпускулой.

Нужно отметить, что П.Д. Успенский -- один из наиболее известных учеников Гурджиева -- в своей книге "Tertium Organum", опубликованной в России в 1912 году, был первым современным мыслителем, утверждавшим о важности принципа "включенного среднего" как фундаментальной логики новой науки.

Ранее я привел в качестве примера третьего понятия квантовую частицу в ее собственном мире. Но видим ли мы эту частицу? Можем ли мы проникнуть в квантовый мир? Наши способы измерения всегда макрофизические, и в действительности квантовую частицу мы не видим. С помощью ускорителей мы можем реконструировать ее, например, по ее следам. Наше макрофизическое строение не дает нам возможности свободно путешествовать в квантовом мире и наблюдать, что же там происходит.

Для понимания этого третьего термина требуется концептуальная революция. Сравнительно недавние открытия в физике частиц неожиданно пролили свет на третью силу. Для объединения всех физических взаимодействий требуется пространство-время, число измерений которого во много раз превосходит число измерений нашего пространства-времени (три измерения пространства и одно измерение времени). Неважно, что подобное объединение может произойти только при сказочных уровнях энергии, недостижимых на наших ускорителях. Важно то, что столь большое число измерений может быть собрано воедино логической последовательностью физических законов. Не является ли это "большое" пространство-время проявлением третьей силы? Может ли третья сила быть источником прерывности, нераздельности и нелокализуемости?

По сравнению с этим "большим" пространством-временем мы, бедные жители четырех измерений, слегка напоминаем двумерных существ концептуальной Вселенной Эдвина А. Эбботта*, Флатландии, которым казалось чудом явление существ из мира трех измерений. Но мы можем точно понять эту третью силу, если, как говорил Гурджиев выйдем за пределы ограничений "фундаментальных категорий нашего восприятия феноменального мира", то есть выйдем за пределы нашего ощущения пространства и времени. Настойчивость Гурджиева в его философии природы, связанная с научными идеями "измерений", "пространства" и "времени" выглядит не случайной. В частности, чрезвычайно существенно различие между разными космосами, связанное с разным числом измерений пространства-времени в них.

"Окиданох" - чудесный Гурджиевский символ тернарной динамики и ее проявлений. Он представлен как "Вездесущий Активный Элемент", или как "Уникальный Активный Элемент"¹⁹, особенности которого -- основная причина всего, что существует во Вселенной. "Только одна космическая кристаллизация, существующая под названием "Вездесущий Окиданох", получает свое первоначальное возникновение - хотя она также кристаллизуется из Эфирокрилно - из трех Святых источников Теомертмалогоса, то есть из эманации Святейшего Солнца Абсолют. Повсюду во Вселенной этот "Вездесущий Окиданох", или "Вездесущий Активный Элемент", принимает участие в образовании как больших, так и малых возникновений и является вообще основной причиной большинства космических явлений"²⁰.

В прямой связи с тремя принципами закона трех, естественно, что "никакие результаты, нормально полученные из процессов, происходящих благодаря этой Вездесущей Мировой Субстанции, никогда не могут быть восприняты существами или ощущаться ими"²¹. Но как

связать неуловимый характер трех принципов закона трех с фактом, что Окиданох является, в то же время, субстанцией, понижывающей все космические формации? Действительно, "когда сгущается новая космическая единица, то "Вездесущий Активный Элемент" не сливается целиком с таким новым возникновением и не трансмутируется целиком в каком-нибудь определенном надлежащем месте - как происходит со всеми другими космическими кристаллизациями во всех упомянутых космических формациях, - а как только он входит целиком в какую-нибудь космическую единицу, в нем сразу же происходит так называемый "Джартклом", то есть он распадается на те три основных источника, из которых он получил свое первоначальное возникновение, и только тогда эти источники, каждый в отдельности, дают начало независимому сгущению трех отдельных соответствующих формаций внутри данной космической единицы"²². Таким образом, три принципа присутствуют повсюду. Но что же придает Окиданох характер субстанции, или вещества? Определенно, не три принципа. Поэтому Гурджиев вводит символ эфинокрилно, "той первичной субстанции, которой заполнена вся Вселенная и которая является основой возникновения и поддержания всего существующего"²³. Именно этот четвертый элемент Окиданох и придает ему характер вещества: "определенная часть чистого - то есть абсолютно несмешанного - Эфинокрилно непременно входит во все космические формации и служит там, так сказать, для связи всех активных элементов этих формаций, а потом, когда три его составные части сливаются вновь, упомянутая часть Эфинокрилно восстанавливается"²⁴.

Попутно заметим, что символ Окиданох создает интересные взаимоотношения между "тремя" и "четырьмя": "три" представляет скрытую, невидимую и неосязаемую характеристику трех принципов, в то время как "четыре" представляет проявление трех принципов на плане материи-энергии.

Фонетическое сходство может заставить нас подумать о возможной связи между "эфинокрилно" и "эфиром", особенно когда Гурджиев говорит о "первичной субстанции, которой заполнена вся Вселенная". Но здесь нет подлинной взаимосвязи. Эфир -- это неподвижная, универсальная система координат. Эфинокрилно, вместе с Окиданох, связано с движением, трансформацией, передачей энергии.

Мы можем представить Окиданох полем, наполняющим все космосы, чьи вибрации преобразуют закон трех в материальные проявления. Если "естественный" человек восприимчив к дуализму, то Вселенная, насколько можно заключить, безусловно нуждается в трех действующих силах.

ПРИРОДА: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

По Гурджиеву, Бог был вынужден сотворить мир:

"И в это время нашему Создателю-Вседержцу явилась надобность сотворить теперь существующий Мегалокосм, то есть наш мир... Наш Всемогущий Творец однажды заметил, что Солнце-Абсолют, на котором он пребывал, хотя и незаметно, но постоянно уменьшается в размере... Причиной постепенного уменьшения размеров Солнца-Абсолюта был Геропас, или течение самого времени"²⁵.

На первый взгляд это утверждение может показаться лишь проявлением знаменитого Гурджиевского юмора. Но роль, приписываемая времени, чрезвычайно занимательна; сходная идея имеется в космологии Якоба Беме (1575-1624). По Беме, Бог также вынужден был сотворить Вселенную -- из-за насущной жажды познать себя. Так он умер для себя, чтобы родиться, подвергнув себя циклу времени. "Рождение Бога" - фундаментальный аспект доктрины Беме.

Между философией Гурджиева и Беме можно найти немало сходных черт²⁶: закон трех и закон семи, лежащие в основе их космологии, роль прерывности, универсальный обмен веществ,

живая Природа. У Гурджиева, как и у Беме, имеется два значения слова "природа": "сотворенная природа" и "божественная природа". Идея природы -- объемлющая как божественную, так и сотворенную природу -- относится к взаимодействию между всеми уровнями реальности. Итак, согласно и Гурджиеву, и Беме, материализм и спиритуализм -- две грани одной и той же реальности.

Удивительно, что среди бесчисленных книг и штудий, посвященных учению Гурджиева, нет ни одной, посвященной сходству идей Беме и Гурджиева. Нельзя полагать, что работы Беме служили Гурджиеву источником вдохновения. Их философии природы четко отличаются, и отличаются даже в сходных элементах (например, динамическое функционирование закона трех и закона семи). Ясно одно: на протяжении веков в различных философиях природы неизменно появлялся ряд фундаментальных идей. Этот факт, который особенно важен сегодня, когда ведется поиск новой философии природы, находящейся в гармонии с открытиями современной науки. Вернемся к Гурджиевской концепции Творения: необходимо было спасти божественный мир от воздействия времени. Так была сотворена Вселенная, бесконечная цепь, скованная универсальной взаимозависимостью, что позволило избежать воздействия времени. Гурджиев называл эту универсальную взаимозависимость "величайший общекосмический Трогоавтоэгократический процесс... подлинный спаситель от закономерного воздействия безжалостного Геропаса"²⁷, или "Трогоавтоэгократический процесс, система, которая поддерживает все возникшее и существующее, реализованная нашим БЕСКОНЕЧНЫМ ТВОРЦОМ для того, чтобы во Вселенной мог происходить так называемый "обмен веществ", или "взаимное питание" всего существующего, и чтобы поэтому безжалостный "Геропас" не мог бы оказывать своего пагубного воздействия на Солнце Абсолют"²⁷.

Трогоавтоэгократический процесс и самосовершенствование: Принцип универсальной взаимозависимости можно встретить не только в учении Гурджиева. Он встречается по многим традиционным учениям. Однако Гурджиевская трактовка, бесспорно, оригинальна.

Вселенная Гурджиева характеризуется обобщенной нераздельностью: "все зависит от всего остального, все связано, нет ничего отдельного. Поэтому все идет только по тому пути, по которому должно идти"²⁸.

Системы разных уровней обладают собственной автономией, ибо, согласно Гурджиеву, Абсолют непосредственно участвовал только в сотворении первого космоса. Другие космосы сформировались на основе самоорганизующих принципов -- однако всегда подчиняясь закону трех и закону семи. Таким образом было обеспечено многообразие Вселенной. С другой стороны, взаимодействие разных космосов посредством универсального обмена материю-энергии обеспечивает единство многообразия. По словам Гурджиева, "ученое существо" по имени Атарнах выдвинуло следующую гипотезу: "По всей вероятности, в Мире существует закон взаимного поддержания всего существующего. Очевидно, наши жизни также служат для поддержания чего-то великого или малого в Мире"²⁹.

Гурджиевская Вселенная не статична, это Вселенная, находящаяся в вечном движении и изменяющаяся не только на физическом плане, но и в плане биологическом и психическом. В разных мирах всегда происходит эволюция и инволюция. И если брать в расчет число разных материй, характеризующихся разными степенями материальности, можно понять важнейшую роль универсального обмена веществ в эволюции и инволюции:

"В связи с этими неотъемлемыми процессами "эволюции" и "инволюции" в законе Гептапарапаршинок в больших и малых космических концентрациях начали кристаллизоваться и растворяться разные виды определенных субстанций с их собственными, присущими только им качествами. Эти субстанции объективная наука называет "активные элементы". Все результаты "эволюции" и "инволюции" этих активных элементов осуществляются

Трогоавтоэгократическим принципом; и во всей Вселенной, средствами взаимного поедания и поддержания существования друг друга они производят общекосмический процесс "Иранирануманж", или, как я уже говорил, "общекосмический обмен субстанций"³⁰.

Трогоавтоэгократический процесс замечательным образом соотносится с принципом "самосовершенствования*", сформулированным в 1960 году американским физиком Джеффри Чью*. В научном контексте ближайшим эквивалентом этому слову будет термин "самостоятельность"*.

Теория самосовершенствования появилась, как естественная реакция на классический реализм и идею необходимости стабилизации процессов в пространстве-времени. Предлагая радикальный отказ от всех процессов стабилизации, теория самосовершенствования подразумевает отсутствие всех фундаментальных "строительных блоков" физической реальности. Согласно этой теории, у квантовой частицы имеется три различных роли: (1) роль компонента составных систем; (2) роль посредника силы, отвечающей за единство составной системы; (3) роль составной системы.

Итак, в теории самосовершенствования часть проявляется в то же время, как целое. Рассматривается вопрос самого понятия идентичности частиц: оно используется вместо понятия взаимоотношений между "событиями". Отношения между событиями отвечают за появление того, что мы называем частицей. Не существует объекта в себе, обладающего собственной идентичностью, который мы могли бы отделить или обособить от других частиц. Частица есть то, что она есть, поскольку все другие частицы существуют в то же самое время: атрибуты детерминированного физического объекта являются результатами взаимодействий со всеми остальными частицами. Согласно теории самосовершенствования, действительно существует закон "взаимного поддержания" всех квантовых частиц. И, как и в Трогоавтоэгократическом процессе, система есть то, что она есть, поскольку все другие системы существуют в одно и то же время. Необходимо подчеркнуть роль самостоятельности в построении реальности - самостоятельности, обеспечивающей связность Всего.

В формулировке принципа самосовершенствования имеются различные степени обобщений. Так, английский физик Пол Дэвис* не колеблясь, говорит о "космическом самосовершенствовании"³¹.

В этой общей форме теория самосовершенствования пытается ответить на вопрос: как устроена Вселенная? Является ли она неким механизмом, несомненно изумительным, но все же механизмом, построенным из практически независимых систем, механически взаимосвязанных? Или в ее основе лежит единство, поддерживаемое динамическим разумом в перманентной эволюции на всех уровнях природы? Является ли уровень природы тем, что он есть, поскольку в то же самое время существуют и все другие уровни? Существуют ли законы, применимые ко всем уровням природы (частицам, атомам, планетам), непреложные законы, которые, однако, по учению Гурджиева, производят различные эффекты в зависимости от уровня, на котором они действуют? Другими словами, существует ли между различными уровнями природы то, что можно назвать "взаимное питание" или "взаимное поддержание"? Или же Вселенная -- юдоль печали, где каждый уровень обречен из-за постоянного роста беспорядка, энтропии, на разрушение и смерть?

Вселенная выглядит способной на самосотворение и самоорганизацию без какого-либо "внешнего" вмешательства. Именно этот целостный процесс самосотворения и самоорганизации Пол Дэвис окрестил "космическим самосовершенствованием". "Вселенная наполняет себя исключительно собственной физической природой со всей энергией, необходимой для создания и оживления материи, упорядочивая таким образом энергию собственного взрыва. Это - космическое самосовершенствование. Своим существованием мы обязаны его поразительной

мощи"32. Кажется очевидным, что самосотворение и самоорганизация имеют смысл лишь во Вселенной, созданной из бесконечной цепи систем, регулируемых универсальной взаимозависимостью. Условия самосотворения и самоорганизации - единство в многообразии и многообразии единства. Иначе не может действовать ничего, кроме закона случая.

Наконец, логически возможно постулировать форму, еще более обобщенную, чем принцип самосовершенствования, включающую квантовый мир, макрофизический мир, Вселенную, жизнь и сознание. В этой чрезвычайно общей форме принцип самосовершенствования (на настоящем этапе знания) приобретает ненаучный характер. Какова бы ни была судьба теории самосовершенствования в физике частиц (доминирующая теория в 1960-1970 годах, ныне вытесненная теорией квантового поля), она представляет немалый методологический и эпистемологический интерес. Это не просто новая тема в физике, скорее, это символ -- символ, вызывающий появление видения единства Мира. Этот символ, оставаясь точным, неисчерпаем. Он широко проявляется в области естественных систем. Действительно, существует "тотальное самосовершенствование", составляющее видение Мира, и "частичное самосовершенствование", относящееся к научной теории. Одно без другого выглядит бледно и, в конце концов, бесплодно. Двойной аспект принципа самосовершенствования как символа и научного понятия объясняет, почему он позволяет столь тесно увязать науку и философию природы.

Космические измерения и объединение физических взаимодействий: Вернемся к понятию "измерений" и его смыслу. В центре Гурджиевской философии природы лежит идея "космосов": "только идея космосов дает прочное основание для установления законов относительности. Подлинная наука и подлинная философия должны основываться на понимании законов относительности. Следовательно, можно сказать, что наука и философия в истинном смысле этих слов начинаются с идеи космосов"33. "Луч творения" включает в себя семь космосов, содержащихся один в другом: Абсолют, Все Миры, Все Солнца (Млечный Путь), Солнце, Все Планеты, Земля, Луна. Нас не должны уводить в сторону имена, данные этим мирам. Например, небесные тела обладают помимо своих обычных физических качеств, другими качествами, объясняющими, почему число измерений пространства отлично от числа измерений нашего мира:

"Каждый космос - это одушевленное и разумное существо. Каждый космос рождается, живет, умирает. Все космосы являются результатом действия одних и тех же сил, одних и тех же законов. Законы всюду одинаковы. Но проявляются они на разных планах вселенной, т.е. на разных уровнях, по-разному, во всяком случае, не одинаково"34.

Интересно представить, как Гурджиев рассматривает понятие "Всех Миров":

"Можно сказать, что "Все Миры" должны образовать нечто Целое, или Единое, непостижимое для нас... Это Целое, или Единое, или Все, можно назвать "Абсолютом" или "Независимым", поскольку, включая все в себя, оно ни от чего не зависит, представляя собой "мир" для "всех миров"35.

Перед нами отличный пример противоречивого мышления, которое само по себе может ввести нас в мир символов. Интересно отметить, что, согласно Гурджиеву, "Человек живет во всех этих мирах, но по-разному. Это значит, что на него оказывает влияние прежде всего ближайший к нему мир, подходящий к нему вплотную, частью которого он является. Более далекие миры также влияют на человека как непосредственно, так и через другие, промежуточные миры, но их действие уменьшается пропорционально их удаленности от человека или росту различий между ними и человеком. Как будет видно впоследствии, непосредственное влияние Абсолютного до человека не доходит, но влияние следующего мира и влияние мира звезд проявляются в жизни человека уже вполне ясно, хотя они, конечно, науке неизвестны"36. Другими словами, несмотря на свою трехмерную структуру, потенциально

человек имеет пусть и трудный, но все же возможный доступ к другим измерениям.

Но в чем же смысл "семи независимых измерений" (пространства, конечно, поскольку в Гурджиевской космологии существует только одно измерение времени)? Используется ли слово "измерение" в его научном, математическом смысле (измерение пространства-времени), или же в нем скрыто расплывчатое и неоднозначное значение, близкое к значениям обычного языка? Ответ не допускает двусмысленности: Гурджиев использует это слово в научном смысле. Во-первых, Успенский представил Гурджиеву интерпретацию последовательности этих семи измерений основанную на научном понимании слова "измерение", и Гурджиев с этим согласился³⁷. С другой стороны, сам Гурджиев несколько раз вполне четко раскрывал этот предмет. Например, он говорит: "Взаимоотношения космосов постоянны и всегда одинаковы. Иначе говоря, один космос относится к другому как нуль к бесконечности"³⁸. Но отношение между "нулем и бесконечностью" - именно то, что характеризует отношение между пространством с определенным числом измерений и пространством с большим числом измерений (например, отношение точки к линии, линии к плоскости). Именно это отношение "нуля к бесконечности" вдохновило Эдвина Эбботта на создание замечательной книги "Флатландия"³⁹, где он описывает радости и горести двумерных существ, сталкивающихся с чудесами трехмерного мира. Это напоминает о замечании Гурджиева, связанном с мистическим опытом и экстатическими состояниями: интеллектуальный, эмоциональный и двигательный центры "передают в земных трехмерных формах то, что полностью находится за пределами земных измерений"⁴⁰. Здесь отчетливо видно, что слово "измерение" используется в его научном значении.

Вселенная Гурджиева в своей полноте обладает большим числом измерений. Но, поскольку у различных миров имеются не только физические качества, не означает ли это, что сама физическая Вселенная может быть описана пространством-временем с большим числом измерений?

Некоторые теории объединения берут в качестве отправной точки пространство с большим числом измерений, чем мир, в котором мы живем. Очевидно, что невозможно представить себе дополнительные измерения пространства, так как наши органы чувств созданы, чтобы соответствовать трехмерной реальности. Однако объединение всех взаимодействий требует физического существования этих странных пространств. В определенном смысле, симметрии, ведущие к объединению, связаны с семью дополнительными измерениями пространства. Возможно, эти семь измерений были "спрессованы" между десятой и сорок третьей секундой после Большого Взрыва; т.е. они скрыты в очень малой области пространства (от десяти до тридцати трех сантиметров). Объединение всех физических взаимодействий, дополнительные измерения пространства, необходимое отношение между частицей и Вселенной (в полном смысле космогенеза): неужели они лишь случайно совпадают с выводами Гурджиевской философии природы?

Квантовый вакуум и Ничто: Я хотел бы завершить данное обсуждение теоретическим предположением, могущим показаться не бесспорным.

По Гурджиеву, луч творения заканчивается Ничто. Действительно, вполне естественно связать "конец" с "Ничто". Но все усложняется, когда он говорит от том, что "Ничто" означает Абсолют в аспекте "Святой Крепкий":

"Между Всем и Ничто проходит луч творения. Вы знаете молитву: "Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный"? Эта молитва пришла из древнего знания. "Святой Боже" значит Абсолютное, или Все; "Святой Крепкий" также означает Абсолютное, или Ничто, "Святой Бессмертный" означает то, что находится между ними, т.е. шесть нот луча творения с органической жизнью. Все три, взятые вместе, составляют одно; это нераздельная и неслиянная

Троица".

В этом свете возникает искушение провести связь между "Ничто" и квантовым вакуумом. Мне определенно не хотелось бы утверждать идентичность "Ничто" и квантового вакуума (это было бы нелепо), но можно предположить, что квантовый вакуум может, на физическом плане, являться одной из граней "Ничто". Достоверность подобного предположения доказывается словами самого Гурджиева. Согласно его описанию луча творения, при нисхождении материя становится все более и более плотной, все менее и менее разумной, подверженной все большему числу законов. И вот, в конце луча творения, вновь появляется Абсолют, и линейный аспект луча творения трансформируется в круг. Вселенная замыкается в кольцо, заключающее в себе неопределимое число систем, находящихся в вечном взаимодействии. Таким образом мы можем лучше понять смысл Трогаавтоэгократического процесса.

Значение выражения "квантовый вакуум" находится как нельзя далеко от общепринятого значения слова "вакуум". Чем меньшую и меньшую область пространства мы изучаем, тем мы находим большую и большую активность, признак вечного движения. Ключ к пониманию этой парадоксальной ситуации дается в принципе неопределенности Гейзенберга. Чрезвычайно малая область пространства по определению соотносится с чрезвычайно малым временем и, согласно принципу Гейзенберга, с чрезвычайно широким спектром энергии. Итак, "квантовые флюктуации" вакуума обуславливают внезапное возникновение "виртуальных" пар частица-античастица, взаимно аннигилирующих друг друга, и этот процесс происходит за очень короткие промежутки времени. Все есть вибрация: согласно квантовой физике, мы не можем найти в мире инертную, неподвижную точку, в которой не существовало бы движения. На квантовом уровне вакуум полон; это место спонтанного создания и аннигиляции частиц и античастиц. Квантовые частицы обладают определенной массой и поэтому, согласно теории относительности, для материализации нуждаются в определенной энергии. Направляя в квантовый вакуум энергию, мы можем способствовать этой возможной материализации. Именно этим мы и занимаемся, конструируя ускорители частиц (здесь возникает замечательная диалектика между "видимым" и "невидимым": чтобы обнаружить бесконечно малые частица, нам приходится строить гигантские ускорители).

Полный квантовый вакуум в потенциале содержит в себе все частицы, наблюдались ли они уже или нет. Мы сами "извлекли" из Ничто большую часть известных нам частиц при помощи ускорителей и других экспериментальных аппаратов, в то время как "естественный" мир более "экономен": протона, нейтрона и электрона достаточно для построения практически всей нашей "видимой" Вселенной. В этом смысле мы -- участники реальности, охватывающей нас, наши частицы и нашу Вселенную.

Квантовый вакуум -- удивительная грань реальности. Квант, вибрации, являются ли они реальными или виртуальными, присутствуют повсюду. Пустота полна вибраций. Потенциально в ней содержится вся реальность. Возможно, вся Вселенная появилась из Ничто благодаря гигантской флюктуации пустоты, известной нам как "Большой Взрыв" (или лучше сказать, "Великий Звук"). Итак, почему бы не провести связь между квантовым вакуумом и Ничто в аспекте "Святой Крепкий"?

Проведенные нами сравнения между современной наукой и Гурджиевской философией природы, возможно, кому-то покажутся опрометчивыми. Эта философия природы -- неотъемлемая часть учения Гурджиева, учения согласно традиции. В диалоге между наукой и традицией неизбежно возникают две основные трудности: методология и язык. В методологии традиции человек -- не "объективный" наблюдатель реальности, отделенной от него, а участник этой реальности, и его собственная эволюция обусловлена его отношением к другим аспектам

реальности. Воспроизведение феноменов в данном смысле не является условием "реальности" данных феноменов, поскольку в этих феноменах не учитываются те или иные аспекты Всего -- согласно традиции, объективная наука -- это наука Всего. Ясно, что научная методология противоположна традиционной методологии. Другое серьезное отличие связано с языком. Говоря об идее единства, Гурджиев настойчиво подчеркивает это отличие:

"Для субъективного сознания мир расколот на миллионы отдельных, не связанных между собой явлений. Попытки связать эти явления в какого-то рода философскую и научную систему ни к чему не приводят, потому что люди не в состоянии воссоздать, идею целого, отправляясь от отдельных фактов, и не способны постичь принцип разделения целого, не зная законов, на которых основано такое разделение.

Тем не менее, идея всеобщего единства существует и в интеллектуальном мышлении; но такую идею в ее отношении к многообразию невозможно ясно выразить в словах или логических формах: всегда остается непреодолимая трудность языка. Язык, построенный посредством выражения впечатлений множественности в субъективных состояниях сознания, никогда не сможет с достаточной точностью, полнотой и ясностью передать идею единства, которая для объективного сознания является простой и очевидной.

Понимая несовершенство и слабость обычного языка, люди, обладавшие объективным знанием, пытались выразить идею единства в "мифах" и "символах", в особых "словесных формулах", которые, передаваясь без изменений, передавали идею из одной школы и из одной эпохи в другую"⁴¹.

Я подробно рассматривал языковые проблемы в своей работе "Nous, le particule et le monde". Упомянем здесь лишь некоторые аспекты. Научное понятие имеет четкое значение и (в точных науках) математический аспект - конечно, в смысле "количественной математики". С другой стороны,

"Символ никогда нельзя брать в окончательном и определенном смысле. Выражая законы единства в бесконечном многообразии, символ обладает бесчисленным множеством аспектов, в которых его можно рассматривать; и от человека, подходящего к нему, требуется умение видеть его сразу с нескольких точек зрения"⁴².

Более того, "символ никогда не может быть окончательно истолкован. Он может только быть пережит"⁴³. Точность символа выражается именно в неизменности, скрытой за бесконечной множественностью его аспектов. Можно утверждать, что символическое мышление, как и научное, также связано с математикой, но с "качественной математикой". Вспомним о том, что Галилей, один из основателей современной науки, проводил различие между "божественной математикой" и "человеческой математикой".

Как видно, Гурджиев не отрицает того, что идея единства всего может появиться также и в научной или философской мысли, но ссылается на "непреодолимую трудность языка". Исключительный прогресс в физике за последние десятилетия объясняется не только тем фактом, что преобладающие идеи единства и объединения привели к чрезвычайно плодотворным теоретическим и экспериментальным результатам. Он обязан также тому, что в этой системе взглядов возникали идеи нового типа, которые я называю "идеи-символы". Идеи-символы, подобно теории самосовершенствования или объединению всех взаимодействий, обладают всеми характеристиками символа, за исключением того факта, что для их эффективности в научном плане они должны иметь частичное, усеченное значение, в зависимости от их общей формулировки. Это объясняет, почему существует несколько формулировок теории самосовершенствования или теории объединения. Это также объясняет, почему знаменитая теория объединения всех взаимодействий включает в себя только физические взаимодействия. Более того, не исключено, что при попытке объяснить

взаимодействия, происходящие на сверхвысоких уровнях энергии с событиями, происходящими на более низких уровнях, трудности, с которыми сталкивается эта теория, связаны именно с символическим характером идеи объединения. Теория, основанная на идее-символе, по определению, является открытой теорией, пытающейся объять безграничное богатство символа. Символ обеспечивает подобной теории устойчивость. Открытая теория может изменить форму и математическую формулировку, но ее направление всегда останется прежним.

В любом случае, появление в науке идей-символов представляет собой подлинную концептуальную революцию, уходящую далеко за пределы науки. В наше время впервые стал возможен диалог между наукой и традицией, диалог, необходимость которого ясна более, чем когда-либо.

ЖИЗНЬ, ГЕЯ И АНТРОПИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

За редкими исключениями, современная философия считает, что жизнь и человек возникли в результате случайности. Однажды мы случайно появились на маленькой планете, вращающейся вокруг определенной звезды, на далекой окраине галактики, не представляющей собой ничего особенного. Наши философы с радостью и твердой уверенностью пропагандируют этот печальный и тягостный образ.

В этом отношении Гурджиевская точка зрения полностью противоположна точке зрения современной философии. Для него жизнь и человек являются продуктами космической необходимости -- жизнь не может существовать без Вселенной, а Вселенная не может существовать без жизни. "Таким образом, органическая жизнь представляет собой необходимое звено в цепи миров, которые не могут существовать без нее, как и она не может существовать без них"⁴⁴. Согласно космологии Гурджиева, жизнь появилась как необходимая точка разрыва, чтобы заполнить, в соответствии с законом семи, один из интервалов космической октавы: "Эти условия для обеспечения перехода сил создаются при помощи устройства особого механического приспособления между планетами и Землей. Это механическое приспособление, "передаточная станция" сил, - есть органическая жизнь на Земле. Органическая жизнь на Земле была создана, чтобы заполнить "интервал" между планетами и Землей"⁴⁵.

Парадоксальным образом этот взгляд на необходимость жизни подтверждается не философией, а наукой. Мне хотелось бы поговорить о знаменитом "антропическом принципе" ("антропический" происходит от греческого слова антропос, означающего "человек"). На эту тему имеется обширная литература⁴⁶. Мы ограничимся обсуждением лишь некоторых аспектов в связи с Гурджиевской космологией.

Антропический принцип был введен Робертом Х. Дикке в 1961 году и получил свое развитие в работах Брэндона Картера, Стивена Хоукинга, Джона Барроу, Фрэнка Типлера* и других исследователей.

В наше время антропический принцип представлен в различных формулировках. Несмотря на такое разнообразие, его основная идея легко распознаваема: наличие взаимосвязи между появлением человека, "разумной" жизни в космосе -- и физических условий, регулирующих эволюцию Вселенной. Эта взаимосвязь находится в очень жестких рамках: если значение определенных физических констант или параметров, проявляющихся в определенных законах, хотя бы незначительно изменяется, то исчезают физические, химические и биологические условия, допускающие появление человека. "Большой сюрприз, пишет Хьюберт Ривз*, - кроется в том, что квази-полнота вымышленных Вселенных, смоделированных физиками на компьютерах, будет чрезвычайно отличаться от нашей Вселенной. В частности, такие Вселенные будут абсолютно неспособны породить живых существ, обладающих биохимической структурой"⁴⁷. Брэндон Картер подчеркивает важность гравитационной постоянной *. Эта константа должна находиться близко к экспериментально наблюдаемому значению, чтобы

планеты могли существовать достаточно длительное время для появления жизни на них. Слишком сильная или слишком слабая гравитация приводит либо к эфемерным планетам, либо просто к невозможности появления на них живых существ. Константа взаимодействия (гравитационная постоянная), характеризующая сильные взаимодействия, происходящие в квантовом мире, весьма точна: "Если сила оказывается большей, чем должна быть... не появится водорода для образования звезд первостепенной важности... И наоборот, если она слишком мала, не появятся такие сложные атомы, как углерод"⁴⁸.

Таким образом, эволюция Вселенной регулируется необъятной самостоятельностью, включающей в себя как физические взаимодействия, так и феномен жизни. Галактики, звезды, планеты, человек, атом, квантовый мир объединены одной и той же самостоятельностью. В этом смысле антропический принцип можно рассматривать как особый случай самосовершенствования и как иллюстрацию Трогаавтоэгократического процесса.

Не нужно смешивать самостоятельность антропического принципа с простой когерентностью последовательностью. Мы можем думать, что благодаря тому простому факту, что Вселенная существует, она обязательно должна быть логически последовательна, когерентна, гармонична. В этом смысле антропический принцип превращается в тривиальное утверждение. Но гармония нашей Вселенной -- весьма специфична. С точки зрения физики, ничто не препятствует созданию различных Вселенных, в которых могла бы присутствовать жизнь, по тем же физическим законам, но с другими константами и параметрами, применимыми к этим законам. Но астрофизические исследования доказывают удивительный факт: чтобы появилась жизнь, огромное количество этих констант и переменных должны находиться в чрезвычайно жестких рамках. Таким образом, антропический принцип неявным образом ставит ошеломляющий вопрос об уникальности этого мира.

В любом случае, тот факт, что для того, чтобы на маленькой планете появилась жизнь, необходимо по меньшей мере создание целой галактики, открывает широкие перспективы философского и поэтического плана. В своих петербургских и московских группах Гурджиев настаивал на том, что жизнь появилась не благодаря случайному созданию на земле определенных молекулярных структур, но пришла "Свыше", из мира небесных тел. Успенский комментирует: "органическая жизнь... начинается на Солнце. Последний пункт был наиболее важным, потому что он вновь, как и многое в системе Гурджиева, оказался в противоречии с обычными теориями возникновения жизни, так сказать, снизу. В его объяснении жизнь пришла сверху"⁴⁹. Эта точка зрения находится в полном соответствии с антропическим принципом: для появления жизни необходима как минимум галактика, поэтому в этом смысле жизнь имеет небесное происхождение. Мы -- дети звезд.

Если принять небесное происхождение жизни, становится интересно прояснить взаимоотношение между жизнью и Землей. По Гурджиеву, жизнь -- это "орган восприятия Земли"⁵⁰. Для него, как и для Кеплера, Земля -- живое существо. Она даже говорит о "степени разумности", которой обладает Земля. На научном плане подобная точка зрения может показаться совершенно нереалистичной (если не сюрреалистичной). Но здесь сюрприз преподносит сама наука. После продолжительных исследований весьма серьезный ученый Джеймс Лавлок* формулировал "гипотезу Геи": Земля действует как живой организм. Таким образом, биосфера представляет собой саморегулирующееся существо, управляющее физическим и химическим окружением для обеспечения условий существования жизни*. (Имя "Гея" - греческой богини Земли, данное этой гипотезе, было предложено писателем Уильямом Голдингом*).

"Гипотеза Геи", в свою очередь, представляет собой настоящую идею-символ. Поэтому, хотя в Гурджиевской философии природы понятия "жизнь" и "разум" гораздо богаче, нежели в

"гипотезе Геи", тем не менее, между ними можно безусловно провести связь.

Гурджиевская философия природы связывает воедино две научные гипотезы, принадлежащие совершенно различным областям: антропический принцип и "гипотезу Геи".

ГУРДЖИЕВ И ТЕОРИЯ СИСТЕМ

Удивительное сходство можно обнаружить также между Гурджиевскими идеями и теорией систем, появившейся несколько десятилетий спустя формулировки его учения. В этой связи нужно отметить, что в Гурджиевской терминологии слово "система" появляется, когда он говорит об "Общесистемном гармоничном движении", "общесистемной гармонии" или "общим систематическом движении"⁵¹.

Современная теория систем появилась, как отказ от классического реализма, не соответствующего данным современной науки, и как попытка упорядочить сложные взаимоотношения, проявляющиеся во всех областях реальности и особенно в физике. Системный подход происходит из таких разнообразных областей науки, как биология, экономика, химия, экология и физика. Конечно, мы не будем рассматривать здесь технические или математические аспекты различных теорий систем, а взглянем на теорию систем как на видение мира, что так хорошо описано Эрвином Ласло⁵².

Косвенным образом мы проследим параллели между Гурджиевской философией природы и теорией систем.

Перед тем, как перейти к отличиям (которые не менее интересны), позвольте обобщить эти параллели:

1. Мы можем представлять Вселенную великим целым, гигантской космической матрицей, в которой все находится в вечном движении и энергетическом формировании. Это Все регулируется универсальной взаимозависимостью. По Гурджиеву, эта взаимозависимость обусловлена действием прерывности -- характеристикой закона семи и закона октавы. "Закон октав объединяет все процессы Вселенной"⁵³. Это единство не статично; оно включает в себе дифференциацию, многообразие, появление иерархических уровней, относительно независимых систем, "объектов", рассматриваемых как локальные конфигурации энергии. По Гурджиеву, появление этих свойств обусловлено существованием различных материй-энергий и действием закона трех.

2. Различные системы представляют собой множества элементов, взаимодействия между которыми нельзя свести к нулю: отсутствие взаимодействия означает смерть, исчезновение системы, ее распад на составные части. Само существование системы означает, что она -- не просто сумма ее частей. Итак, по Гурджиеву, системой можно назвать все, учитывая, что каждая отдельная частица Вселенной оживлена движением, и что часть всегда соотносится с целым. В этом случае очень четко видно, что множество частей -- больше, чем их простая сумма.

3. Открытость системы, ее взаимодействие с другими системами предотвращает ее дегенерацию, смерть из-за неизбежной деградации энергии и увеличение беспорядка. Таким образом, для обеспечения многообразия мира, вечного и универсального энергетического обмена должна быть создана "система систем", система гигантской и непрерывной нераздельности, как вертикальная гарантия "жизни" остальных систем. Открытые системы действуют, по словам Эрвина Ласло, "как модули координации природной иерархии"⁵⁴. В Гурджиевской космологии открытость создается комплексным действием закона семи, но этот предмет слишком объемён для данной статьи⁵⁵. Отметим лишь две характеристики, обуславливающие открытость: (1) "Любая нота любой октавы может быть любой нотой любой иной октавы, проходящей сквозь нее" и (2) "Каждую ноту любой октавы можно рассматривать как октаву на другом плане. Каждая нота этих внутренних октав опять-таки содержит в себе целую октаву"⁵⁶. Это второе свойство придает цепи систем вид дерева.

4. В отличие от редукционизма, объясняющего многообразие как субстанцию, общую для различных систем, теория систем, как и Гурджиевское учение, рассматривает общую организацию. Эта общая организация имеет энергетическую природу; энергия предстает, как объединяющая концепция "субстанции" - "кристаллизованной" формы энергии -- и "информации" - "кодированной" формы энергии. По Гурджиевской космологии, общая организация обусловлена совместным действием закона трех и закона семи. Эти законы обеспечивают неизменность энергетической структуры и стабильность естественных систем.

5. Естественные системы образуются из самих себя; они создают себя во времени. Естественные системы избегают устойчивости, эквивалентной дегенерации и смерти, благодаря достижению -- посредством открытости другим системам -- стабильности в неустойчивости. Итак, неустойчивость становится источником эволюции и творения. Самоорганизация и самосотворение естественных систем -- несомненные признаки свободы, но свободы, действующей в рамках согласованности и совместимости с необходимой динамикой Всего.

Эти характеристики можно встретить и в космологии Гурджиева. В Гурджиевской Вселенной сосуществуют детерминизм и индетерминизм. Различные семеричные циклы могут эволюционировать или инволюционировать; они могут быть связаны между собой самыми разнообразными способами. От этих взаимосвязей зависит самоорганизация и самосотворение различных систем. Наконец, особо выделяется роль флюктуаций:

"Закон октав объясняет многие явления в нашей жизни, которые иначе понять невозможно. Первое - это принцип отклонения сил. Второе - тот факт, что в этом мире ничто не стоит на одном месте, не остается тем, чем было; все движется, все куда-то перемещается, все меняется и неизбежно или развивается, или идет вниз, ослабевает и вырождается, иными словами, все движется или по восходящей, или по нисходящей линии октав. И третье - что в развитии восходящих и нисходящих октав постоянно происходят флюктуации подъемы и падения"⁵⁷.

Как в подобной философской форме рассматривать теорию систем? Как естественную философию? Определенно нет, поскольку ее гипотезы выходят за пределы изучения естественных систем, давшего толчок ее появлению. Скорее, это попытка создания современной философии природы⁵⁸, которую можно методологически сравнить с Гурджиевской космологией. Верно и то, что теория систем в значительной степени пренебрегает квантовой физикой и астрофизикой, что безусловно снижает ее философский интерес, как попытку дать общее описание Вселенной.

Если параллели между теорией систем и Гурджиевским учением весьма интересны, то различия между ними не в меньшей степени поучительны:

1. Теория систем, завораживающая во многих отношениях, тем не менее становится чрезвычайно расплывчатой и туманной, когда речь заходит о динамическом описании единства многообразия, или многообразии единства. С другой стороны, согласно Гурджиеву, "Число фундаментальных законов, управляющих всеми процессами в мире и в человеке, очень невелико. Разные сочетания немногих элементарных сил создают все кажущееся многообразие явлений"⁵⁹. Этот гипотетически-дедуктивный метод, которым пользовался еще Кеплер, встречается и в современной науке. Мы постулируем некоторое число законов, часто очень абстрактных, математических, а посему далеких от непосредственно наблюдаемой реальности; мы выводим следствие этих законов и сравниваем результаты с экспериментальными данными. В Гурджиевской космологии фундаментальными законами Вселенной являются закон трех и закон семи (или октав). В его философии природы эти законы имеют полностью аксиоматический характер. Труды Гурджиева и Успенского являются свидетельством плодотворности подобного подхода. На мой взгляд, основная слабость современной теории систем -- именно в отсутствии аксиоматического подхода.

2. Когда теория систем говорит об "обмене" (веществ, энергии, информации), очевидно, что имеется в виду горизонтальный обмен, происходящий между системами одного и того же уровня (уровня частиц, человеческого уровня, планетарного уровня). Но в Гурджиевской Вселенной равным образом учитывается вертикальный обмен, происходящий между системами разных уровней благодаря тому, что эти уровни обладают общей материей-энергией; существует не одна, а несколько материй-энергий. Тот факт, что законы, управляющие различными уровнями, различны, объясняет, почему вертикальные обмены все же столь редки и почему они связываются с исключительным утончением. Мы можем заменить слово "уровень" на слово "космос", добавив к нашим посланкам дополнительные измерения пространства. Но теория систем не рассматривает существование нескольких космосов.

3. В теории систем понятие "комплексности", или "сложности", выглядит по своей сути неопределенным. Эта неопределенность обусловлена тем фактом, что комплексность зависит от природы пространства-времени. В подавляющем большинстве работ, посвященных теории систем, "комплексность" неявным образом связывается с непрерывным, четырехмерным пространством-временем, характеризующим наш собственный уровень. В наше время для описания естественных систем возможен не только четырехмерный континуум пространства-времени. Как мы уже замечали, на квантовом уровне мы можем допустить существование пространства-времени с числом измерений, бóльшим четырех -- или даже дискретное пространство-время. В каждом случае очевидно, что комплексность будет обладать различной природой.

Те же замечания применимы и к Гурджиевской космологии. Для него различные космосы связаны с различным числом измерений их собственного пространства-времени. Следовательно, при переходе из одного космоса в другой комплексность будет четко отличаться.

4. В теории систем время не обладает какой-то особенной характеристикой по отношению к его обычным физическим качествам, в то время как Гурджиев проводит тонкое различие между временем и пространством. Согласно ему, время -- это "Единственное-Идеальное-Субъективное-Явление":

"Время само по себе не существует; имеется лишь совокупность результатов, вытекающих из всех космических явлений, присутствующих в данном месте. Само Время ни одно существо не может ни понять разумом, ни почувствовать какой-либо внешней или внутренней бытийной функцией. Его нельзя ощутить даже никакой степенью инстинкта, который возникает и присутствует в каждом более или менее независимом космическом сгущении... О времени можно судить, только если сравнивать реальные космические явления, происходящие в одном и том же месте и в тех же самых условиях, где Время констатируется и учитывается... Только одно Время не имеет объективного смысла, так как оно не является результатом деления на отрезки каких-либо определенных космических явлений. И оно не исходит из чего-нибудь, а всегда сливается со всем и становится самостоятельным и независимым; поэтому во всей Вселенной только его одно можно назвать и превознести как "Единственное-Идеальное-Субъективное-Явление"⁶⁰.

Эти высказывания Гурджиева представляют интересную диалектику между временем и не-временем, между временем и отсутствием времени.

Рассматриваемый отдельно, пространственно-временной континуум представляет собой приближение, как субъективный феномен, связанный с подсистемой. Каждая подсистема, соответствуя определенному уровню материальности, имеет собственное пространство-время. Таким образом, время, ассоциирующееся с подсистемой, будет "дыханием"⁶¹, характеризующим индивидуальность данной подсистемы в единстве Вселенной.

С другой стороны, согласно Гурджиевскому определению времени, если мы учитываем все

феномены во всех местах Вселенной, время прекращает существовать. Единство бесконечной цепи взаимосвязанных систем дает возможность избежать воздействия времени; оно находится вне времени.

5. Несмотря на взаимодействие между системами и их бесконечную цепь, теория систем не придает особого значения месту этих систем в целокупности всех систем и отношению той или иной системы к целому. С другой стороны, по Гурджиеву эти аспекты весьма существенны. Для их изучения он вводит принцип относительности:

"Изучение отношения законов к плоскостям, на которых они проявляются, приводит нас к пониманию относительности. Идея относительности занимает в этом учении весьма важное место, и позднее мы к ней еще вернемся. Но прежде всего нужно понять относительность каждой вещи и каждого проявления в зависимости от места, занимаемого в космическом порядке"⁶².

Может показаться удивительным выбор слова "относительность". Вероятно, Гурджиев знал о теории относительности Эйнштейна. Употребил ли он это слово иронически? Но, в точном соответствии с теорией Эйнштейна, многообразие феноменов в различных системах координат сосуществует с неизменностью физических законов во всех системах координат. Таким же образом, в космологии Гурджиева великое многообразие феноменов, происходящих в различных космосах, сосуществует с неизменностью великих космических законов -- законом трех и законом семи. Гурджиев настаивал на необходимости изучения феноменов одного космоса с точки зрения законов другого космоса. Точно так же, если мы сменим одну систему координат на другую, то, согласно теории относительности Эйнштейна, мы продемонстрируем -- многообразием этих трансформаций -- динамический аспект законов неизменности.

Гурджиев говорит о "точном языке", структура которого основывается на принципе относительности. Все идеи этого нового языка сосредоточены вокруг единственной идеи: эволюции. "Место в космическом порядке", рассматриваемое Гурджиевым в его определении принципа относительности, фактически есть "место на лестнице эволюции"⁶³.

Вероятно, принцип относительности, со всеми вытекающими из него следствиями, представляет собой наиболее важное отличие между теорией систем и Гурджиевской философией природы.

ОСНОВА ЗНАНИЯ И ОСНОВА ПОНИМАНИЯ В НАШЕ ВРЕМЯ

Нет нужды лишней раз говорить о гегемонии технонауки в нашем обществе. Слово "наука" в наше время неразрывно связано с понятием "могущество". Но чему служит это знание? Во имя чего так бурно развивается технонаука?

Эти вопросы могут показаться бесполезными, поскольку автоматически проводится связь между словами "технонаука" и "прогресс". К несчастью, слово "прогресс" - одно из самых двусмысленных и ядовитых слов нашего языка.

В отсутствии системы ценностей развитие технонауки следует своей собственной логике: будет сделано все, что может быть сделано. На миг задумавшись, мы можем осознать, насколько пугающа такая логика технонауки. Невозможно счесть ее губительные последствия для человеческого рода, часть которых наблюдается уже сегодня. Ряд философов не преминул отметить опасности технонауки, следующей исключительно собственной логике.

Так, философ Мишель Анри* заявляет, что технонаука -- причина нового варварства: "Наносится ущерб самой жизни, разрушаются все наши ценности не только эстетические, но также и этические и сакральные -- а с ними и сама возможность жить"⁶⁴. Несколько подлинных ученых, еще умудряющихся выживать в мире науки (их особенно много среди биологов и практически нет среди физиков) яростно выступают против подобного варварства. Не приходилось ли вам слышать, будто изучение мозга должно привести к формулировке этики?

Такие нелепые утверждения укрепляют точку зрения Мишеля Анри.

В основном позиция Мишеля Анри совпадает с позицией Гурджиева. По Гурджиеву, упадок и исчезновение цивилизаций связано с "нарушением равновесия между "знанием" и "бытием"": "В истории человечества известны многочисленные примеры, когда из-за перевеса знания над бытием или бытия над знанием погибали целые цивилизации"⁶⁵. А разве мы не живем в мире, где знание намного перевешивает бытие?

В этой связи Гурджиев разделяет "основу знания" и "основу понимания". "Знание - это одно, понимание - другое. Люди часто смешивают эти понятия и не видят ясно разницу между ними. Знание само по себе не дает понимания; и понимание не увеличивается благодаря росту одного лишь знания. Понимание зависит от отношения знания к бытию, это - равнодействующая знания и бытия. И знание не должно отходить от бытия чересчур далеко, иначе понимание окажется слишком далеким от того и другого. Вместе с тем, отношения между знанием и бытием не меняются вследствие простого роста знания. Они изменяются только тогда, когда бытие и знание растут одновременно. Иными словами, понимание возрастает лишь с возрастанием уровня бытия"⁶⁶. Гурджиев иронически описывает "ученого новой формации", служащего единственно знанию:

"Особенно западная культура убеждена в том, что человек может обладать огромными знаниями, быть, например, способным ученым, делать открытия, двигать вперед науку, и в то же время оставаться - и иметь право оставаться - мелочным, эгоистичным, придирчивым, низким, завистливым, тщеславным, наивным, рассеянным человеком. Здесь, кажется, считают, что профессор должен всегда и везде забывать свой зонтик. Таково его бытие; а люди думают, что его знание не зависит от его бытия. Люди западной культуры высоко ценят уровень знания человека, но не ценят уровень его бытия и не стыдятся низкого уровня собственного бытия. Они даже не понимают, что это значит, не понимают, что уровень знания человека зависит от уровня его бытия. Если знание уходит далеко вперед от бытия, оно становится теоретическим, абстрактным и неприменимым к жизни, а фактически - вредным; ибо вместо того, чтобы служить жизни и помогать людям успешно бороться с трудностями, которые им встречаются, оно осложняет жизнь человека, привносит в нее новые затруднения, горести и беспокойства, которых в ней не было раньше. Причина этого заключается в том, что знание, которое не находится в согласии с бытием, не может быть достаточно полным и соответствовать реальным нуждам человека. Оно всегда остается знанием лишь одной вещи, игнорирующим другую вещь, знанием детали без знания целого, знанием формы без знания сущности. Такое преимущество знания перед бытием наблюдается в современной культуре. Идея же ценности и важности бытия и его уровня совершенно забыта; забыто и то обстоятельство, что уровень знания определяется уровнем бытия. Фактически на данном уровне бытия возможно знание, ограниченное известными пределами. В границах данного бытия улучшение качества знания совершенно невозможно, и происходит накопление информации одной и той же природы в пределах уже известного. Изменение же самой природы знания возможно только с изменением природы бытия"⁶⁷.

Мы можем видеть всю важность Гурджиевской философии природы в его определении "основы понимания": отношение между проявлениями на различных планах реальности, отношение между частью и целым, отношение между формой и структурой.

С другой стороны, в Гурджиевской терминологии смысл слова "быть" очень точен. Он связан с эволюцией -- центральным аспектом устного и письменного учения Гурджиева. Гурджиев возражает против принятого значения выражения "эволюция человека": Только такая теоретическая и далекая от жизни мысль, как европейская, способна представить себе эволюцию человека как процесс, не связанный с окружающей природой, рассматривать

эволюцию как постепенную победу над природой. Это совершенно невозможно"68. Более того, абсурдна и разрушительна сама идея "победы над природой"; ей обусловлен тревожный и опасный характер технонауки. Человек -- часть природы, а не ее завоеватель. В этом смысле каждая "победа над природой" потенциально может оказаться парадоксальным поражением человека. Скорее, нужно рассматривать связь между человеком и природой. Но такая связь возможно только при наличии "основы понимания".

В "Рассказах Баалзевуба своему внуку" Гурджиев описывает некоторые детали внутренней алхимии, ведущей к "основам понимания", но для полного осознания смысла этого выражения необходимо основательное знание учения Гурджиева. Достаточно сказать, что по Гурджиеву "основа понимания" органически сплавлена с бытием человека, в то время как "основа знания" представляет собой лишь голую информацию. В любом случае, в той или иной форме именно "основа понимания" могла бы помочь развитию диалога между наукой и смыслом.

Современное взаимодействие между наукой и смыслом характеризуется появлением идей-символов, подтверждаемых важными научными открытиями -немаловажное событие, которое, на мой взгляд, единственно способно совершить подлинную революцию. Возможно, мы находимся на пороге нового Возрождения, одним из условий которого является именно диалог между наукой и смыслом. Наука все ближе и ближе подходит к своим пределам, проистекающим из ее собственной методологии. Наука может распознавать знаки природы, но из-за собственной методологии неспособна раскрыть смысл этих знаков. Наука содержит в себе гигантский технологический потенциал. Сама по себе технонаука, оторванная от философии из-за ее доминирующего положения в нашем обществе, может вести только к саморазрушению. Наше саморазрушение неминуемо порождается онтологическим непониманием знаков природы, все более и более многочисленных, более и более мощных, более и более активных. Это онтологическое непонимание, в свою очередь, приводит к технологическому, анархическому развитию, неизменно сопровождаемому беспокойством об эффективности и прибыли.

Нам необходим посредник между наукой и смыслом. Таким посредником может стать только новая философия природы. Отправной точкой для такой новой философии может стать лишь современная наука, но наука, которая, достигнув собственных пределов, допускает и даже призывает онтологическую открытость. Развитие идей-символов в квантовой физике и других науках, равно как и интерпретация ряда важнейших научных открытий, открывает невероятно свободное пространство, в котором возможен диалог между прошлым и будущим, между наукой и философией природы, искусством, традицией и другими формами знания.

Трудно представить себе возврат к древним философиям природы при нынешнем состоянии знания и нынешних тенденциях в философских, исторических, социологических и религиозных сферах. Но изучение ряда философий природы, такой, как Гурджиевская философия природы, демонстрирующая глубинные соответствия с современной наукой, может оказаться бесценным подспорьем в поисках философии природы, приспособленной к нашему времени. Гурджиевская философия природы, несомненно, опережает наше время, так же, как она предвосхитила некоторые аспекты современной науки. В любом случае она может помочь в выборе между новым варварством и новым Возрождением. И к этому Возрождению нас может привести только "основа понимания".

КОММЕНТАРИЙ РЕДАКТОРА:

Замечательный в некоторых отношениях текст г-на Николеску вполне заслуживает послесловия. Оставим вводную часть, во многом спорную, на совести автора. И продолжим вместе с ним интерпретацию некоторых идей.

Бедного Абсолюта терроризирует Время и грозит его скукожить. Тот защищается, как может, и частокол Дней Браммы должен отгородить его от злой напасти. Но затухающий ли это

процесс -- День-Ночь, сутки прочь? Если вдруг, не дай Бог, да, то надо Абсолюту помочь, подкинуть пару идей, ведь нам со стороны видней!

Ну, например: если все мировые события повязаны круговой порукой, то, стало быть, в каждый момент времени их дальнейшее развитие предсказуемо. Ибо события развиваются по законам и имеют с ними обратную связь (что важно). Кстати, природа самих законов, их сущность и генезис нашим братьям ученым-материалистам неведома, но это их нисколько не смущает. Но предсказуемость мировых событий -- фактор уязвимости Вселенной и, раз уж она является оборонительным приспособлением против страшного Времени, то эту уязвимость нужно Абсолюту преодолеть. Поможем?! Нет, без дураков, ведь для победы, возможно, достаточно лишь прецедента, это не обязательно должно быть что-то вселенски-глобальное. Более того, возможно, этот прецедент уже свершился в прошлом (или по-любому свершится в будущем), и в наших услугах никто особенно не нуждается. Но все же -- почему бы и нет: помочь дедушке-Абсолюту -- абсолютно благородная задача, и попробуйте-ка придумать другое столь же увлекательное занятие! Посему создание включенных во вселенские процессы достаточно независимых автономий, реализующих принципы непредсказуемости, привносит массу смысла (и силы) и в наше существование, и в существование Вселенной. А что же господа квантовые механики? Судя по статье г-на Николеску, они спят и видят, как бы поживиться у религий, учений и т.п. новыми идеями для своей научной деятельности. Бог в помощь! К разрушению монополии бинарной логики уже и так пришли технари-практики: они обнаружили, что память компьютера можно более эффективно организовать не на двоичном битовом принципе, а на тернарном. И уже пытаются экспериментировать с этим. Так что, если квантовые теоретики не совсем еще вялые, то им стоит подзаняться математическим представлением информации о мире в ключе сопряжения законов трех и законов семи (по Гурджиеву).

В заслугу современной физике можно зачесть то, что она умудрилась-таки обнаружить эту простую по сути вещь: информационный контекст вселенской природы не должен быть представлен в виде единого мономорфного дизайна. Но только открытый комплекс дизайнов позволит ухватить суть этой природы и обрести в ней свою роль активного присутствия и участия. А роль пассивного наблюдателя здесь, в нашей Вселенной, не актуальна, она не позволяет быть достаточно адекватным ее природе и, соответственно, эффективно понимать и отражать эту природу; удел такого наблюдения -- заблуждение. Итак, поможем Абсолюту?!

1 П.Д. Успенский, "В поисках чудесного".

2 Там же.

3 Макс Планк, "Посвящение в физику".

4 Там же.

5 Г.И. Гурджиев, "Рассказы Баалзебуба своему внуку".

6 Г.И. Гурджиев, "Взгляды из реального мира".

7 П.Д. Успенский, "В поисках чудесного".

8 Там же.

9 Там же.

10 Там же.

11 Г.И. Гурджиев, "Взгляды из реального мира".

12 П.Д. Успенский, "В поисках чудесного".

13 Там же.

14 Там же.

15 Там же.

16 Там же.

17 Там же.

- 18 Г.И. Гурджиев, "Рассказы Баалзебуба своему внуку".
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Basarab Nicolescu, "Science, Meaning and Evolution: The Cosmology of Jacob Boehme"
- 27 Г.И. Гурджиев, "Рассказы Баалзебуба своему внуку".
- 27 Там же.
- 28 П.Д. Успенский, "В поисках чудесного".
- 29 Там же.
- 30 Г.И. Гурджиев, "Рассказы Баалзебуба своему внуку".
- 31 Paul Davies, "Superforce: the Search for a Grand Unified Theory of Nature".
- 32 Там же.
- 33 П.Д. Успенский, "В поисках чудесного".
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 Там же.
- 38 Там же.
- 39 Edwin A. Abbott, "Flatland".
- 40 П.Д. Успенский, "В поисках чудесного".
- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 George Gale, "The Anthropic Principle"; John. D. Barrow and Frank J. Tipler, "Anthropic Cosmological Principle"; Xavier Sallantin, "Le monde n'est pas malade, il enfante".
- 47 John. D. Barrow, Frank J. Tipler and M.-O. Monchicourt, "L'Homme et le cosmos -- Le Principe anthropique en astrophysique moderne". Afterword by H. Reeves.
- 48 Там же.
- 49 П.Д. Успенский, "В поисках чудесного".
- 50 Там же.
- 51 Г.И. Гурджиев, "Рассказы Баалзебуба своему внуку".
- 52 E. Laszlo, "The Systems View of the World".
- 53 П.Д. Успенский, "В поисках чудесного".
- 54 E. Laszlo, "The Systems View of the World".
- 55 См. П.Д. Успенский, "В поисках чудесного", и Г.И. Гурджиев, "Рассказы Баалзебуба своему внуку".
- 56 П.Д. Успенский, "В поисках чудесного".
- 57 Там же.
- 58 Erich Jantsch, "Self-Organizing Universe".
- 59 П.Д. Успенский, "В поисках чудесного".
- 60 Г.И. Гурджиев, "Рассказы Баалзебуба своему внуку".

61 П.Д. Успенский, "В поисках чудесного".

62 Там же.

63 Там же.

64 Michel Henry, "La barbarie".

65 П.Д. Успенский, "В поисках чудесного".

66 Там же.

67 Там же.

68 Там же.

* Датой рождения квантовой механики считается 1900 год, в котором были опубликованы работы Макса Планка об излучении "черного тела" ("черное тело" - тело, полностью поглощающее электромагнитное излучение). Как мы увидим, эти работы положили начало пониманию прерывной структуры энергии. До 1915 года было сделано немало открытий, но как теория квантовая механика не была сформулирована до 1920-1930 годов. С этих пор она служит формальной основой современной физики частиц, которая продолжает и в то же время включает в себя квантовую механику и теорию относительности Эйнштейна.

* "Корпускула" - термин, использовавшийся на заре квантовой физики.

* Stéphane Lupasco.

* Edwin. A. Abbott.

* Bootstrap.

* Geoffrey Chew.

* Self-consistency.

* Paul Davies.

* Robert H. Dicke, Brandon Carter, Stephen Hawking, John Barrow, Frank Tipler.

* Hubert Reeves.

* Coupling constant.

* James Lovelock.

* Здесь уместно вспомнить также труды В.И. Вернадского, впервые сформулировавшего собственно понятие "биосфера", и Хосе Аргуэльеса, исследующего проблемы грядущего перехода из биосферы в ноосферу. (Прим. пер.).

* William Golding.

* Michel Henry.

=====
Чарлз Т. Гарт

Динамика сна наяву

Обыкновенный транс. Одна из основных тем Гурджиева -- "человек спит". Пользуясь собственной терминологией, я бы сказал, что обычное состояние сознания человека, "согласованное сознание1[1]", подобно "трансу", подразумевающему утрату жизненности и отсутствие инициативы, сопровождающемуся чрезвычайно механистичными мыслями. Прилагательное "согласованный" означает, что эта особая форма транс вызвана той культурой, в которой мы вырастаем. Это согласие -- скрытое и явное -- имеет отношение не только к социально важным понятиям, но даже к самой природе реальности.

Утверждение Гурджиева, что "человек живет во сне" провокационно по существу; оно не может не вызывать реакции. Но, если его принять, эта реакция может привести к самонаблюдению, к "самовоспоминанию", к возможности более эффективных, более сознательных действий.

Наблюдать наш сон -- или "ежедневный транс" - значит наблюдать нашу механичность и наши сны наяву. Этим способом можно проверить, насколько мы привязаны эмоционально к

нашим дневным сном и окружающим условиям. Если наше поведение в большинстве случаев кажется "нормальным", это происходит из-за согласия с условиями. Но Гурджиев, наряду с некоторыми современными психологами, считает, что такое внешне нормальное поведение -- лишь выражение "обыкновенного транса", часто приводящее к неврозам.

Гурджиев часто говорил, что мы ведем себя, как машины. Поглощенные автоматическими рутинными действиями, мы упускаем то, что он называл "пищей впечатлений", самую тонкую пищу, столь же необходимую для нашего существования, как воздух и обычная еда. Изучая искусство самовоспоминания, обращая внимание на вроде бы обычные ситуации, мы повышаем качество этой тонкой пищи, необходимой для нашего роста. Увы, это длительный труд, и мы сперва поговорим об "обыкновенном трансе" и о том, что приводит нас к нему.

В структуре наших личностей бесчисленное множество несоответствий и противоречий. Какая-то наша часть (субличность) может требовать постоянного внимания, например, чтобы ощущать себя в безопасности, в то время как другая часть боится внимания и хочет быть в одиночестве. Какая-то часть может хотеть упорно трудиться и стать знаменитой; другая часть ненавидит работу и любит спать допоздна. Жизнь также нередко разочаровывает нас: мы хотим чего-то, но не можем этого получить. Постоянное чувство разочарования и неудовлетворенности может привести к большим страданиям, особенно если они связаны с различными аспектами нашей личности. Наряду с реальными способами борьбы с противоречиями и страданием, существуют и нереальные. На них мы и сосредоточимся.

Мы можем сильно страдать, начав сознавать лишь одно наше значительное противоречие. Что же произойдет, если мы начнем сознавать несколько или все наши противоречия? Гурджиев утверждал, что если человек внезапно осознает все свои противоречивые части, скорее всего, он сойдет с ума. К счастью, маловероятно, что может случиться такое внезапное полное самопознание.

Когда мы разделены на части, эти части удерживаются на своих местах действующими механизмами. Гурджиев называл такие механизмы буферами.

Механическая аналогия для психологических буферов -- буфера железнодорожных вагонов. Когда вагоны сцеплены вместе, они постоянно сталкиваются друг с другом на скорости несколько миль в час. Представьте себе, какие жесткие толчки и сотрясения испытывали бы пассажиры при столкновении тяжелых стальных вагонов! Буфер -- поглотитель толчков, как бампер на автомобиле: он поглощает большую часть внезапной энергии первичного толчка, затем гораздо медленнее, не так заметно, высвобождает ее. Психологические буфера сглаживают внезапный шок, происходящий при переключении от одной субличности к другой, делая толчок настолько мягким, что мы редко замечаем изменения.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Гурджиев не писал конкретно о природе буферов. Возможно, он не считал это необходимым. Если вы добились успехов в самонаблюдении, вы нейтрализовали буфера, зачем же тратить время на их изучение? Может быть, он полагал, что каждому необходимо узнать собственную личную защиту, чтобы открытие было максимально эффективным.

С другой стороны, современная психология и психиатрия накопила немало знаний о характерных видах буферов, хотя в них отсутствует концепция пробуждения. Общий психологический термин для определения буферов - защитные механизмы. Я полагаю, что эти знания весьма обогащают Гурджиевскую концепцию. Если мы хотим преодолеть эти защитные механизмы, очень важно их понимать.

Теория психоанализа, рассматривающая защитные механизмы в мельчайших подробностях, утверждает, что мы используем их, когда выражение какого-либо инстинктивного импульса социально запрещено (необузданная сексуальность, например, или жадность). Защитные

механизмы также амортизируют сознание, смягчая противоречия, разочарования и жизненные невзгоды. Будучи наиболее заметными у невротиков, защитные механизмы широко и непреднамеренно используются обычными людьми. Мы не можем поддерживать наш "согласованный транс" без их амортизирующего действия.

Некоторые используют только один из этих механизмов чуть ли не для всех своих защитных нужд. Это основная форма защиты, соотносящаяся с Гурджиевской основной чертой, лежащей в центре структуры ложной личности. Но так или иначе, мы используем те или иные защитные механизмы. Мы будем рассматривать их главным образом в связи с целью: пробудиться.

Прежде, чем мы углубиться в частности, необходимо сделать одно обобщающее утверждение о защитных механизмах: как правило, они являются динамичными, а не статичными. Нельзя просто сказать, что мы обладаем какими-либо привычками, искажающими наше восприятие, чувства, мышление и действие, и что у этих привычек есть эмоциональная основа. Эти защитные механизмы, цель которых -- оградить от страдания, обладают своего рода рассудком и мотивацией. Защита начинается обычно как действие, по крайней мере частично уменьшающее страдание человека, особенно в детстве, когда формируется большинство защитных механизмов. Таким образом, на том или ином уровне сознания каждый из нас охраняет свои защитные механизмы, часто даже не подозревая об этом.

Хотя современная психология может многое предложить для психологического и духовного развития, необходимо отметить серьезное упущение в современных знаниях о защитных механизмах. Модель человека, лежащая в их основе, довольно-таки негативна. Человек рассматривается только как животное, инстинктивно заботящееся о своем выживании и удовольствии, наслаждающееся превосходством над другими. Подавление, таким образом, рассматривается как необходимое средство для сдерживания животной природы. Мы не можем завладеть всем, что нам нужно, когда нам этого хочется, или убить того, кто стоит на нашем пути. Ограничения, сдерживание и автоматизация при окультуривании, создание соответствующих условий для сверх-эго, подавляющего нашу низшую природу, выглядят абсолютно необходимыми. Таким образом, некоторые виды защитных механизмов обычно рассматриваются, как необходимость для сдерживания нашей животной природы. Только тогда, когда они становятся слишком эффективными, лишая нас большего количества счастья, чем необходимо для компромисса с цивилизованной жизнью, только тогда они рассматриваются как невротические. Человек должен быть переполнен чувством вины и тревоги, если он думает о том, как ограбить банк или изнасиловать ребенка, но если он испытывает тревогу от поездки на эскалаторе или боится разговаривать с незнакомыми людьми, он считается невротиком.

Сейчас и всегда в психологии (юнгианской, гуманистической и трансперсональной, упомянем эти три) были заметные тенденции к тому, чтобы рассматривать позитивную, даже духовную сторону присущей нам природы. Но негативный взгляд на человека вплетен во всю нашу психологию и культуру.

Чтобы частично уравновесить положение, я попытаюсь показать, как различные защитные механизмы могут препятствовать развитию и проявлению более глубоких и позитивных сторон нашей природы.

Ложь: Все буферы и защитные механизмы являются видами лжи. Они представляют истину в ложном свете как нам, так и другим. Гурджиев придавал большое значение пониманию лжи. Хотя большинство людей полагает, что они никогда не лгут или редко делают это, Гурджиев настаивал на том, что большинство людей большую часть времени лжет. То, что они не знают этого, лишь усугубляет ситуацию.

Ложь может быть эффективной защитой против давления со стороны других людей. Человек, поклявшийся не совершать того или иного поступка, может избежать наказания. Успех

лжи зависит от чувствительности других людей к ней и фактов, поддерживающих или опровергающих ложь. Иногда к этому относится также способность лжеца отождествляться с собственной ложью, так что она начинает выглядеть истиной даже для него, что создает атмосферу убежденности, передающуюся слушателям.

Если вы пытаетесь лгать и испытываете в связи с этим вину и беспокойство, вы будете часто выказывать признаки, которые насторожат ваших слушателей. Поскольку социальная сплоченность и стабильность исходят от людей, не лгущих относительно того, что принято считать особенно важным, значительная часть процесса "окультуривания" посвящена созданию сильного сверх-эго, наказывающего человека чувством вины, если он лжет.

Иногда мы лжем, чтобы уклониться от наших более существенных, более высоких граней. Мы можем говорить себе и другим: "Все так делают, это ничего не значит", хотя нечто в нас хорошо знает, что мы поступаем против своей высшей личности. Конечно, такой род лжи может использоваться, чтобы избежать некоторых приказов сверх-эго, но Гурджиев утверждал, что в нас имеется высший врожденный аспект, обладающий более глубокими моральными принципами, но мы пытаемся избегать того, чтобы следовать им.

Гурджиев не говорил подробно о нравственности повседневной лжи, поскольку он признавал как культурную относительность ценностей, так и лицемерие большинства наших убеждений относительно нравственности.

Для некоторых людей ограниченная во времени практика обдуманной и сознательной лжи может оказаться очень полезной. В то же время она не так-то легка. В нескольких случаях я давал участникам учебной группы "простое" задание: в течение двух недель каждый день им нужно было пять раз "невинно лгать". Я подчеркивал, что эта ложь должна была быть безвредна и не иметь реальных последствий ни для них, ни для людей, которым они лгали. Тем не менее при выполнении этого упражнения студенты обычно испытывали большие трудности и напряжение, или сопротивлялись, постоянно забывая про него.

Бессознательная, привычная, автоматическая ложь -- реальная проблема. Люди, находящиеся в согласованном трансе, подобны машинам; они должны делать то, к чему они приспособлены. Машины не бывают хорошими или плохими. Когда человек развил в себе реальную способность выбирать, лгать ему или нет, тогда становится значимым вопрос нравственности. До этого развития нравственные вопросы только отвлекают внимание от реальной проблемы, а именно -- отсутствия в нас подлинного сознания и воли.

Сдерживание (супрессия)²[2]: Сдерживание представляет собой сознательный защитный механизм. При сдерживании вы осознаете недопустимое желание или побуждение, но воздерживаетесь от его проявления. Недопустимость может являться результатом запретов сверх-эго и/или социальных правил поведения.

Если вы благодаря вашему воспитанию считаете, что нехорошо чесаться в присутствии других, вы тем не менее можете предаваться этому занятию наедине. Если же, к несчастью, вас воспитали так, что вы считаете, что чесать зудящие места уже само по себе плохо, вы всегда будете испытывать при этом по меньшей мере чувство вины. Сдерживание в данном случае используется, чтобы избежать атак со стороны сверх-эго.

Сдерживание часто противоречит нашим лучшим сторонам. "Мне стоило бы защитить этого ребенка, которого так жестоко дразнят. Но если я поступлю так, то вся эта шайка накинется на меня. Они будут говорить, что я такой же тупица, а я хочу, чтобы меня принимали за взрослого. Лучше я промолчу".

На поверхностном уровне сдерживание часто бывает полезным, если вы знаете, что делаете. Но на более глубоком уровне вы в действительности можете не понимать причины, побуждающие вас к мысли, что вы должны сдержать желание или чувство. Эти причины могут

присутствовать в вас как часть согласованного транса, так что сдерживание может оказаться проявлением другой патологии.

Формирование реакции: Формирование реакции -- это более серьезное проявление сна наяву, так как оно затрагивает блоки и искажения нашего обычного сознания, препятствуя нашему пробуждению и развитию высшего сознания.

Формирование реакции -- механизм отрицания недопустимого желания или чувства. Реакция формируется практически мгновенно, без каких-либо усилий. Предположим, что вы были глубоко религиозным ребенком, но ваши ожидания не оправдались. Например, несмотря на ваши проникновенные молитвы, умер ваш любимый друг. Горе, которое вы испытываете, отвращает вас от всех религиозных чувств. Теперь, во взрослой жизни, при малейшем упоминании о религии вы автоматически (и весьма эмоционально) подвергнете предмет разговора насмешкам. Это -- формирование реакции.

Формирование реакции можно сравнить с басней про "лису и зелен виноград". Вы не можете что-то получить и из-за этого начинаете рассматривать негативные аспекты предмета или явления: "Да на самом-то деле мне вовсе и не нужна эта никчемная вещь!". Во всех случаях чрезмерного осуждения или неумеренного восторга полезно задать себе вопрос, не являются ли подобные эмоции защитной реакцией, скрывающей другие чувства.

По мере того, как вы будете приобретать опыт самонаблюдения, особенно обращая внимание на более тонкие, малозаметные аспекты чувств и на быстрые мимолетные эмоции, вы сможете заметить чувства, формирующие реакции, и глубже изучить их. Этот защитный механизм можно также изучить, систематически задавая себе вопрос: испытываете ли вы какие-либо противоположные чувства или вас удерживают укоренившиеся убеждения?

Подавление (репрессия)^{3[3]}: Подавление -- полное блокирование осознания недопустимого чувства или желания. Это -- раздвоение разума на сознательную часть, не осведомленную о недопустимом, и бессознательную часть, в которой может происходить сильная реакция. Недопустимое принудительно удерживается от осознания, человек даже не понимает, что нечто было подавлено. Как будто в нашей памяти хранятся материалы, помеченные специальной надписью: "Внимание! Знать или переживать данные сведения опасно! Всегда держите их подальше от сознания!".

Некоторые подавленные факты вначале переживались сознательно. Подавление служит устранению сознательной боли. Впрочем, реакция подавления может происходить практически мгновенно, как защита восприятия, не оставляя в сознании никакой памяти.

На первый взгляд, концепция подавления может показаться противоречивой. Как можно знать о чувствах и желаниях человека, если он настаивает, что абсолютно не сознает этих желаний и чувств?

Предположим, пациент приходит к психотерапевту. При первых беседах врачу нужно составить мнение об отношении пациента к различным вопросам, которые могут оказаться важными. Психотерапевт спрашивает: "Как Вы ладите с Вашей мамой?". Пациент отвечает: "Прекрасно, я очень ее люблю", но врач замечает, что его лицо бледнеет, кулаки сжимаются и весь он напрягается.

Дальнейшие расспросы могут показать, что пациент не осознает своего недовольства, интенсивной эмоциональности своего невербального поведения и считает, что испытывает к своей маме только положительные чувства. Это означает подавление: негативные чувства пациента по отношению к своей матери настолько сильны и неприемлемы, что они полностью блокированы для осознания.

В процессе "окультурирования" происходит подавление нашей жизненности, нашей сущности, и этому подвержены многие. В детстве вы никогда бы не прошли мимо, увидев забавную

собачку. Будучи взрослым, вы вряд ли почувствуете побуждение взглянуть на нее. Вы слишком важны, вам нужно спешить на работу! Широко распространенное подавление нашего врожденного любопытства, когда человек позволяет себе проявлять интерес только к тому, что считается социально важным, является одним из самых неприятных аспектов "окультурирования".

Даже при систематическом самонаблюдении бывает очень трудно докопаться до сведений и чувств, связанных с подавлением. По определению, факты блокируются от сознания благодаря веской, но скрытой причине, и желание познать себя посредством самонаблюдения может оказаться недостаточным для преодоления этого блока. Вы можете время от времени замечать "странные" реакции, косвенные влияния подавления, вроде раздраженного тона нашего пациента, настолько не вяжущегося с его утверждениями о любви к матери; но чтобы раскрыть подавленный материал, может понадобиться помощь опытного психотерапевта или учителя.

Отождествление и субличности: Отождествление -- неотъемлемый, жизненно важный аспект психологического функционирования, что часто подчеркивал Гурджиев, говоря о множестве "Я".

Допустимость и недопустимость собственных чувств и желаний -- более важный вопрос, чем допустимость и недопустимость еще чьих-то чувств. Когда в вас возникает недопустимое чувство или желание, если вы отождествляетесь с другим аспектом себя, другим "Я", другой субличностью, не имеющей подобных чувств и желаний, тогда вы отдаляете себя от чувства, вы отрекаетесь от него. Это был мимолетный каприз, возможно, легкое помрачение ума, но это был не я; можно больше об этом не думать.

Переходы между субличностью могут сформировать таким образом эффективную защиту против того, чтобы полностью переживать или справляться с тем, что в нас неприемлемо. Действительно, оставаясь с допустимым набором субличностей, все время стараясь отождествляться только с ними, мы снижаем вероятность возникновения неприемлемых чувств и желаний. Предположим, у меня есть субличность, которой нравится быть жестокой по отношению к животным, но большое "Я" (в смысле моей сущности или более глубинного "Я"), или мои обычные субличности восстают против этой жестокой субличности и ее чувств. Сосредоточившись на допустимых субличностях, я могу направить все свое внимание и энергию на то, чтобы жестокая субличность никогда не стала активной, даже при появлении "подходящих" обстоятельств.

Отождествление -- качество, обретаемое в процессе моделирования мира, автоматического конструирования сознания. Качество "Это я!" первоначально является результатом прямых сенсорных связей: я вижу свою ладонь перед лицом; ладонь соединяется с рукой; рука подчиняется моей воле; если кто-то касается моей руки, я чувствую прикосновение, и так далее. Качество "Это я!" применяется затем и к некоторым умственным процессам, к моделированию, так что когда в нашей памяти всплывает то или иное переживание, оно уже оказывается помечено ярлыком: "Это я! Обращаться с почтением!".

Все более и более полное принятие себя таким, каков я есть, появляющееся со временем благодаря самонаблюдению и самовоспоминанию, делает подобное разделение менее необходимым и превращает отождествление в добровольный процесс, в инструмент, которым мы можем пользоваться по желанию, в отличие от автоматического защитного механизма.

Интроекция⁴[4]: Интроекция или, как мог бы выразиться Гурджиев, "внутреннее учитывание", представляет собой примитивный вид отождествления. Объект, концепция или человек представляется частью вас, даже когда он кажется чуждым или отделенным. Будучи частью вас, он обладает особой силой.

Предположим, вы оказались в ситуации, когда ваш гость сделал ряд негативных замечаний. Вы начинаете сердиться; вы хотите отплатить за нанесенную обиду и попросить его уйти. Но в

вас возникает интроекция, образ, модель вашей матери. Вы ощущаете, что она в каком-то смысле "внутри" вас, и говорит вам, что вы всегда должны быть вежливы с гостями, что воспитанные люди никогда не обижают гостей. Поэтому вы не действуете в соответствии со своими чувствами и остаетесь вежливым, хотя внутренне страдаете. Это интроекция. Ваша мать действительно находится внутри вас в виде своей активной модели.

Модель человека, интроецированного в вас, может также препятствовать вашим желаниям быть щедрым, заботливым и чутким. В нашем примере, если вы начнете отождествляться с образом своей матери, то установка "быть вежливым с гостями" станет вашим отношением. Вам не будет казаться, что какой-то чужеродный элемент внутри вас оказывает на вас давление; он станет вами.

Противоречие, испытываемое при интроекции, дает возможность увидеть этот процесс при помощи самонаблюдения, хотя для того, чтобы осознать функциональные причины, стоящие за интроекцией, потребуются значительные усилия.

Разделение (компарментализация)⁵[5]: При изоляции или диссоциации недопустимые или противоречивые желания и чувства ослабевают, так как вы разделяетесь на несвязанные между собой части. Если чувство "А" пугает вас, так как вы чувствуете "В", тогда чувства "А" и "В" помещаются в отдельные "отсеки" разума, так что вы не можете испытывать их одновременно: поэтому не возникнет никакого конфликта. Не тратя умственную энергию, ассоциируя и связывая их, они останутся разобщенными, диссоциированными.

Защитный эффект схож с эффектом отождествления, при котором противоречивые желания или чувства присущи отдельным субличностям и не пересекаются. Однако изоляция не требует энергии мощного качества "Это я!" или ассоциирования изолированных чувств и желаний с субличностями.

Изоляция может удерживать вашу интуицию и жизненно важные переживания, необходимые для роста. Я знаю людей, испытавших глубокие духовные переживания, но изолировавших этот положительный толчок, так что в их жизни ничего не изменилось.

Защитные механизмы изоляции можно распознать, когда вы замечаете, что кто-то (в том числе и вы) придерживается двух твердых, но противоречивых мнений, обычно в различные моменты или в разном контексте, не чувствуя противоречий или беспокойства относительно подобной непоследовательности. Если вы обратите внимание на эту непоследовательность, человек обычно будет стремиться ускользнуть от разговора, сохраняя изоляцию.

Самонаблюдение помогает узнать изолированные аспекты ментального функционирования, но без сознательного усилия по сравнительному и противопоставлению этих наблюдений они сами могут оказаться изолированными, не побуждая вас к тому, чтобы измениться. Здесь может помочь психотерапевт или учитель, способный показать наши противоречивые, изолированные аспекты.

Проекция⁶[6]: Проекция противоположна отождествлению. Когда возникает недопустимое желание или чувство, то в процессе моделирования мира это чувство помечается ярлыком: "Это не я; это чувствует или это хочет кто-то другой". Поскольку защитная проекция обычно происходит по отношению к неприемлемым, "нехорошим" чувствам и желаниям, то другие люди рассматриваются как плохие.

Предположим, вас воспитали так, что вы считаете, что раздражение -- это плохо: хорошие люди никогда не раздражаются, они всегда терпеливы и понимающи. Вас не только наказывали в детстве, когда вы были раздражены, но во многих случаях ваши чувства недооценивались: "Ты же на самом деле не сердись. В любом случае это нехорошо. Ты просто устал". Такая недооценка чувств ребенка весьма распространена. Теперь представим, что в магазине вас обслуживает нерасторопный и бестолковый продавец. На самом деле он просто недавно на этой

должности, хотя и старается изо всех сил. Но вы спешите, раздражаясь на задержку и на его ошибки. Но, поскольку это чувство неприемлемо, вы начинаете думать, что продавец сердится и намеренно досаждаст вам! Он -- плохой и сердитый, а вы -- невинный, добрый и даже чересчур терпеливый. После того, как произошла эта первичная проекция, она будет в дальнейшем влиять на ваше восприятие/моделирование мира. Вы станете еще бдительней ко всем ошибкам продавца, и это искаженное восприятие будет подтверждать первичную проекцию.

Проекция может использоваться также для переноса собственных добродетелей на других, чтобы не разрушать свой, скромный и непритязательный, образ. "Кто-то придет и сделает все, как надо". "Все изменится к лучшему". Когда вы проецируете вовне слишком много собственных добродетелей, вы становитесь восприимчивы к манипуляциям со стороны других людей. Я обнаружил в связи с этим, что самонаблюдение и самовоспоминание по Гурджиеву приводит к любопытному феномену. Вы ясно видите свои "изъяны", благодаря чему уменьшается ваше чувство собственной важности. В то же время вы видите также, что по большей части это чувство важности было воображаемым и, отказываясь от него, вы обретаете подлинную внутреннюю силу.

Проекции можно наблюдать, замечая их "привкус", став достаточно быстрым ментально, чтобы замечать мимолетное мгновение -- например, когда вы раздражаетесь до того, как начнете воспринимать другого человека раздраженным. Полезно также проверять проекции, спрашивая других людей о том, что они в действительности чувствуют. Конечно, это не всегда срабатывает, вам не всегда скажут правду, но люди, которым вы доверяете, могут вам помочь. Наблюдайте за собственной склонностью считать, что каждый, не соответствующий вашему восприятию (проекции), лжет!

Рационализация⁷[7]: Рационализация -- защитный механизм, позволяющий реагировать на ситуации, вызывающие недопустимые чувства и желания, но, благодаря использованию правдоподобного и приемлемого логического обоснования, их недопустимость становится менее выраженной.

Предположим, в детстве вы страдали от чувства неполноценности и ненавидите это чувство. Вы обнаружили, что давая советы другим людям, забываете о собственном чувстве неполноценности, вы чувствуете свою важность и компетентность. Когда вы встречаете человека, испытывающего проблемы, у вас эмпатически возникает чувство собственной неполноценности, но это чувство немедленно стирается, рационализируется похвальным желанием помочь другому. Теперь вы можете помогать другим и хорошо себя чувствовать: вы считаете, что действуете из наилучших побуждений. Ваше рационалистическое обоснование желания давать другим советы смягчает глубинное, недопустимое чувство собственной неполноценности. Конечно, у нас есть природное сущностное желание помогать другим, так что в данной рационализации присутствует изрядная доля истины. Чем больше истины присутствует в защитной рационализации, тем лучше она функционирует.

Предположим, вы внезапно осознали факт, что так любите помогать другим лишь для того, чтобы скрыть собственное чувство неполноценности. "Хорошо, скажете вы, - больше никаких советов! У меня свои психологические проблемы, так что я неспособен давать достойные советы". Возможно. Но также это может оказаться защитной рационализацией, препятствующей вам заботиться о других людях и сопереживать им.

Сублимация⁸[8]: Психоаналитическая концепция сублимации состоит в том, что инстинктивное желание/энергия, первично направленная на недопустимый объект, сосредотачивается на приемлемом объекте. Человек, считающий что секс греховен в своей основе, может вести целомудренную жизнь, стараясь сублимировать свою сексуальную энергию в напряженной работе. Физически агрессивный человек, сознавая, что непосредственное

насилие приведет к неприятностям, может стать незаурядным бизнесменом.

Сублимация -- заменитель наслаждения, дающий нечто, удовлетворяющее ваши желания и облегчающий их груз. С одной стороны, она может быть сознательным процессом, при котором вы знаете, что совершаете компромисс, требуемый реальностью. С другой стороны, вы можете не отдавать себе отчет в своих действиях и использовать рационализацию или другие защитные механизмы для поддержки сублимации.

Развитие способности распознавать сублимации проистекает из общей способности к самонаблюдению и самовоспоминанию. Эти процессы ведут к растущему осознанию и развитию вашей сущности, и вы начинаете лучше понимать, что вам на самом деле нравится.

Регрессия[9]: Регрессия обычно рассматривается как последний рубеж обороны, применяемый, когда не действуют более "взрослые" защитные механизмы. Человек возвращается к личности и психологическим структурам, бывшим у него в более раннем возрасте, когда жизнь удовлетворяла его в большей степени.

Несколько лет назад я разработал полезную технику для наблюдения подобных регрессий. "Мгновенные ответы", прямые словесные отклики на вопросы, при отсутствии времени на их формулировку или обдумывание (цензуру), могут многое открыть, если вы обязались говорить правду. Договоритесь об этом со своим другом или супругой/супругом, и попросите его или ее неожиданно задавать вам вопрос: "Сколько тебе лет?" в моменты, когда вы эмоционально возбуждены. Отвечайте сразу же после вопроса, говорите первое число, которое придет в голову, независимо от того, как вы сами расцените данный ответ. Обычно ответы указывают на удивительно юный возраст. Если оба человека, выполняющие это упражнение, спорят между собой, многие доводы растворяются в смехе после того, как оба начинают понимать, что эмоционально ведут себя как трех-четырёхлетние дети. Конечно, этим нужно заниматься в атмосфере взаимного доверия и уважения, иначе другой может победить в споре, заставив вас признать, что вы вели себя несерьезно. Эта техника "мгновенных ответов" может найти самое разнообразное применение в познании себя.

К ПРОБУЖДЕНИЮ

Сон наяву -- согласованный транс -- непростое состояние. Слишком много наших сущностных чувств, желаний, талантов скрывается и искажается в ходе приспособления к тому, что принято считать нормой. Сон наяву полон неестественности и напряжения. Защитные механизмы -- амортизаторы, буферы, позволяющие адекватно (согласно социальным стандартам) функционировать культуре в целом.

Однако плата за это высока, как для отдельных людей, так и для всей культуры. Напряженность, беспокойство, спешка отчуждают нас от нас самих и от других людей. Усиление этого само-отчуждения, искажения нашего восприятия внешней реальности, особенно других людей, и искажения наших собственных чувств, происходящие из-за нашей автоматичности и защитных механизмов, часто приводят к неоправданным поступкам.

Если можно пробудиться, так почему же не сделать этого?

10[1] "consensus consciousness".

11[2] "supression".

12[3] "repression".

13[4] "introjection".

14[5] "compartmentalization".

15[6] "projection".

16[7] "rationalization".

17[8] "sublimation".

18[9] "regression"

Питер Брук

Тайное измерение

Уходя корнями в древнюю утерянную традицию, Гурджиевское учение, тем не менее, удивительно современно. Оно с исчерпывающей точностью анализирует человеческие затруднения. Оно показывает, насколько, начиная с самого раннего детства, обусловлены люди, как они действуют согласно глубоко заложенным программам, живя от причины к следствию в непрерывной цепи реакций. Эти реакции, в свою очередь, создают поток ощущений и образов, симулирующих реальность; но они -- всего лишь интерпретация реальности, обреченной скрываться за их постоянным течением.

Каждый феномен возникает из поля энергий: каждая мысль, каждое чувство, каждое движение тела -- проявление определенной энергии, но в кривобоком человеческом существе то одна, то другая энергия постоянно разбухает, засасывая другую. Это бесконечное метание между разумом, чувством и телом порождает колеблющиеся серии импульсов, каждый из которых обманчиво утверждает себя как "Я"; одно желание сменяется другим, и посему у человека не может быть ни непрерывного намерения, ни подлинного желания, лишь хаотический набор противоречий, в которых все мы живем, в которых у нашего эго есть иллюзия силы воли и независимости. Гурджиев называл это "ужасом ситуации".

Его цель -- не утешение; он заботится только о беспристрастном выражении истины. Если есть смелость слушать, то можно ознакомиться с наукой, весьма далекой от той, что известна нам.

Со времен Возрождения наша наука аккуратно отмечала процессы и механизмы Вселенной, от бесконечно больших до бесконечно малых, но была абсолютно неспособна распространить свои уравнения на измерение живого опыта. Наука пренебрегает сознанием; она не может ухватить ни смысл восприятия, ни специфический вкус мышления. У крайне абстрактной, чисто ментальной системы математических символов нет ключа к проникновению в область художественного опыта или духовности. В результате мы имеем две параллельные интерпретации, которые никогда не смогут сойтись: научный язык определений и символический язык восприятия. Мы вынуждены принимать ту или иную сторону, "физики" против "лириков", и при этом мы неизбежно сталкиваемся с древнейшим дуализмом: материя и дух. Для ученого просто невыносима сама идея, что существует "нечто", что невозможно "потрогать", нельзя увидеть и обнаружить никаким инструментом; для него это какое-то "мумбо-юмбо", и можно понять нетерпение, с которым он отшвыривает как метафизику, так и духовность в мусорную корзину предрассудков. Взамен он предлагает внешне убедительную картину Вселенной, где все связано логической последовательностью событий, приведших когда-то к появлению человека. В этом видении космос предстает неистоимой, но тупой динамо-машиной, а все энергии -- слепой бесчувственной силой.

В современной науке нигде нельзя встретить идею того, что сознание - неотъемлемая часть энергии, и что уровень сознания неразрывно связан с частотой вибраций. Глубина Гурджиевского учения в том, что оно объемлет "полное поле", которое столетиями искали как ученые, так и люди искусства. Это дает возможность соотнести каждый феномен с другим согласно измерению, включающему человеческий опыт: это измерение -- воспринимаемо; мы признаем его, мы говорим о нем, хотя оно и остается без определения -- мы называем его "качество".

Слово "качество" в наши дни так широко используется, что практически обесценилось -- можно даже сказать, потеряло качество -- но тем не менее всю нашу жизнь мы живем согласно интуитивному ощущению его смысла, определяющему большинство наших отношений и

решений. Стало модным не доверять "субъективным оценкам", но все же мы оцениваем людей, реагируем на их присутствие, ощущаем их чувства, восхищаемся их мастерством, осуждаем их действия, будь то стряпня, политика, искусство или любовь -- в терминах неписаных иерархий качества.

Ничто не можно быть лучшей иллюстрацией этого, чем любопытный феномен под названием "искусство", которое преобразует саму природу нашего восприятия и открывает нам ощущение чуда и даже благоговения. Определенные частоты вибраций -- цвета, формы, геометрические фигуры, а прежде всего -пропорции, пробуждают в нас соответствующие частоты, каждая из которых обладает специфическим качеством или "ароматом". Такова, например, пропорция Золотого Сечения, неизменно вызывающая чувство гармонии, или другие геометрические фигуры, психологическое восприятие которых неотделимо от их математического описания. Архитектура всегда стремилась обвенчать чувство с пропорцией, и на интуитивном уровне художник или скульптор неустанно исправляют и совершенствуют свою работу, чтобы открыть путь к подлинному внутреннему чувству. Поэт просеивает свои мысли, обращая внимание на тончайшие намеки звука и ритма, сокрытых за мешаниной слов, наполняющих разум. Так он создает фразу, несущую новую силу, и читатель, в свою очередь, может воспринять собственные усиленные чувства, преобразованные энергией впечатлений от стихотворения. В каждом случае единственное отличие -качество, являющееся результатом не случайного, но уникального процесса.

Большую часть искусства можно назвать субъективным, поскольку оно рождается из индивидуального, личного источника. Но есть великие работы, объективность которых позволила им стать универсальными для всего человечества, обращаясь к нему с уровня, находящегося за пределами личного опыта. Что же это за уровень? Чтобы понять это, мы должны исследовать источник наших творческих импульсов.

Сегодня мы пытаемся путано объяснить весь художественный и религиозный опыт в терминах психологических и культурных условий. До известного предела это так, но не все наши импульсы являются результатом этих субъективных условий. Подлинное качество обладает объективной реальностью и управляется точными законами: каждый феномен поднимается и падает, уровень за уровнем, согласно естественной шкале ценностей. Очень точно это иллюстрируется в музыке, где переход от одной ноты к другой преобразует ее качество. "Объективная наука", как ее называл Гурджиев, использует музыкальную аналогию, чтобы обрисовать Вселенную, составленную цепью энергий, растянутых от самой низкой до самой высокой октавы: каждая энергия, подымаясь или ниспадая, трансформируется, обретая более плотную или более тонкую природу согласно занимаемому уровню. На каждом специфическом уровне энергия соответствует степени разумности, и сама является сознанием, колеблющимся в широком диапазоне вибраций, определяющих человеческий опыт.

Гурджиев говорит не только об энергиях, способных подняться на новые уровни интенсивности; он утверждает также реальность абсолютного уровня чистого качества. Энергии нисходят из этого источника, встречаясь и взаимодействуя с энергиями, известными нам. Смешивание чистого с плотным может изменить смысл наших действий и то влияние, которое они оказывают на мир.

Жизнь, которую мы называем "обычной", играется в поле энергий с жестко ограниченными пределами, которые, если употребить музыкальную метафору, подымаются и падают в узком нотном диапазоне. Соответственно, уровень нашего сознания низок, сила мысли ограничена, и эти энергии способны дать нам лишь узкое видение и слабое намерение. Гурджиев показывает, что в любой гамме имеется две определенных точки, в которых эволюционирующее движение останавливается, и этот интервал может быть преодолен только введением новой вибрации

строго определенного качества. В противном случае, поскольку ничто во Вселенной не может пребывать в покое, поднявшаяся энергия неизбежно опустится к исходной точке. Это поразительная и радикальная идея: она подразумевает, что все энергии, а следовательно, и все человеческие действия, по собственной инициативе могут подняться лишь до определенной точки, подобно тому, как стрела, пущенная в небо, истощив на излете свой первоначальный импульс, падает обратно на землю. Однако в решающей точке, в которой первая энергия начинает истощаться, может произойти так называемый "шок", являющийся сознательным введением нового импульса, благодаря которому подымающееся движение преодолеет невидимый барьер и сможет продолжить свой восходящий путь. Этот образ позволяет нам понять, почему без этого "шока" жизнь угасает, происходит упадок цивилизаций и империй, вычисления оказываются ложными, а героические революции обращаются против самих себя, предавая собственные великие идеалы. Те же законы показывают, что определенная сила, точно приложенная, может предотвратить это возвращение к нулю, но этот основной принцип редко признается. И мы с горечью и разочарованием виним себя и других.

Однако, если в решающий момент действующие энергии могут вступить в контакт с энергиями другого порядка, происходит изменение качества. Оно может привести к интенсивным творческим переживаниям и социальной трансформации, но на этом процесс не заканчивается. Смешиваясь с энергиями, утоньшившимися благодаря интенсивности их вибраций, сознание подымается на более высокий уровень, превосходящий искусство; это, в свою очередь, может привести к духовному пробуждению -- и, в конце концов, к абсолютной чистоте -- ибо сакральное также может быть выражено в терминах энергии, но качество этой энергии измерить невозможно.

Во всех эзотерических традициях существует разделение между высшим и низшим уровнями, между духом и телом. Гурджиев рассматривает это разделение в совершенно другом контексте. Он говорит: человек не рождается с готовой душой; человек рождается несовершенным. Душа -- материал, подобный телу, материя суть энергия, и каждое человеческое существо самостоятельно, с помощью сознательных усилий может развить в себе более тонкие субстанции. Но это нелегко, и для этого недостаточно ни благих намерений, ни непреклонной решимости.

Трансформация человеческого существа начинается только тогда, когда источники тела, которые Гурджиев называл "центрами" и из которых истекают движения, мысли и чувства, перестают производить спазматические и переменчивые всплески энергии и начинают гармонично функционировать вместе.

Тогда впервые появляется новое качество, которое Гурджиев называл "присутствие"*. По мере повышения интенсивности присутствия, набор наших реакций и желаний, называемый эго, постепенно становится гибким и прозрачным, и в центре нашей автоматической структуры поведения образуется новое пространство, в котором может возникнуть подлинная индивидуальность.

Однако без посторонней помощи мы не можем трансформировать себя. Мы стиснуты оковами нашей обусловленности в своей собственной октаве подъема и нисхождения, нам препятствуют те же непреодолимые интервалы. Нам нужна помощь. Необходим учитель -- что ж, есть, на кого обратить внимание. Есть учения, цель которых разрушить господство тела, другие стремятся поднять эмоции до состояния экстаза, третьи опустошают разум. Во многих учениях одного лишь присутствия учителя достаточно, чтобы ученики поднялись к новому внутреннему состоянию. Гурджиевское учение одновременно работает над всеми аспектами Психеи: разумом, чувствами и телом. Оно отвергает пассивность, могущую возникнуть из-за наивного упования на учителя.

Гурджиев часто использовал образ актера как метафору полностью развитого человеческого существа. Он говорит о различных ролях, которые мы играем в жизни, выполнении всех требований, предъявляемых меняющимися ситуациями, полном вхождении в них при сохранении внутренней свободы. Именно это и требуется от хорошего актера. Поскольку театр показывает жизненные движения в особо концентрированной и легко распознаваемой форме, он является прекрасной лабораторией, где идеи обретают воплощение и могут быть немедленно проверены.

Хороший актер никогда не считает себя частью пьесы, которую он играет. Плохой актер телом и душой отдается своему образу -- настолько, что полностью теряет себя. Часто, уходя со сцены, он убежден в том, что это было лучшее выступление в его жизни, но всем остальным видно, насколько он был преувеличен, напыщен и неискренен. Но он не может осознать этого, так как глух и слеп: между ним и образом, который он воплощает, нет никакой дистанции, он поглощен тем, что Гурджиев называл "отождествлением". С другой стороны, чем лучше актер, тем меньше он отождествляется со своей ролью, и -кажущийся парадокс -- чем меньше он отождествляется, тем глубже он может войти в образ. Он подобен руке в перчатке, все отдельно и в то же время нераздельно; роль вдохновляет его, но никоим образом не порабощает; внутри он свободен и полностью осознан. Начинающий актер не может достичь такой свободы; он пленник собственной неуклюжести, своих страхов, отсутствия понимания и желания понравиться другим. Он должен заниматься, упражнять себя и, хотя это и не выражается в подобных терминах, но в любой театральной школе, независимо от стиля, каждодневная работа -- это в первую очередь стремление к качеству. Интуитивно качество может видеть любой человек, и раскрывается оно очень простыми практичными словами: "хорошо", "не очень хорошо", "лучше", "плохо". Эти оценки могут относиться к движениям, или к чувству, ритму или ясности мышления, но качество можно распознать всегда, и актер интуитивно стремится к тому, чтобы зритель ему сопереживал. Только тогда роль может создать правдивое впечатление. Правда может быть неопределима, но зритель сразу же распознает ее.

Для публики единственным критерием является качество. Во время выступления актер постоянно излучает поток энергии, прямо влияющий на качество внимания зрителей. В кульминационных моментах актеры и зрители едины, исчезает разделение между сценой и зрительным залом, и индивидуальные эго не мешают общему переживанию. В такие светлые моменты наступает особая тишина.

Что такое тишина? Как можно ее определить? Ведь тишина бывает разной. В начале выступления наступает шелестящая тишина тысячи людей, сидящих рядом друг с другом, каждый из них частично внимает, частично прислушивается к жужжанию собственных мыслей и забот. Затем мы пересекаем разные уровни тишины, один за другим, по мере того, как затрагиваются наши чувства, чувства, которые мы все больше и больше разделяем с окружающими нас людьми, пока нас всех не объединяет одна общая эмоция. Иногда качество тишины меняется, она продолжает углубляться, пока не достигает драгоценной точки, где можно слышать, как муха пролетит, где тишина полна и пуста одновременно, и в редчайшие моменты публика, как одно существо, входит в пространство несравненной красоты и очарования. Этот опыт точно показывает нам природу подъема и падения энергий, и помогает нам понять, что качество -- реально.

Однако искусство, в какой бы то ни было форме, может дать нам только отражения скрытой реальности, мимолетно и частично. Оно никогда не может привести к устойчивому пониманию. Подлинная ценность искусства кроется не в том, что оно являет собой, но в том, что оно предлагает. Оно дает нам возможность открыть в себе новые уровни осознания,

восходящие к изначальному полю энергий, в котором все образы -- не более, чем исчезающие тени.

Игнорируя тайну качества, мы не можем воспринять нашу живую связь с космосом, и это вынуждает нас рассматривать человеческое существо, как случайность в безразличной Вселенной. Даже если биологи и психологами признают, что человеческие существа обладают "эмоциональной природой", им приходится объяснять ее как болезненную реакцию на бессмысленность. С подобной точки зрения все, что сотворил человек, от шалашей до соборов, от наскальной живописи до великого искусства и, в конце концов, религии, выглядит лишь все более и более усложняющейся защитой от страха хаоса.

Духовный опыт никоим образом не отрицает первобытный ужас, но непосредственным переживанием он открывает нам другое измерение. У этого измерения нет имени; оно всеобъемлюще, бесконечно и безвременно, и из источника его абсолютных вибраций в мир времени источаются тончайшие энергии. Так наша возможность переживания окормляется и свыше и снизу появлением двух взаимосвязанных полей, качества которых полностью противоположны; они -- как две тишины в одной: тишина, оживленная сознанием, и тупая свинцовая тишина. Между ними восходит и нисходит гамма нашего существования.

Интуитивно мы всегда об этом знаем. Часто это выражается в утешительных словах или завораживающих идеях, но смысл этого знания постигается только на жизненном опыте. Изменение качества не происходит случайно, изменение качества бытия -- результат точного процесса. Именно это знание, которое столь целеустремленно старался донести до нас Гурджиев, способно устранить раскол между наукой и искусством. Оно способно вывести нас из ледяного мира механики и бихевиоризма во Вселенную, где всему есть свое место под солнцем ясного понимания. Это понимание -- не теория; это видение, и видение живое. Оно показывает нам нескончаемое и неизбежное движение повышения и понижения качества. Великая радость -- обрести качество, великое страдание -- потерять его, и два этих переживания становятся движущей силой, постоянно возобновляющей наши поиски.

* О "состоянии присутствия" см. также "Вопросы и ответы" Г.И. Гурджиева и "Поиск пробужденного слушания" Дэвида Хайкса в этом сборнике. (Прим. пер.).

=====

Дэвид Хайкс

Поиск пробужденного слушания

В начале был звук -- или Логос, если предпочитаете...

Это замечание Георгия Ивановича Гурджиева, наряду с другими высказываниями о священном пении, приводится в книге сэра Пола Дьюка. Будучи студентом консерватории, он познакомился с Гурджиевым в Москве незадолго до Первой мировой войны. Он описывает практическую демонстрацию, последовавшую за этими словами: Гурджиев положил руку студента себе на грудь и особым образом начал читать нараспев Иисусову молитву, произнося весь текст на одном длинном дыхании, на одной ноте. По словам молодого человека, его руку словно ударило током. Несомненно, что искусство пения -- священная наука, которой Гурджиев владел в совершенстве.

Гурджиев говорил, что Логос был

"звуком. Первым звуком. Глубочайшим звуком. Можно назвать его мировой тониной... Суть в том, что когда еще не было языка, не могло быть никаких слов и не могло быть никаких имен в обычном понимании... Поупражняясь, вы сможете производить слышимое эхо этого звука, так как каждая октава повторяет на другом уровне любую другую октаву..."¹

Подобно свету, музыкальная энергия представляет собой смешанный спектр чистых частот, которые называются в музыке гармониками или обертонами. Эта изначальная градация

определяет структуру каждого музыкального звука. Каждая нота, поется ли она или играется, является смесью этих чистых тонов.

Внутри каждой такой фундаментальной ноты, или "1", возникает особая серия других нот, подобно свету, пропущенному через призму. Эти звуки относятся к гармоническим рядам, соответствующим бесконечному ряду целых чисел, начиная с 1.

Помимо присутствия в каждом музыкальном звуке, гармонические ряды - неотъемлемая часть всего творения -- света, тяготения, теплоты и т.д. Все волноподобные энергии приобретают форму гармонических рядов, и материальная Вселенная образована из бесконечных внутренних взаимоотношений этих рядов. Изучение этих, на первый взгляд, простых вибрационных зависимостей может привести, как в музыке, так и в других областях, к плодотворным размышлениям о происхождении и сути вещей.

Физик Дэвид Бом даже выдвинул предположение, что творение осуществилось посредством энергий, объединенных взаимосвязями гармонических рядов. С его точки зрения, подобная гармонизация несопоставимых энергий дала возможность объединенной волне "совокупности" на своем пике создать Вселенную². Таким образом, начало Вселенной, а следовательно, и жизни, не было чистой случайностью, но результатом объединения гармонизирующих сил в бесконечно обширном масштабе. Эхо этого первого момента раздается до сих пор. Не случайно, что такие астрономы и физики, как Доминик Пруст* и Басараб Николеску*, вместо того, чтобы определять эту первичную вибрацию термином "Большой Взрыв", используют понятие "Великий Звук".

Возможно, это не только музыка сфер; возможно, музыкальные законы служат проявлению Бытия Непроявленного. В этом смысле музыку можно рассматривать, как гармоническое движение энергии, а музыкальные законы - помимо их обычного использования на нашей планете -- как несущие волны творения.

В музыке, благодаря тому, что Гурджиев называл "законом октав" посредством которого соотносится и сонастраивается "то, что наверху" и "то, что внизу" - гармонические ряды служат источником мелодии, гармонии и ритма.

В начале своей работы с Гармоническим Хором в 1970-х годах музыкально меня вдохновляло древнее священное песнопение тибетских буддийских монахов Гюйто и Гюйме, монгольские певцы хууми и тувинское горловое пение. В современной музыке широко проявлен интерес к гармоникам, или так называемым "не темперированным системам строя", но музыка центральной Азии идет еще дальше.

Я чувствовал, что универсальность гармонического звука дает исключительные возможности, выходящие за пределы обычных эстетических вопросов культуры, языка и стиля. Мне казалось, что развитие таких возможностей могло бы привести к новой всеобъемлющей священной музыке, к тому, что Гурджиев называл "объективной музыкой".

В своем учении Гурджиев придавал весьма существенное значение использованию музыки. Для него музыка и музыкальные законы -- совершенный символ структуры и функционирования всего творения и внутренней жизни человека. Музыка, созданная Гурджиевым в сотрудничестве со своим учеником, русским композитором Томасом де Гартманном, великолепно олицетворяет учение Гурджиева в связи с тем, что он называл "законами вибраций".

У музыки Гурджиева/де Гартманна есть очень специфическое качество, ощущаемое в зависимости от состояния, в котором ее слушать. Несомненно, это музыка определенного времени и места. Но если слушать очень внимательно, то за пределами неизбежной и естественной связи музыки с культурными условиями можно обнаружить гармонические вибрации, относящиеся к другому времени, к другому месту -- к священному слушанию, к внутренней работе.

В конце своей долгой и необычной жизни Кришнамурти говорил: "Я чувствую, что пою в основном для глухих". Единственный позитивный способ проинтерпретировать это направленное нам замечание -- научиться слушать. По моему мнению, работа над слушанием -- главная возможность, которую дает нам музыка. Мне работа над слушанием видится абсолютным ключом к пробуждению, столь необходимому для нас самих и для нашей планеты. Настройка, или работа по гармонизации, зависит прежде всего от преображенного слушания.

Гармоники соответствуют тому, что Гурджиев называл "внутренними октавами", относясь как к музыкальному звуку, так и к космическому резонансу. Они являются генетическим материалом всех музыкальных звуков, и их бесконечные комбинации в областях гаммы, мелодии, гармонии и ритма лежат в основе всей музыки. Ряды потенциально бесконечны. Но в любом музыкальном звуке присутствует лишь определенное число гармоник, в зависимости от качества и громкости звука и характеристик колеблющегося тела, производящего этот звук.

Очень часто мы не слышим гармоники там, где они есть, из-за нашего привычного, обусловленного слушания. Эффект такого обусловленного слушания -- в различной чувствительности, как отдельных людей, так и даже целых цивилизаций, к гармоникам и к гармонии. Возможно, диапазон и значимость гармонии в той или иной сфере деятельности прямо связаны с качеством слушания, или настройки. В любом случае музыка (или жизнь) может помочь измерить присутствие в нас гармонического слушания, чувствительного к различным уровням гармонии.

Гармония приходит свыше. Две любые ноты, находящиеся в гармонии, имеют общую высшую гармонику. Фактически, все ноты, гармонично спетые или сыгранные, можно буквально рассматривать, как нисходящие проекции общей высшей гармонии "1" - общей для всех этих нот. Благодаря осознанию этой высшей гармонии "1", высшему гармоническому источнику, общему для всех нот, можно утоньшить гармонию различных нот или колебаний. Ниже самих нот также можно отыскать очень глубокую гармонию -- общее субгармоническое основание.

Воплощая гармоники в жизнь посредством гармонического пения, голос действует как звуковая призма и линза, "преломляя" и фокусируя гармонические ноты, в других случаях незаметные в общем тембре.

Выбранная отправная нота, или "до", называется также "первой гармоникой", "основной" (нотой), или "1". Она служит эталоном для настройки высших гармоник и низших субгармоник. Все эти гармоники можно выразить, как дроби или музыкальные интервалы относительно 1, например, $2/1$, $3/1$, $4/1$, или как целое число, умноженное на частоту первой гармоники. Например, гармоники ноты "до" первой октавы, соответствующей колебаниям с частотой 264 Гц, нумеруются и называются целыми числами, начиная с 1 (собственно ноты "до"), 2, 3, 4 и так далее... Первая гармоника в данном примере -- нота "до" с частотой колебаний 264 Гц; частота второй гармоники, или "2", в два раза больше -- 528 Гц, и она на октаву выше, то есть является нотой "до" второй октавы; третья гармоника, или "3" - нота "соль" с частотой 792 Гц, и т.д.

Во многих инструментах, например гонгах или колоколах, масса или упругость колеблющегося тела делают гармоники повышенными или пониженными относительно чистых пропорций рядов. "Гармоничность" - баланс трех факторов колеблющихся тел: издающей звук длины или массы тела, упругости и диаметра. Если упругость, скажем, рояльных струн, слишком велика, то гармоники будут расстроенными; понижение общей настройки даже на полтона разительно улучшит строй.

Загадочно, но на вертикальной оси между "1" и "2" нет гармоник, измеряющих точный интервал октавы. "1" и "2" подобны "тому, что внизу" и "тому, что вверху". У древних египтян было изречение: "Все Творение находится между 1 и 2".

Это высказывание можно изучить с помощью музыкальной практики. Все гармоника, даже очень высокие, могут быть по нисходящей транспонированы ухом и/или номером к этому основному "первичному" пространству октавы и выражены основными нотами, благодаря тому, что Гурджиев называл "законом октав". При настройке на заданную ноту "1" у каждого колебания есть свое место. Это создает богатейший язык музыкального выражения в терминах ладов, тональностей, гамм, мелодий, гармоний и ритмов. Этот закон -- главный ключ к пониманию многообразия музыкальных выражений нашего мира. Для музыкальных сравнений этот закон -- то же, что для химиков периодическая таблица элементов, или для художников -- чистый цветовой спектр.

Можно задуматься о бесконечном разнообразии гармоник, принадлежащих к семи основным видам интервалов: "до", "ре", "ми", "фа", "соль", "ля" и "си". По мнению Герберта Уона*, эзотерическое происхождение этих интервалов можно рассматривать как соответствие нисходящей и восходящей космической октаве, начинающейся и заканчивающейся на "до", от Dominus -- Бог, Абсолют. "Ре" Regina Coeli, Царица Небесная -- Луна*. "Ми" - Microcosmos, Земля и человеческие монады. "Фа" - Fatus, судьба, планеты. "Соль" - Sol, Солнце. "Ля" - Lactea, Млечный Путь. "Си" - Sidera, все звездные миры. И снова "до"3.

В некоторых традициях, например в рагах Северной Индии, узор мелодического движения между 1 и 2 рассматривается, как коды или схемы энергий, движущихся по различным уровням и состояниям человеческого существа. Но это можно ощутить только тогда, когда все ключевые аспекты - как мы слушаем, как мы воспринимаем звук телом и различными резонирующими центрами -- взаимодействуют гармонично.

Первая восходящая гармоника после загадочного скачка на октаву между 1 и 2 -- третья, 3, звучащая как нота "соль"; 4 -- нота "до"; 5 -- нота "ми"; 6, или дважды три, на октаву выше 3 гармоника -- также нота "соль"; 7 -- "си бемоль"; 8 -- снова "до"; 9 -- "ре"; 10 -- снова "ми"; 11 -- нота между "фа" и "фа диез"; 12 -- снова "соль"; 13 -- "ля бемоль"; 14 -- на октаву выше 7, "си бемоль"; 15 -- "си"; 16 -- снова "до"; 17 -- "ре бемоль"; 18 -- снова "ре"; 19 -- "ми бемоль"; 20 -- снова "ми"; 21 -- приблизительно "фа"; 22 -аналогична 11; 23 -- "фа дубль-диез"; и 24 -- снова "соль".

Существуют восходящие и нисходящие гармонические ряды. Гармоники музыкального звука -- восходящие, в том смысле, что по мере увеличения их частоты увеличивается сдвиг относительно основной ноты. Однако вместе с тем можно образовать и спеть ноты и обратные гаммы, соответствующие пропорциям нисходящих гармонических рядов (субгармоники). Например, музыкальные отрезки 2/1, 3/1, 4/1 и т.д. восходящих рядов зеркально отражаются нисходящими от той же ноты гармоническими рядами: 1/2, 1/3, 1/4. Музыкальные отрезки идентичны, и конечно, интервалы меняют порядок (3/1 дает "соль" выше "до", в то время как 1/3 дает "фа" ниже "до"). Два набора гармоник взаимно дополняют друг друга, и умножение любого гармонического интервала на соответствующий субгармонический интервал всегда дает 1/1 (например, $3/2 \times 2/3 = 1/1$).

Четные гармоники являются повторениями предшествующих гармоник, поскольку они делятся на 2 и, таким образом, звучат как октавы. Например, октавами 1 будут гармоники 2, 4, 8, 16, 32, 64 и т.д. Они представляют собой те же, только более высокие, ноты; или же, в случае деления на два, более низкие -- например, 1/2, 1/3, 1/8. Нечетные гармоники -- новые ноты, появляющиеся впервые.

Гармоники представляют собой чистые, не темперированные и полностью согласованные между собой варианты сильно урезанного и расстроенного набора нот, который со времен "Хорошо темперированного клавира" Баха используется в 12-нотной равномерной темперации. В вышеупомянутых 24 гармониках мы встречаем как ноты, значительно отличающиеся от их

темперированной версии (5, 7), так и/или неизвестные в нашей обычной гамме (7, 11, 13, 14).

Главная гамма происходит от гармонических рядов. "До" (1), "ре" (9), "ми" (5), "соль" (3), "ля" (27) и "си" (15) происходят от восходящего гармонического ряда, а "фа" (4/3) -- от нисходящего.

По мере восхождения гармоник (их транспонирования/соотношения к 1) после гармонического промежутка в первой октаве в следующих октавах появляется все больше и больше гармоник. В каждой последующей октаве между двумя соседними гармониками предыдущей октавы всегда появляется новая гармоника. Например, 3 между 1 и 2; 5 между 3 и 7; 7 между 3 и 4. Появляются все более и более тонкие градации основных нот, и ступени становятся все ближе и ближе. Музыкальное различие между одной гармоникой и последующей все больше и больше относится к области едва различимой микротональности.

Можно считать, что идея интервалов, или восприятия специфической гармонии между нотами, возникла благодаря соотношениям гармонических рядов. Любую ноту можно рассматривать, как гармонику, а любой музыкальный интервал -- как соотношение между гармониками. Это основное соотношение может быть транспонировано и выражено, как целочисленная пропорция в изначальной октаве от 1 до 2.

Все музыкальные интервалы -- более высокая нота в сочетании с более низкой -- образуются тремя следующими способами:

1. Как отношение между восходящей гармоникой и ближайшей 1 как более низкой нотой. Например, 2/1 (октава), 3/2 (квинта), 5/4 (большая терция). Математически это можно выразить просто как $h/1$, где h -- любое положительное целое число, а знаменатель -- 1 или любая из октав единицы -2, 4, 8 и т.д.

2. Как отношение между более высокой нотой, соответствующей 1 или одной из ее октав, и нисходящей гармоникой. Математически это можно выразить как $1/h$, где 1 -- более высокая нота, а более низкая нота соответствует гармонике, нисходящей от этой единицы. Например, соотношение 4/3 определяет кварту, "до" - "фа". 1/3 -- третья субгармоника нисходящего ряда. Поскольку 3 -- нечетное число, 1 транспонируется на две октавы, в 4.

3. Третий способ образования музыкальных интервалов, "в котором нет 1" - гармоника между двумя нотами, ни одна из которых не является ни 1, ни октавой 1. Это можно выразить, как h_1/h_2 . Например, музыкальные интервалы 13/9, 7/5 и 9/7.

Без транспонирования первая группа интервалов $h/1$, где h -- любое положительное целое число, по мере увеличения номера гармоники стремится к бесконечности. В бесконечности одна гармоника столь же высока, как и последующая... тихое единство в Абсолюте. Во втором случае численное выражение интервалов, соответствующих $1/h$, стремится к нулю -- и снова тишина... В третьем варианте, где ни одна из гармоник не является 1, тенденции развиваются в обоих направлениях. При транспонировании можно изучать все три варианта "в одном", в изначальной октаве между 1 и 2.

Возможность настройки гармоник на 1, на любую другую ноту, или одной гармоники к другой означает, что диапазон возможных интервалов и гармоний бесконечен, как и сами гармоники, заключая в себе любое целочисленное соотношение. Таким образом, гармоники -- источник множества интервалов, о которых мы не знаем, которые мы не используем или забыли, но которые представляют значительный музыкальный интерес.

Гармонические ряды являются, конечно, источником весьма ограниченного количества нот и интервалов, обычно используемых в наших гаммах; но они были расстроены 12-нотной равномерной темперацией, в которой фактически не строит ни один интервал внутри октавы. Все подобные интервалы основаны исключительно на иррациональном числе -- корне из 2.

Мелодические гармоники, по меньшей мере "соль" 24, могут быть спеты из нормального

регистра; в субгармоническом пении можно дойти до 40-х гармоник, на шесть октав выше основной. Есть другие слышимые сопровождающие гармоники, фактически до пределов возможностей слуха. В субгармоническом пении можно дойти почти что до 0. Таким образом, можно было бы сказать, что голос может расширяться от 0 вверх, настолько высоко, как позволяет слух. В любой момент в голосе можно слышать семь звуков.

Гармоники, слишком высокие для того, чтобы их петь (в их оригинальной октаве), но представляющие разложимые на множители числа -- такие, как 25, 49, 63 и 77 -- можно определить, сперва спев основную ноту, соответствующую множителю; второй сомножитель, спетый как гармоника первого множителя, и даст искомую гармонику.

В Монголии мне рассказали "другую" историю о гармониках, отличающуюся от научной: гармоники "поет" священный водопад в горах Западной Монголии. Приходя в это священное место, люди учатся петь гармоники у самой Природы. Река ниже водопада называется Буян Гуль -- Оленья река, потому что целые стада оленей, привлеченных чарующими звуками, приходят искупаться в водах этой реки. Певцы хууми, монгольского вида горлового пения, считаются находящимися в контакте со "сверхъестественными силами". Как в Монголии, так и в Туве, русской республике, расположенной у истоков Енисея, горловое пение и шаманизм были исторически связаны. Мы, как современные цивилизованные люди, редко внутренне и внешне соприкасающиеся с Природой, можем понять эту связь просто как соприкосновение с естественными силами -- силами Природы.

В этом понимании гармоники слышатся и чувствуются за пределами слов, они подобны чистому горному источнику, где, по словам монголов, они впервые появились. Они являются прямым выражением естественного закона -- потоком чистой, объединяющей вибрации. Гармонический звук содержит в себе семя всей музыки, подобно тому, как чистый горный ручей напитывает водой все долины.

Здесь будет уместно вспомнить выдающееся произведение Гурджиева - "Рассказы Баалзубуба своему внуку", с связи с описываемым там местом, неподалеку от "Гоба", известного как пустыня Гоби в Монголии, где возникновение особых звуков в атмосфере побудило к строительству астрономической обсерватории⁴.

Есть две истории о происхождении тибетской разновидности пения очень низких нот с гармониками, называемого также субгармоническим пением. В Монголии мне рассказали, что тибетские (и монгольские) буддисты адаптировали более древнее шаманское пение хууми. Пение хууми бесслвно, поется соло в баритонном или теноровом регистре с мелодическими гармониками, тогда как в буддийском литургическом пении хор монахов нараспев исполняет священные тексты с очень низкими субгармоническими сдвигами, в основном в унисон, обычно выделяя одну специфическую гармонику ("соль" или "ми"). Тувинская форма светского гармонического пения, каргыраа, представляет собой разновидность субгармонического хууми. Другая история заключается в том, что основатель традиции Гелугпа, Дзонгкапа, был обучен этому особому пению дакини (ангелом) во время медитации.

Ранее в двух главных монастырях традиции Гелугпа, Гюйто и Гюйме, где практиковалось субгармоническое пение, монахи принимались в хор только после предварительной двадцатилетней подготовки. После захвата Тибета Китаем в 1959 году время обучения пришлось уменьшить.

Мои коллеги и я совершили немало открытий, изучая источники гармонического пения в Тибете, Монголии и Туве. В целях создания единого глобального поля исследований мы обобщили результаты своих трудов в так называемые "двенадцать уровней гармонического пения".

В первых семи уровнях описывается основной акустический факт гармонического пения,

возможное соприсутствие в человеческом голосе основной ноты и одной или более гармоник; последние пять -- применение первых семи уровней в музыкальной практике.

1. Певец производит основную ноту с одной или несколькими гармониками.

2. Певец мелодически сдвигает ноту и гармоники в параллельной гармонии.

3. Певец производит восходящие мелодии и гармонии из гармонического ряда над основной нотой, являющейся "1" для более высоких нот. Это -типичное монгольское пение хууми.

4. Певец удерживает специфическую гармонику, все это время исполняя мелодию обычным голосом. Эти мелодии будут образованы среди нот субгармонического ряда ниже основной гармоники, являющейся "1" для более низких основных нот.

5. Певец мелодически сдвигает как ноту, так и гармонику, в сходящемся или расходящемся направлениях. Основная нота может сдвинуться вниз, а гармоника -- вверх; или же основная нота может повыситься, а гармоника -понизиться.

6. Певец удерживает низкую основную ноту (например, "до" малой октавы) и по нисходящей "преломляет" ноту на октаву или (редко) на другой субгармонический множитель. Это -- типичное субгармоническое пение, практикуемое в тибетских монастырях. Резонирующие субгармоники, или унтертоны, заменяют основную. Эта низкая нота (приблизительно 45 -- 80 Гц) становится теперь основной акустической нотой, и становятся возможным использование шести октав гармоник выше данной субгармоники. Изменение субгармоники возможно на уровнях 1-5 и 7.

7. Вибрация голоса добавляется к гармоникам над голосом -- вибрато, тремоло и т.п.

8. Гармонические лады -- создание и использование гамм и ладов, образованных транспонированием гармонических рядов.

9. Гармоническая полиритмия -- изучение и использование размеров и ритмов, образованных гармоническими рядами.

10. Гармоническое пение: монотонное, распевный речитатив и пение текста.

11. Мелодия.

12. Гармония.

Во многих культурах музыка была средством выражения ощущения гармонии Вселенной, осознания гармонического порядка, ордера, который каждый из нас стремится воплотить внутри себя, несмотря на -- или благодаря! -- всем потрясениям и повседневным противоречиям. Может ли изменение слушания изменить способность человека к внутреннему поиску? Может ли такое изменение открыть для него традиции?

В наше время традиционная идея музыки как подлинного связующего звена с сакральным практически забыта. Мера музыки -- в том, как она преобразует состояние нашего слушания, фокусирует его и делает реальной идею гармонии.

Замечательны указания Гурджиева об уровне восприятия истины, достигаемого благодаря правильному изучению музыки. Этот принцип он воплотил даже в названии своего центра во Франции, "Института Гармонического Развития Человека"5. В его трудах содержится масса указаний, относящихся к науке вибраций, гармонии и даже звуку, но, как и в случае со всеми другими аспектами его учения, нет "руководства" по их применению. Он знал, что прямой контакт с учением -- единственный способ по-настоящему "услышать" его полный резонанс. В его высказываниях сокрыты символические значения, понять которые можно только на личном опыте.

В "Рассказах Баалзебуба своему внуку" Гурджиев подробно обсуждает возможные способы исследования фундаментальных законов Вселенной и законов, связанных с человеческими существами. Он подчеркивает, как сильно в этом могут помочь определенные виды музыки, науки о "законах вибраций". И он широко использует музыкальные метафоры для объяснения

действия этих космических законов на каждом уровне. Особое ударение ставится на реальной цели исследования: достижения другого уровня бытияб.

Гурджиив говорит о пользе определенного вида пения, которое порождает состояние "эхо" и "централизует" человеческое существо. Он описывает священный космический закон Вселенной, данный звуками "АИЕИОИУОА":

"Этот космический закон состоит в том, что внутри каждого возникновения, большого и маленького, когда оно находится в прямом контакте с эманациями или самого Солнца Абсолют, или какого-нибудь другого солнца, происходит так называемое "Угрызение Совесть", то есть процесс, когда каждая часть, возникшая из результатов любого Святого Источника Священного Триамазикамно [закон трех], так сказать, "восстает" и "осуждает" прежние неподобающие восприятия и проявления в то время другой части своего целого части, полученной из результатов другого Святого Источника того же основного священного Космического Закона Триамазикамно"7.

Подобное угрызение совести из-за привычного способа бытия -- основное побуждение к тому, чтобы изменить себя, и является результатом особого рода чувствительности слушания, называемого "Виброэxonитанко"8.

Искусство пения при правильной его передаче особенно подходит для развития внутреннего слушания, внутреннего внимания, для возникновения "состояния присутствия"*.

Пока человек не научится слушать, для него нет надежды услышать учение. Как много просветленных существ, как много священных текстов! Но пока он не будет слышать то, что говорится ему, пока он не сможет слышать то, что происходит внутри него -- все будет соответствовать, как говорил Гурджиив, русской поговорке: "слышит звон, да не знает, где он"9.

Часто наше слушание настолько обусловлено, настолько исполнено мыслей и напряженных состояний, что, по сути, мы глухи. Мы не слышим вибраций, исходящих из тончайших уровней нашего существа, взывающих к нам изнутри. Но нам нужны эти гармоника основных нот нашей жизни; они придают другой смысл глубинным настройкам (и расстройкам), приходящим и уходящим, день за днем, к нам и другим людям... раскрывая смысл нашего прихода на эту бренную землю и грядущего ухода с нее...

Что есть гармония? Что есть слушание? Что нужно слышать? К чему нужно прислушиваться? Какое направление -- правильное? Поможет ли слушание выбору направления? Останется ли после нашей смерти эхо от нас? Слушание всегда происходит в настоящем, и будучи одной из самых жизненных энергий, подобно дыханию, пополняется из того же источника, откуда берется сама жизненная сила.

В письменных трудах Гурджиива содержится вдохновляющее учение о нашей Вселенной, жизни и нашей роли в жизни, судьбе, месте и предназначении человеческих существ на Земле. Основной язык этого учения, от начала и до конца -- гармония, музыка и вибрация, на каждом уровне, от необъятнейших космических процессов до тишайшего потаенного эхо во внутренней жизни человека. Гурджиивское видение космоса и человека -- симфония вибраций, которые музыкальной струной Мировой Оси являют все виды трансформации основной энергии, от тонкой к плотной и от плотной к тонкой. Тончайшая, самая гармоничная и самая совершенная примордиальная энергия, изначальный Звук, или Слово -- Логос, испуская Луч Творения, рядами нисходящих октав порождает галактики, звезды, планеты и живых существ. Эта же изначальная энергия, пройдя через Абсолютное Все, воссоединяется со своим источником, взлетая ко все более тонким вибрациям по восходящим октавам.

По отношению к космосу как к живой бесконечной системе циклов, циркулирования, циклической гармонии, Гурджиив рассматривал человека как маленький прискорбный диссонанс -- в том, что касается его эго, "маленького Я"; и как микрокосм космического

существа, который он называл "реальное Я". Чтобы помочь нам понять -- то есть гармонизировать -- эти два столь трагически разделенных полюса нашего существа, Гурджиев создал учение, исполненное совершенных вибраций или, как он говорил, "полностью проявленное", со многими, многими гармониками... то есть многими уровнями.

С обретением слушания все может измениться ...

Номер гармоники восходящего ряда | Нота |

1 | "до" |

2 | "до" |

3 | "соль" |

4 | "до" | -----

5 | "ми" |

6 | "соль"

7

| "си бемоль"

8

"до"

9

"ре"

10

"ми"

11

нота между "фа" и "фа диэз"

12

"соль"

13

"ля бемоль"

14

"си бемоль"

15

"си"

16

"до"

17

"ре бемоль"

18

"ре"

19

"ми бемоль"

20

"ми"

21

приблизительно "фа"

22

нота между "фа" и "фа диез"

23

"фа дубль-диез"

24

"соль"

* Записи музыки Дэвида Хайкса, тибетских буддийских монахов, тувинского горлового пения, Гурджиева/де Гартманна и многие другие редчайшие жемчужины мировой музыкальной культуры можно заказать в Московском Обществе Любителей Джаза по адресу: <http://noskoff.lib.ru/audio/rbase.htm> (Прим. пер.).

1[1] "consensus consciousness".

2[2] "supression".

3[3] "repression".

4[4] "introjection".

5[5] "compartmentalization".

6[6] "projection".

7[7] "rationalization".

8[8] "sublimation".

9[9] "regression"

* О "состоянии присутствия" см. также "Вопросы и ответы" Г.И. Гурджиева и "Поиск пробужденного слушания" Дэвида Хайкса в этом сборнике. (Прим. пер.).

* Dominique Proust.

* Basarab Nicolescu. См. его статью "Гурджиевская философия природы" в этом сборнике. (Прим. пер.).

* Herbert Whone.

* Здесь, конечно же, Луна рассматривается не как планета или как астрологическое явление, но как выражение архетипа мировой женственности -или II Аркана. (Прим. пер.).

* О "состоянии присутствия" см. также "Вопросы и ответы" Г.И. Гурджиева в этом сборнике.

1 Sir Paul Dukes, "The Unending Quest".

2 David Bohm, "Wholeness and the Implicate Order".

3 Herbert Whone, "The Hidden Face of Music".

4 Г.И. Гурджиев, "Рассказы Баалзебуба своему внуку".

5 В французском оригинале: "l'Institute pour le d?veloppement harmonique de l'homme". Гурджиев специально выбрал именно эту формулировку, а не "l'Institute pour le d?veloppement harmonieux de l'homme". (Разница в русском языке: "гармонического развития" и "гармоничного развития" - Прим. пер.). Два прямых преемника Гурджиева не раз указывали на существенное отличие этих понятий, хотя в английском языке стало привычным использовать название "Institute for Harmonious (гармоничного -- прим. пер.) Development of Man". Добавлю, что я узнал об этом пятнадцать лет после создания термина "гармоническое пение" и образования под моим руководством Гармонического Хора.

6 Г.И. Гурджиев, "Рассказы Баалзебуба своему внуку".

7 Там же.

8 Там же.

9 Г.И. Гурджиев, "Встречи с замечательными людьми".

=====

Уильям Дж. Уэлш
ВОСПОМИНАНИЯ

Я не уверен, что Гурджиев давал какие-либо серьезные обещания тем, кто "работал" в его орбите, лишь одно повторялось не раз -- тот, кто приступал к самоизучению, уже никогда не сможет спать спокойно. И не только ночью, но, что еще более важно -- в так называемом пробужденном состоянии сознания в повседневной жизни.

Многие обнаруживали, что его взгляд на "заорганизованного" человека как на "гуляющего во сне" автомата, находящегося под гнетом инфантильной эмоциональности, как на раба своих симпатий и антипатий, на самом деле относился и к их собственной реальности.

Древнее изречение Сократа "познай самого себя" мы невинно обратили в "наблюдай за собой".

В начале тридцатых годов я впервые услышал о Г.И.Гурджиеве как об источнике мудрости и нового понимания жизни, от англичанина по имени А.Р.Орэдж.

За десять лет до этого он отстранился от издания литературного и политического журнала "New Age", бывшего в то время оплотом авангардной мысли. После своего ухода он отправился к Г.И. Гурджиеву в Институт Гармонического Развития Человека изучать то, что впоследствии коротко называл "самое последнее слово истины". Когда я впервые повстречал Орэджа, он только что вернулся в Лондон из Соединенных Штатов Америки, чтобы начать издание журнала "New English Weekly". Собранная им группа американцев все еще была намагничена идеями, которые он излагал от имени Гурджиева, и пребывала в почти что благоговейном состоянии.

Они все называли его просто Орэдж до тех пор, пока я однажды не спросил, не без резкости: "Скажите, ради Бога, что, этот человек не имеет другого имени? Он говорит о себе в третьем лице?" Но тогда я был очень скептичен и не понимал еще, что судить о человеке по тому, что говорят о нем его приверженцы - в какой бы степени они не хотели отдать ему должное очень зыбкий фундамент для правильного мнения. Благодаря выдающемуся дару слова и всей своей жизни Орэдж находился на недостижимой высоте, равно как и его учитель, Гурджиев. Это был тот род совершенства, что зиждился на очень точном и ясном понимании значения и смысла существования. Мой скептицизм был разбит вдребезги, ибо в основе его лежали полусформулированные представления, не имеющие никакого реального смысла.

Невозможно себе представить две фигуры более удаленные от Мэдисон Авеню, где я работал -- или же от штата Висконсин, где я вырос - чем Гурджиев и Орэдж. Невозможно обратиться к портрету этого непостижимого греко-армянского мистика, так чтобы охватить все это впечатление от бритой головы, пронизательных глаз и свирепых усов. Он обладал демонической способностью сочетать непредсказуемое, из ряда вон выходящее поведение, с чистой мудростью - в такой мозаичной пропорции, что все начинали сомневаться и в том и в другом. Для одних он был вольнодумцем и мошенником, для других учителем такой величины и такого уровня беспристрастности, что его ставили в один ряд с подлинными аватарами. Его английский пророк и эмиссар Орэдж, которого Т.С.Элиот называл одним из лучших литературных критиков своего времени, был добродушен и притягателен, умел ясно и безупречно излагать свои мысли. Первые пять лет он жил в Америке в крошечной комнатке, на краю бедности, зарабатывая себе на жизнь уроками правописания. Все свое свободное время он посвящал распространению учения Гурджиева.

Я слушал истории о Гурджиеве и постепенно обнаруживал, что мой скептицизм рассеивается, хотя я не был склонен верить всему без оглядки.

В 1934 году прошло уже семь лет с тех пор, как Гурджиев приехал в Америку из Франции ознакомить людей со своими танцами. Их представляла специально обученная им группа мужчин и женщин. С помощью Орэджа он проводил беседы о гармоническом развитии

человека. О нем ходили самые разнообразные слухи. Кто-то говорил, будто он ушел в подполье, хотя другие заявляли, что видели его на Пятой Авеню в феске, потертом черном пиджаке и полосатых брюках. Или же мы слышали о том, что он отправился в Коннектикут и произвел там скандальное впечатление, приправляя изложение глубокой мудрости возмутительным поведением. А затем исчез..., возможно, в сторону Чикаго, а может быть, и Парижа...

Каждое событие, в котором участвовал Гурджиев, также как и его книги, оказали огромное влияние на жизнь участников группы, с которой я познакомился в Нью-Йорке. От них я стал улавливать фрагменты учения, которое полностью изменили мою жизнь.

В тридцатые годы для думающих людей понятие "сознание" означало "то, что человек теряет, когда его бьют по голове". Ни у кого не было сомнений по поводу того, обладает он сознанием или нет. И если заходил разговор о сознании и его росте, эта тема низводилась до уровня салонного вздора.

В начале тридцатых годов все были увлечены теорией бихевиоризма, глубоким, но очень частным взглядом на психологию человека -- по сути дела продолжением теории Павлова об условных рефлексах. Автором теории был Джон Уотсон, доктор наук Университета Джона Хопкинса, которому тем не менее пришлось отдалиться условному рефлексу Мэдисон-Авеню, променяв свою высокую докторскую степень на мылоторговлю. Доктор Б.Ф. Скиннер со своей версией "обусловленного" человека, в которой идея сознания или отсутствовала или отрицалась, еще не был столь известен.

Ни Уотсон в свое время, ни, позже, Скиннер, не были склонны наделять человека такими качествами, как способность к состраданию, интуитивному пониманию и возможному росту сознания -- если, конечно, не приписывали эти качества только себе как лучшим знатокам психологии человека.

Самой горячей темой тридцатых годов была экономическая и политическая активность; чем больше вы знали о мире, тем лучше вы могли распознавать веяния грядущих событий, откуда бы они ни шли -- из Москвы, Рима или Берлина.

Если в 1934 году немногие серьезно воспринимали Гурджиева, многие о нем знали - если их об этом спрашивали. Даже среди хорошо его знающих людей никто не мог предположить, что Гурджиев станет полубогом для целого еще не родившегося поколения, и что тридцать лет спустя на страницах журналов и газет будут писать о росте

сознания, самопознании и проблемах отождествления, подобно тому, как сейчас пишут о социальной справедливости и приближающейся угрозе экономической революции.

Первые систематические знания об учении Гурджиева я получил от Дэли Кинга. Он был учеником Орэджа и вел группу в Нью-Йорке в середине двадцатых и в ранние тридцатые годы. Дэли, который считал себя ученым и обладал солидной подготовкой в этом вопросе, в душе своей был романтиком, милым и задиристым, достаточно обеспеченным, чтобы наполовину уйти от мира социальной обусловленности. Он прошел долгий путь, прежде чем растерял все свои иллюзии по поводу политической и экономической жизни, и, после продолжительных исследований, сам пройдя психоанализ, нетерпимо относился к идеям Фрейда, которыми так были увлечены многие его друзья.

Терпеливо распространяя учение Гурджиева, он смело бросил вызов судьбе, пытаясь или проверить его или опровергнуть. По мере моего участия, идея изучения жизни обретала для меня новый смысл, а моя привычная озабоченность жизнью Мэдисон Авеню казалась мне все более и более скучной.

Мы были очень разнородной группой. В нее входили следующие лица: женщина, также знавшая Орэджа и ставшая впоследствии моей женой, актер и директор театра, его красивая темнокожая жена, инженер, чей ранний финансовый успех сделал его финансово свободным, но

внутренне неудовлетворенным, биржевый маклер с Уолл Стрит и его дама. Иногда к нам присоединялась бывшая танцовщица-француженка, которая выросла в восточной Индии и обучалась там индийским танцам. Она видела представление гурджиевских танцев в 1924 году и была охвачена желанием узнать, что за ними стоит.

Мы встречались еженедельно. Дэли представлял нам что-либо новое, мы же слушали, задавали вопросы, обменивались взглядами и опытом, сообщали о результатах тех экспериментов, что проводили в течении прошедшей недели. Многие эксперименты мы изобретали сами. Большею частью они были направлены на изменение собственной самооценки. И какими бы смешными они не казались нам сейчас, они были реальной попыткой прорваться сквозь занавес препон обусловленного мира.

Представьте себе, не так уж просто было для солидного человека в модном бархатном пальто во весь голос запеть в переполненном автобусе на Мэдисон Авеню и не стусеваться под натиском множества изумленных глаз. Не менее просто было заказать в дорогом фешенебельном ресторане кучу изысканнейшей еды, а после столкнуться со всеми последствиями своей неспособности расплатиться по счету. И целью подобных экспериментов, было конечно же, не показать себя эдаким умником, а поставить себя в пограничные условия, из которых не так-то просто выбраться. И при этом необходимо было не забывать подробно наблюдать за самим собой.

* * *

Учение Гурджиева открыло для меня новый мир "реальности". И, чем больше этот новый мир открывался передо мной, тем более абсурдным мне казалось тратить львиную долю активного времени на привычную реальность. Или же мне так казалось в тот момент своей жизни, когда обдумывание возможности означало одновременное взвешивание способов ее осуществления...

Я решил изучать медицину. И хотя Гурджиева не было рядом в прямом смысле этого слова, все долгие годы обучения и работы в госпитале были осеяны его незримым присутствием. Я всегда чувствовал на себе его пристальный вопрошающий взгляд и влияние его удивительной способности бросаться с головой в самое пекло этой бушующей перевернутой жизни.

Я не раз наблюдал, что если два-три человека, знавших Гурджиева, находились в одной комнате, они довольно быстро начинали говорить о нем, вспоминать, что он сказал, что случилось, когда за его столом была та или иная знаменитость, как он выглядел, что услышал тот или иной человек -- или, с той же вероятностью, не услышал, хотя слова адресовались ему. Последователи Гурджиева никогда не сомневались том, что каждое сказанное им слово было произнесено не без особой на то причины. Гурджиев был неутомим и никогда не забывал своей цели. По мнению учеников, он всегда находился в обучающем состоянии и для этого жил.

В 1948 Гурджиев в очередной раз появился в Нью-Йорке со свитой французских последователей и поселился в мансарде отеля Веллингтон. Я стал завсегдатаем его поздних застолий и участником постановки "Движений" и "Священных танцев", которые были неотъемлемой частью его учения. "Спасибо", - произносил он с восточным акцентом, когда кто-то подносил ему горячий кофе. "Спасибо, вы очень любезны!" - и после продолжительной паузы, холодным тоном: - "Иногда".

Мне пришлось пройти сотни раз через жернова таких полусерьезных-полукомичных ситуаций. Они всегда были непредсказуемы, и, ставя человека в тупик его собственных противоречий, оставляли его далеко за гранью привычных идиотических утверждений.

Однажды вечером пятьдесят лет тому назад я был приглашен на празднование свадьбы двух давних учеников Гурджиева: немолодой уже высокотитулованной британки и пожилого сухопарого джентльмена из Кембриджа с могучими усами. О помолвке, которая для всего

нашего круга явилась сюрпризом, было объявлено за завтраком в старом ресторанчике на пересечении Пятой Аvenues и Пятьдесят Седьмой улицы. Пока я смаковал свой привычный джентльменский набор, состоящий из яиц, томатного сока и яблочного пирога, две вышеуказанные особы показались в дверях ресторана. "Вы знаете моего секретаря?" - произнес Гурджиев, прекрасно зная, что я их знаю - и его даму? Завтра вечером они поженятся, - успел заключить Гурджиев, пока пара достигла стола. Они пришли в восторг от такой новости, и договорились о том, что помолвку торжественно отметят на квартире Гурджиева.

В течение всего процесса празднования Гурджиев настойчиво возвращался к одной и той же теме -- своей интерпретации библейской притчи о добром самаритянине. И насколько неуместной казалась эта тема для свадебной церемонии, настолько часто он возвращался к ней вновь и вновь. Все мы знали, что его мысль была направлена к невесте, которая была довольно интересной особой. Она не задумываясь, протянула бы нищему камень вместо хлеба. Если она на вершине, а вы внизу, вам крупно повезет, если она поделится с вами крошкой хлеба, не переставая презирать вас за это еще больше.

Но, подобно всем нам, имевшим мало представления о своей собственной сущности и характере, она полагала, что все произносимое не относится к ней самой. Как и все мы, она не только не знала себя, но и не знала того, что ей нужно знать о себе. Я имею все основания полагать, что только через много лет она осознала сказанные ей слова.

Много раз я слышал от учеников Гурджиева слова, которые часто повторял и самому себе: "Только теперь я начинаю понимать то, что говорилось мне много лет тому назад". И то, что когда-то произвело на меня весьма скромное впечатление и было похоронено в глубинах моего подсознания, гораздо позже вышло на поверхность, чтобы в конце концов оказаться понятным.

Я знал одного последователя Гурджиева, ныне уже давно умершего, который заявлял мне со всей серьезностью, что Гурджиев никогда не говорил ему ничего такого, что можно было бы отнести к учению. И добавлял: "Единственные слова, с которыми он ко мне однажды обратился, были: " Эх, мистер, как часто вы выбрасываете пятерку вместо единицы". "И что он имел в виду? И это учение?" - спрашивал он.

Что я мог ответить на это? Это касается всех нас. Мы многое видим в других, но мало что видим в себе. Я понял, что главной чертой этого замечательного образованного человека была склонность к начетничеству, словесной мастурбации. За его внешней показушной школярской точностью, умными словами и неумолимой потребностью в достоверных фактах проглядывал сам себя загнавший в угол мечтатель. Он всегда протестовал против того, что его подлинные интересы лежат в области исследования человеческого разума. Он был востоковедом, который так и не решился ни на одно серьезное исследование Востока. Возможно, он боялся расстаться со своими иллюзиями.

Он стойко доказывал свою преданность привычкам -- виски по вечерам, завтрак в полдень в своем клубе - ибо что еще делать в этом бессмысленном мире? В сороковые года он получил докторскую степень в области физики, несмотря на свое нескрываемое презрение ко всему академическому. Он провел остаток своих дней в псевдоэлегантном британском окружении (хотя с великим презрением отзывался о всем британском и к британцам относился как к Богом проклятому народу) на средиземноморском острове, где жизнь казалась ему более или менее сносной. Когда его претенциозность поутихла, он превратился в умного и доброго друга. И тем не менее он не переставал скрываться за маской горячей принципиальности, которая во всем ему помогала. Во всем кроме самого себя -- для себя он так и остался неразгаданной тайной.

** *

Я вспоминаю Гурджиева, сидящим во главе стола на маленьком диванчике, поджав под себя одну ногу, в тесной гостиной его квартиры в отеле. Это было за год до его смерти. Он был

уже пожилым человеком, как всегда доброжелательным и притягательным, но уже не таким свирепым и вызывающе экстравагантным учителем танцев, как раньше. Длинные седые усы с закрученными концами, пристальный взгляд глубоких темных глаз, которые смотрят глубоко внутрь каждого сидящего за столом человека - все эти детали навсегда останутся в моей памяти.

Его голова всегда была чисто выбрита. Порой на ней появлялась красная феска. Свободная, наподобие туники, нижняя рубаша была наглухо застегнута. Большой живот, маленькие ступни в мягких тапочках. По праздникам он одевал один из своих бежевых или оранжевых твидовых двубортных костюмов.

Каждый ланч с часу до трех днем и поздний ужин в десять или одиннадцать после чтений или занятий движением были для Гурджиева настоящим событием, своего рода ритуалом, которому придавалось огромное значение. Это была лично им изобретенная церемония -- способ осуществления своей миссии среди людей.

Гурджиев был мастером приготовления армянских национальных блюд и подлинным самодержцем на своей кухне. Чем меньше была кухня, тем больше, казалось, он упивался процессом приготовления и тем более изобретателен был в выборе блюд. Готовить приходилось на большое количество гостей -- сто или сто пятьдесят человек. Хотя он никогда не жил на широкую ногу, но всегда был предельно сосредоточен на каждой мельчайшей детали.

В апартаментах отеля Веллингтон не было кухни и готовить было официально запрещено. Пища готовилась в ванной. Разделочная доска на ванной трубе дополняла импровизированную плиту и гриль. Тарелки мылись в раковине, пройдя первоначальную очистку в туалетном бачке.

Поварской состав - тщательно отобранные последователи высшего ранга после каждодневного похода с Гурджиевым на вест-сайдский рынок работал с раннего утра до поздней ночи.

Количество мест за столом было строго ограничено; гости рассаживались тесно друг к другу, локтем к локтю. Кому не хватало места, становились вдоль стен с тарелками в руках, оставшиеся наполняли просторную гостиную. Там люди рассаживались где придется -- в креслах, на подоконниках, на полу, образуя то, что Гурджиев любил

называть "пикником". Справа и слева от него за столом располагались особые места. Слева садился директор застолья, который следил за наполнением бокалов и произнесением тостов для всех присутствующих идиотов. Произнесение тостов начиналось с самого начала застолья, когда Гурджиев лично давал распоряжение директору: "Говорите, мистер Директор, говорите". Эти слова повторялись много раз на протяжении всего застолья, и каждый из присутствующих был обязан осушить бокал арманьяка или водки с каждым тостом. Женщинам было разрешено выпивать один бокал за три тоста. Те же, кто не пил вовсе или, наоборот, был замечен в чрезмерном пристрастии к алкоголю, угощались в случае личного соизволения Гурджиева.

Два места справа от Гурджиева назывались "канализационная труба" и "мусорный ящик". Обязанностью сидящих здесь людей было съесть помимо своей собственной порции все, что не доел сам Гурджиев. И первый, после честного выполнения поставленной перед ним задачи, когда в него уже ничего не могло поместиться, передавал остатки другому.

Гурджиев испытывал особое пристрастие к врачам и поэтому я часто оказывался в роли "канализационной трубы". Жареная телячья голова с мозгами была блюдом, которое я часто делил с рядом сидящим "мусорным ящиком".

Несмотря на то, что Гурджиев всегда был окружен большим количеством блюд -- специально приготовленным авокадо, сладким луком, пучками укропа и петрушки, базиликом, баклажанами, виноградными листьями, сметаной и могучими холмами томатного соуса - сам он ел очень мало. Среди пищи, которую Гурджиев приготавливал сам, всегда были специальные маленькие блюда, предназначенные для определенных особ: для "Мамы", для "Блондинки", для

"Доктрины", для "Мисс Шапо", для "Верблюда". И при передаче каждого блюда происходил обмен взглядом или парой

фраз, которые часто не замечались другими, но всегда были особо направлены на того, кому предназначалось блюдо.

Гурджиев всегда умудрялся дотронуться до человека каким-то особым, глубоким и одному ему ведомым образом, будучи при этом беспристрастно участливым и заинтересованным. Казалось, он с глубоким уважением относился к стремлениям

и чаяниям каждого, несмотря на то, что глубоко осознавал ничтожество каждого человека по сравнению с вечностью.

Вокруг стола всегда происходила суматоха с передачей с "кухни" по цепочке разнообразных блюд -- корзин с хлебом, бутылок разной формы и размеров, пучков свежей травы и фруктов. В качестве первого блюда всегда подавали специальный салат, приготовленный либо самим Гурджиевым, либо особо продвинутым помощником

главного повара. Он состоял из помидоров, огурцов, лука, укропа, петрушки, индийских специй, томатного сока, горчицы и не знаю чего еще, но в результате получалось блюдо невероятной остроты и манящей свежести. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, я испытываю такой интенсивный поток ассоциаций, как будто сам в настоящий момент являюсь участником этой церемонии.

Как только все мы рассаживались по своим местам, самый умный быстро погружал свою ложку в салат, и вместе с кусочком хлеба это было прекрасным фундаментом для рюмочки алкоголя, который быстро разливался, вслед за словами "Говорите, говорите, мистер Директор". Зимой 1948 года директором часто оказывался изможденный, безупречно вежливый англичанин, на протяжении многих лет бывшего близким последователем Успенских. Когда в 1947 году Успенский умер, он, по совету мадам Успенской, отправился к Гурджиеву в Париж, а затем последовал за ним в Нью-Йорк.

Обычно он вставал из-за своего места, оглядывал весь стол и, поднимая свой бокал, начинал: " За всех обычных идиотов..."

Часто Гурджиев обращался к вновь пришедшему за его стол человеку с вопросом -- каким идиотом тот является, ибо каждый человек, по его мнению, относился по иерархии к определенной категории идиотов. Даже сам Бог, который, с его точки зрения, являлся "Уникальным Идиотом". Иногда (на моей памяти редко) он сам говорил человеку, каким идиотом тот является. Выбор часто был строгим. Многие, включая меня самого, выбирали "сострадающего" идиота. Но после паузы до следующего тоста, как всегда бывало с Гурджиевым, оказывалось, что у каждой палки -- два конца.

Итак, становится понятным, что не осознавать себя в присутствии Гурджиева было опасно. И верно, что те, кто действительно старался обрести внутри себя ясность и зажечь искру понимания, были заручены неизменной поддержкой этого опыта Гурджиевым. Одно слово одобрения, внезапный подбадривающий взгляд или безмолвное "Браво" могло наполнить любого человека чувством товарищества в поиске и явиться признанием его собственных усилий.

Я не знал ни одного из последователей Гурджиева, который, имея подобный опыт, не дорожил бы такими моментами осознания или сомневался бы в вескости его слов. Без чрезмерной сентиментальности, без претензий на высшую духовность, он умел, подобно волшебнику, превратить ворону в павлина.

К Гурджиеву за стол всегда приходили новые люди, неведомо откуда взявшиеся. Порой их умам трудно было выдержать полукомичные анекдоты или скабрёзные непристойности по поводу привычных принципов жизни. Но, подобно далекому приглушенному барабанному бою,

они были предназначены тем людям, которые были способны слышать.

Я помню, как еще нестарый греческий православный священник, с которым они встречались и беседовали еще в середине тридцатых годов, в церковном воротнике и черной сутане, однажды вечером появился за нашим столом. Гурджиев поговорил с ним об идиотах и предложил выбрать, к какой категории идиотов он себя относит, чтобы можно было произнести тост. Со всем добродушием он вовлек его в спор, в котором священник стойко держался своих позиций. Гурджиев говорил с ним о его миссии, о

необходимости быть внимательным к реальным нуждам своей паствы. Когда тон Гурджиева резко изменился, священник, казалось, еще только полусознавал уклончивые взгляды старых завсегдатаев, ожидавших очередного удара топора. Холодным взглядом Гурджиев резко посмотрел на него и сказал: "Вы знаете, ваш воротничок напоминает мне гвоздику, что носит проститутка во время менструации".

Лицо священника застыло, он он воспринял эти слова достойно, не отступив или не пытаясь защитить себя. Остальную часть ужина Гурджиев его игнорировал. Когда все закончилось, один из знавших священника пожал тому руку и произнес: "Что ж, я думаю, вы замечательно с этим справились. Что вы думаете о Гурджиеве теперь?"

Лицо священника было натянуто и серьезно. - Он великий учитель, этот человек. Подлинный мастер Дзен.

Миссис Фрэнк Ллойд Райт, приехавшая в Америку вместе с танцевальной группой Гурджиева в 1924 году, и ее муж, зимой 1948 года были частыми гостями за его столом. Знаменитый архитектор, в свободном галстуке, шляпе с загнутыми полями, гигантском шарфе, наброшенном на плечи так, чтобы создать впечатление пелерины, небрежно слушал чтения в присутствии хозяина.

В один из вечеров ему удалось как-то сбросить с себя ауру значительности, вплоть до того, чтобы поддаться на настойчивые уговоры Гурджиева пренебречь своей диетой и выпить арманьяка с черным перцем, съесть баранины и авокадо со сметаной в качестве специального лекарства для своего больного желчного пузыря.

Райт свято соблюдал свой режим, памятуя о предостережениях своего доктора. Предвидя грядущую мучительную ночь, он мужественно опрокинул стаканчик арманьяка, закусил бараниной и с жадностью набросился на авокадо. Позднее он говорил, что никогда не спал так хорошо, абсолютно забыв про свой желчный пузырь.

- Я семижды доктор, - как-то ночью сказал мне Гурджиев, заканчивая есть суп -- а остатки бараньей головы ожидали своей очереди. -- В Париже у меня двести учеников, все доктора. -- Он посмотрел мне в глаза, и я улыбнулся, соглашаясь с тем, что, как мы оба знали, было явным преувеличением.

У меня нет ни малейшего представления, зачем он говорил подобные вещи, но его бравада никогда не казалась неприятной; напротив, я всегда ожидал его нескрываемого хвастовства, ибо он всегда был мне как дедушка, и роль соперничающего и одобряющего слушателя была моим скромным вкладом в непостижимую драму, которую он каждый день разыгрывал для своих собственных внутренних целей.

Годы спустя колонка в газете "Encounter", подписанная "Nefastus Dies", посвященная бахвальству Ницше и роли вызывающего поведения в жизни некоторых великих людей, пролила для меня свет на столь необычную манеру поведения:

Ницше -- не только скандальный автор, обнаруживший, какое впечатление производит на людей бесстыдство -- они годами могут не обращать никакого внимания на глубочайшие идеи автора, зато они обращают мимолетное пораженное внимание, если тот начинает хвастаться... Шоу сделал хвастовство частью своего репертуара, подобно многим комедиантам... Ницше,

Шоу, Гурджиев -- все они прекрасно знали эту игру, хотя я думаю, Гурджиев принес благодаря ей максимум пользы. Он просто психиатр, действительно исцеляющий пациентов бесстыдным поведением во всех возможных ситуациях; и его жертвы до сих пор испытывают к нему глубокую любовь...

В эту игру могут играть лишь истинно великие люди. Когда она играет просто последователями Шоу, просто последователями Гурджиева -- она заставляет подозревать, что те играют в нее не понарошку, а их потребность в хвастовстве чересчур реальна.

Кроме того, они не должны быть невротиками или слишком взвинченными людьми. Шоу и Гурджиев были подобны сложенному вдвое канату; они могли резвиться, сколько угодно, не причиняя себе ни малейшего вреда.

С детьми у Гурджиева была своя манера поведения. Он говаривал, что в нем заинтересованы только дети младше пяти лет и пожилые люди старше пятидесяти пяти. До пяти лет люди еще не полностью испорчены, а после пятидесяти пяти их эгоизм становится менее активным. Поскольку последние принимались в его салоне как почетные гости, их потчевали горячим кофе, а "старожилам", в особенности наиболее чувствительным женщинам, было порой непросто решить, считать себя внутри или же за пределами круга любимчиков.

Я помню один тест, который он провел со всеми детьми, собравшимися вокруг него -- а в толпе, переполнявшей его гостиную в отеле Веллингтон, их нередко бывало двадцать, а то и тридцать. Он предложил им на выбор одну новую хрустящую десятидолларовую банкноту из пачки, лежавшей в хлебной корзине, либо же восемь монет из другой корзины, наполненной старыми серебряными долларами.

Среди наиболее смысленных детей начались интенсивные внутренние подсчеты. Моя собственная дочь, выбравшая серебряные доллары (которые она хранит до сих пор), сделала это, по ее собственным словам, оттого, что знала, что никогда не сможет потратить их, в отличие от банкноты, и, таким образом, у нее навсегда останется память о странном человеке, к которому так были привязаны ее родители и с кем она ощущала необычную, теплую связь, смешанную с тайной и магией.

Как-то среди гостей оказалась женщина-писательница*, немалое время проведенная в атмосфере Гурджиева; ее самая известная книга в то время еще не была издана. В тот вечер было много детей, и К., или, как ее называл Гурджиев, "Крокодил", протиснулась поближе к нему, между ним и детьми, на корточках сидящих на полу.

Она только что вернулась из Европы, где принимала участие в помощи перемещенным детям. Чуть не плача, она говорила и говорила о бедных, бездомных детях-сиротах, ее все больше и больше захватывал свой собственный рассказ, выпитый арманьяк дал волю слезам, в то время как дети, что совсем непохоже на детей, сидели все более и более неподвижно.

Гурджиев терпеливо сидел, разрастающаяся сентиментальность становилась все более студенистой, а взрослые начали нетерпеливо и неодобрительно шептаться. Почему Гурджиев не положит этому конец? Почему она не остановится? Что это за чушь?

Наконец рассказ захлебнулся в рыданиях и К. отошла в сторону, хлюпая носом, вытирая слезы, оглядывая остальных, ища у них сочувствия.

- Сегодня, дети -- сказал Гурджиев, - вы кое-что узнали. Сегодня вы узнали, как выглядят крокодиловы слезы.

Комната взорвалась от смеха облегчения, и лица детей прояснились.

С поистине дьявольской точностью Гурджиев давал другим имена, такие как Канарейка, Дьякон, Поросенок, в каждом случае определяя характеристику поименованного. Я помню жену одного из его давних последователей - высокую, большегрудую, с мощными плечами, которые увенчивала крошечная головка. -- А, - сказал он, увидев ее после долгого отсутствия, - собака на

палочке. И вдруг ее увидели именно такой -- мопс в бродячем цирке, съездившийся на крохотной платформе на верху шеста.

Однажды за обедом, передавая одно из своих специальных блюд, он сказал, что оно для "Мамы" и жестом указал направление. Блюдо застыло рядом с седоволосой женщиной, самым воплощением материнства.

- Нет, нет! -- сказал он, и блюдо перешло к сидящей рядом женщине, черноволосой, одетой в простой черный костюм с ниткой жемчуга, блестящему утонченному редактору одного журнала, которая впервые оказалась за этим столом.

Лишь тем, кто был хорошо с ней знаком, было известно, что всю свою энергию, насколько позволяла ей ее публичная роль, она посвящала уходу за своей второй дочерью, получившей серьезную родовую травму.

Подобные примеры придадут особый оттенок тому, как Гурджиев видел окружающих его людей. Я помню одно воскресное утро, когда он согласился, в обмен на какую-то мелкую услугу, позавтракать со мной у него в отеле. Когда я позвонил ему из фойе, он начал припоминать о договоренной встрече, после чего сказал, что немедленно спустится вниз.

Мы отправились в гостиничный ресторан, где за воскресным завтраком скучали лишь несколько постояльцев. Мы сели, и я принялся изучать меню, чтобы найти то, что он мог бы отведать. Наконец, он согласился на копченую сельдь, которую он разделал и ел руками, признав недурной.

Когда он спросил насчет алкоголя, я объяснил, что сегодня воскресенье, и что бары и магазины закрыты до часу дня. Он серьезно выслушал меня, несколько не настаивая. Вместо этого он встал из-за стола и своей кошачьей походкой вышел из ресторана, через несколько минут вернувшись с большой бутылкой арманьяка, спрятанной под курткой. В ресторан вошли несколько мужчин из нашей группы. Столы и стулья были сдвинуты, между коленями директора наполнялись стаканы и шепотом, чтобы не потревожить непосвященных за соседними столиками, произносились ритуальные тосты. Гурджиев начал сравнивать разные нации с животными.

Англичане были овцами, русские -- индюками, помесью, как он сказал, вороны и павлина.
- А итальянцы? -- спросил один человек, которому лучше было бы знать наперед, чем все это закончится.

Гурджиев смерил его ледяным взглядом. -- Вечно вы все портите своими глупыми вопросами. Вы идиот. Оставьте нас и идите прочь. Вы не имеете права находиться здесь, - и он прогнал несчастного из-за стола.

Позднее, во всех таких случаях, когда ссыльный не возвращался, Гурджиев невинно спрашивал: - Где он... где говорящая машина? Почему он такой дурак, что не идет сюда? Идите, позовите его.

Равным образом было возможно, что ссыльный просто сам возвращался позднее и незамеченным занимал свое место.

Всегда ходили слухи о том, что Гурджиев заставляет своих последователей неумеренно пить, но должен заявить, что редко, если вообще, видел пьянство в его присутствии. Бывали случаи, когда в ранние утренние часы, после обеда и тостов и, возможно, музыки, не все твердо стояли на ногах, но, что замечательно -- никто не ронял голову на стол и ни у кого не заплетался язык...

* Кэтрин Халми (Kathryn Hulme) -- прим. пер.

=====

Соланж Клостре
ДЕСЕРТ

Когда я встретила месье Гурджиева, мои чувства можно было сравнить с чувствами ребенка, бессознательно прикрывающегося щитом, данным ему природой и наследственностью, чтобы противостоять жестокой жизненной борьбе. Я была жестокой, упрямой, отчаявшейся. Один он вселял в меня чувство спокойствия, чувство надежды. Один он внушал мне чувство, которое я никогда ни с кем не испытывала: чувство полноты, внутреннего покоя, безопасности и глубокого доверия. Я хочу поведать о том, как я знала и понимала его. Это всего лишь признание ребенка, рассказывающего о человеке, который заменял ему и мать, и отца.

Он был добр, но тверд, испытывая мои возможности, чтобы заставить меня осознать их, и постоянно придавал мне уверенности. В этом я нуждалась больше всего. Он был человеком, мудро и здраво судившим о реальности повседневной жизни, реальности жизни без прикрас; он был добрым и строгим учителем, не делавшим поблажек, всегда справедливым, но не упускавшим ни малейшего промаха, всегда неусыпно внимательным. Я никогда не ощущала какой-либо манипуляции и применения "системы"; его поведение было мгновенным, безупречным и безошибочным -- и прежде всего лишенным всякого порицания. Он всегда был внутренне серьезен, с мягкой и доброй улыбкой.

Вспоминая его сейчас, я вижу его широкую крепкую фигуру и особенно полноту его присутствия -- вместе с чем-то неосязаемым и чрезвычайно тонким полную доброжелательности. Несмотря на плотное телосложение, его походка была по-кошачьи гибкой. Его смуглые восточные черты, то, как он посмотрел на меня -- все это сразу внушило мне доверие к нему. Мало-помалу, я начала ощущать, что в его присутствии я чувствую себя не объектом, но полноценным существом, мыслящим и сознающим. Я никогда не замечала в нем какой-либо церемонности или нетерпимости. Он присутствовал полностью, в то же время оставляя вам вашу индивидуальность; но это не препятствовало ему атаковать вас, точно и с невероятной силой, простой взгляд мог тотчас же остановить вас, поймав слабость прямо в момент ее проявления. Иногда он шутил или делал замечание; иногда его ярость была подобна урагану.

Подчас я ощущала его львом, от низкого утробного рычания которого дрожит земля. Через долю секунды он мог стать ветром или тигром -- всегда готовый к любому действию, которое может потребоваться в данной ситуации: изменить свою роль, выражение лица, инсценируя, струясь, с необыкновенным искусством... Я вижу его самураем, мастером Дзен, странствующим мудрецом, аскетом, великим артистом, дедушкой... и во множестве других ролей. Он мог быть чрезвычайно добрым, как можно быть добрым с ребенком. Он был открыт каждому, всегда, но никогда не щадил аспекты поведения, связанные с основными чертами характера человека, с его личностью -- поведением, основанным на подражании, на реакциях, которые искажают сущность. Над ними нужно было "работать"; необходимо было осознать их, чтобы стать собой, а не автоматически функционирующей машиной -- и чтобы узреть, как вырваться из плена повторения.

Когда вы находились рядом с ним, каждая поза, каждый жест отличались от тех, что мы совершаем в обычной жизни; он давал вам чувство другого измерения, другой возможности "бытия". Рядом с ним я была дома. Во мне больше не было страхов, сомнений, вопросов; все было просто и естественно. В этом не было тайны; это была просто "жизнь". Все пробуждалось, словно я нашла потерянный рай.

У меня осталось глубокое впечатление от его взгляда, когда он слушал кого-то, молча слушал всем своим существом. Отвечая словами только на вопросы, облеченные в слова, он, особой интонацией голоса, улыбкой, взглядом передавал то, что нельзя ни услышать, ни понять обычным разумом -- ибо когда есть слова, то разум своим привычным ассоциативным механизмом стремится прийти к тому или иному умозаключению, не доходя до более

многогранного понимания.

Иногда он шел в любовную атаку -- отношением, образом действий, жестом или сказанным словом. То, что он говорил в такие моменты, воспринималось не сразу. Вы принимали удар; вы чувствовали, что заслужили его. Вы не могли ни объяснить, ни понять этого, но это было настолько правильно, что дальнейшее обсуждение было невозможно. Обычные средства защиты были бесполезны.

Я ощущала и видела в нем качество внимания, от которого ничто не ускользает. Он казался небрежным, как дюжина туркестанских тигров, но всегда был готов внезапно наброситься, действовать, внимать всему, даже в состоянии покоя. Львы и тигры не спят. Никакого волнения, но точное и мощное действие в тот момент, когда возникает потребность.

В его присутствии истина проступала, как под резцом гравера. Малейшее малодушие, мельчайшая ложь или отклонение -- пусть непреднамеренное и незначительное -- неизменно обнаруживались просто благодаря его присутствию. Он поощрял искренность и сталкивал вас с вашей собственной слабостью, неспособностью быть искренним даже с самим собой.

Я часто слышала фразу: "Стать взрослым". Это была одна из основных идей его работы: повзрослеть благодаря собственным усилиям.

Я встретила месье Гурджиева в 1941, после изучения его идей у мадам де Зальцманн и была представлена ему в составе всей группы. Париж был тогда оккупирован немцами.

В один из вечеров я помогала месье Гурджиеву готовить еду для группы, которая должна была вскоре прибыть, когда кто-то позвонил в дверь и заявил, что ему нужно срочно переговорить с ним. Месье Гурджиев впустил пришедшего и сказал, чтобы я приготовила десерт. Я часто видела, как он делает его и помогала в приготовлении. Было уже поздно и мне нужно было поторапливаться.

Я никогда не делала десерт сама, и была в шоке от ответственности, свалившейся на меня. Сымпровизировать такой рецепт, который готовился каждый раз по-разному, более чем для двадцати человек, в доме месье Гурджиева, который всегда готовил сам, причем с таким искусством, вкусом, изысканностью и замечательным знанием кухонь многих стран, казалось просто невозможным... Я взяла себя в руки. Здесь и сейчас я столкнулась с задачей, которую, возможно, и не сумею выполнить. Вспоминая все его движения, я начала собирать необходимые ингредиенты.

В рецепте сочетались разные сорта фруктовых желе, джемы, йогурт, сливки и различные специи, которые я подбирала и постепенно смешивала, изо всех сил сосредотачиваясь на необходимых количествах и пропорциях. Я делала все на глаз, и когда мне показалось, что я более или менее подошла к искомому, я попробовала... да! Вкус был близок к ожидаемому результату; я подумала, что можно было бы добавить еще сахара, но побоялась сделать десерт приторным. Пришли люди, поэтому я оставила все как есть.

Я разыскала месье Гурджиева в комнате для специй, где он обычно принимал людей для частных бесед. Он взглянул на меня и спросил, приготовила ли я десерт, на что я ответила: "Да, месье, но я думаю, что сахара... достаточно". Месье Гурджиев повернулся к своему гостю, попросив того объяснить по-русски, почему слово "достаточно" было произнесено нерешительно. Получив ответ, он пожал плечами и проворчал: "Достаточно или недостаточно?". Я разволновалась. Из-за общего стола были слышны вопросы, голоса и смех.

Я была на кухне, когда услышала из гостиной рев, несомненно принадлежащий месье Гурджиеву. Что бы это значило? Я отправилась взглянуть.

Когда я вошла в комнату, все уставились на меня. Месье Гурджиев тоже напряженно смотрел на меня, держа над десертом -- "моим" десертом -- чайную ложку. Он спросил: "Вы... приготовили этот десерт?" Можно было слышать, как муха пролетит. Я видела, как я стою

лицом к лицу с месье Гурджиевым, ощущая на себе силу его неотступного внимания, глядя ему в глаза, ощущая взгляды всех остальных. Я припомнила все детали своих действий и ответила: "Да!".

Долгая тишина... все смотрели выжидательно. Насколько я могла вспомнить, я не совершила каких-либо ошибок. Не моргнув глазом, я выдерживала его взгляд. Он отвечал тем же. Прошел долгий момент... Затем он издал звук, мягкий катящийся звук и, обратившись к мадам де Зальцманн, сказал: "Харашо!". Мне показалось, что я упаду в обморок. Это слово, после того, как я так боялась, что "мой" десерт окажется неудачным, раздалось словно обухом по голове. Но насколько мне было приятно от того, что я сделала все верно!

Затем, повернувшись ко мне, месье Гурджиев взял свою тарелку и предложил мне. Я уже не знаю, что было потом. Испытание было настолько напряженным, что в моей памяти осталось только внутреннее исследование, которому я подверглась, глядя прямо в глаза месье Гурджиеву, чей взгляд глубоко проникал в меня.

Этот эпизод доставил мне глубокую и тихую радость, происходящую, естественно, благодаря моему успеху в трудном испытании, но также и от встречи лицом к лицу с месье Гурджиевым, в ходе которой я со всей искренностью вспоминала, какую же ошибку я могла совершить, ни разу не опустив взгляд, и еще оттого, что проверка была выдержана во всеобщем присутствии, в этой переполненной комнате. Все это было очень, очень важно для меня. Перед ним я чувствовала такое доверие, что главным было даже не то, что я могла допустить ошибку, а узнать, в чем же она заключалась; это было самым главным. Мои чувства подсказывали и, несмотря на прошедшее время, я до сих пор знаю, что даже если бы я и сделала ошибку, месье Гурджиев никогда бы не позволил себе оскорбительного замечания. Вся эта инсценировка служила именно тому, чтобы я осознала, как делать что-то хорошо и безошибочно.

Удивительно, что даже сегодня, вспоминая этот эпизод, я чувствую себя возрожденной, настоящей. Как будто он использовал ситуацию, чтобы помочь мне побороть внутренние препятствия.

=====

ОБ АВТОРАХ

РЕНЕ ДОМАЛЬ (Rene Daumal) (1908 -- 1944) -- поэт, писатель, санскритолог, один из основателей влиятельного авангардного философского журнала "Le Grand Jeu". С 1930 года и до самой смерти он тесно работал с мадам Жанной де Зальцманн и Гурджиевым. Автор книг "Большая пьянка" ("La Grande Beuverie") и "Гора Аналог: Роман об альпинистских приключениях, неевклидовых и символически достоверных", классической аллегории Гурджиевского учения.

БАСАРАБ НИКОЛЕСКУ (Basarab Nicolescu) -- физик-теоретик, знаток теории элементарных частиц, автор многочисленных научных статей. Основатель и президент Международного Центра Междисциплинарных Исследований (С.І.Р.Е.Т) во Франции.

ЧАРЛЗ Т. ТАРТ (Charles T. Tart) -- авторитетнейший зубр трансперсональной психологии, автор многочисленных книг, в т.ч. "Измененные состояния сознания" и "Трансперсональные психологии".

ПИТЕР БРУК (Peter Brook) -- директор Международного Центра Театральных Исследований в Париже. Среди его новаторских театральных постановок такие пьесы, как "Сон в летнюю ночь" и "Махабхарата". Совместно с мадам де Зальцманн был режиссером фильма "Встречи с замечательными людьми".

ДЭВИД ХАЙКС (David Nykes) -- певец, композитор, основатель Гармонического Хора, первой западной группы, практикующей гармоническое пение. Проводил обширные исследования традиций обертонового пения в Тибете, Туве и Монголии. Автор музыки к

многочисленным фильмам, в том числе к фильму "Встречи с замечательными людьми".

УИЛЬЯМ ДЖ. УЭЛШ (William J. Welch) -- врач, президент Нью-Йоркского Гурджиевского Фонда. В его книге "What Happened in Between" описано время, когда он был учеником Гурджиева и его личным врачом.

СОЛАНЖ КЛОСТРЕ (Solange Claustres) -- психоаналитик, ученица Гурджиева и мадам де Зальцманн, преподавательница Движений в Гурджиевском Институте в Париже.